ИОНА
АНДРОНОВ

ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

ТИМУР
ГАЙДАР

ПОД АФГАНСКИМ НЕБОМ

ИОНА АНДРОНОВ

ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

ТИМУР ГАЙДАР

ПОД АФГАНСКИМ НЕБОМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

84 Р 7
А 66

Андронов И. И., Гайдар Т. А.

А 66 По волчьему следу; Под афганским небом.— М.: Правда, 1983.— 304 с.

Специальный корреспондент «Литературной газеты» И. Андронов рассказывает в этой книге о деятельности ЦРУ в различных странах Европы, делится своими впечатлениями о пребывании в США, на Кипре, в Афганистане.

Писатель и журналист Т. Гайдар рассказывает об Афганистане -- стране, которая отстаивает свою независимость в борьбе с контрреволюцией, подстрекаемой империалистами США.

А $\frac{4702010200-841}{080(02)-83}$ 841—83 84 Р 7

ИОНА АНДРОНОВ

ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

ЗАПИСКИ СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ГЛАВА I

ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

...Ранним солнечным утром весной 1983 года я выехал из Софии по автостраде на восток в сторону болгаро-турецкой границы. Путь предстоял изрядный — пятьсот километров. Отличное широкое шоссе позволяло развивать предельную скорость. Окрестный пейзаж был чарующе красив: сочно-зеленые луга, розовые кроны цветущих яблоневых садов и вдалеке справа — сиреневые горные кряжи Родоп с белоснежными гребешками.

Миновав древний Пловдив, я свернул вскоре на горную дорогу и запетлял по ее серпантину меж островерхих скал и густых хвойных лесов. Эти чудесные места много веков назад воспел Овидий и одарил их именем покорившей его сердце здешней тракийки Родопы. Однако меня, репортера-газетчика, завлекла сюда не поэзия, а попытка разобраться в таинственной подоплеке нашумевшего преступления, совершенного в Италии на римской площади Святого Петра 13 мая 1981 года.

В тот майский день турецкий террорист Мехмет Али Агджа двумя выстрелами из пистолета тяжело ранил главу католической церкви папу Иоанна Павла II. И вот спустя два года другой турок, который, по словам арестованного Агджи, обещал якобы уплатить миллион долларов за убийство папы, оказался теперь под арестом у болгарских властей в родопской деревушке, куда я ныне направлялся.

Перед тем в Софии я вычитал в путеводителе по Родопам: «Там вы забудете суету современной цивилизации, насладитесь отдыхом и сможете позолотить свое

лицо горным солнечным загаром». Но там мне выпало провести лишь четыре часа в тесной, прокуренной комнате лицом к лицу с нервозно возбужденным арестантом и стерегущими его милиционерами. А посему удалось вывезти оттуда вместо курортного загара только запись добытого интервью. К нему ради полной ясности, однако, необходимо краткое разъяснительное предисловие.

ПРЕДЫСТОРИЯ: ФАКТЫ И ВЫМЫСЛЫ

Итак, обратимся сперва к беглому обзору бесспорно установленных основных фактов о римском покушении двухлетней давности. В ту пору итальянская полиция сразу же выяснила, что стрелявший в папу турок Агджа — профессиональный террорист, а по политическим убеждениям неонацист. Он состоял в конспиративной организации «серые волки», созданной в Турции фашистской «партией националистического действия» (ПНД) специально для политических убийств ее оппонентов. В 1979 году Агджа застрелил в Стамбуле главного редактора либерально-буржуазной газеты «Миллиет». Убийцу вслед за тем поймали, приговорили в турецком суде к смертной казни, но вожаки «серых волков» ловко устроили побег их соратника из стамбульской тюрьмы. Летом 1980 года Агджа, судя по его позднейшим показаниям на допросах в Риме, проехал по фальшивому паспорту транзитом через Болгарию в Западную Европу и потом девять месяцев колесил по Австрии, Швейцарии, Испании, Бельгии, Дании, Франции, Англии, Италии.

Беглый «серый волк», не имея никаких легальных источников денежных доходов и нигде не работая, жил тем не менее в самых дорогостоящих западноевропейских отелях, покупал наимоднейшие туалеты, кутил в фешенебельных ресторанах. Он истратил в Западной Европе, по подсчету итальянских следователей, только на оплату гостиничных апартаментов и переезды свыше 50 тысяч долларов. А в целом гораздо больше. И это вдвойне загадочно, ибо уже на старте своих западноевропейских похождений Агджа лишился какой-либо финансовой поддержки из Турции: в сентябре 1980 года турецкие армейские генералы, произведя государственный

переворот, посадили за решетку всех предводителей ПНД, включая атаманов «серых волков», и конфисковали их денежные фонды. Кто же щедро содержал Агджу вплоть до террористического акта 13 мая 1981 года?

Сей ключевой, пожалуй, вопрос остался, как ни странно, без ответа на римском процессе Агджи в июле 1981 года. Подсудимый заявил, что действовал вроде бы в одиночку, а откуда получал деньги — о том у него следователи вовсе не пожелали доподлинно дознаться. Процесс был на удивление поспешным, явно поверхностным и занял всего-навсего 72 часа. Агджу приговорили к пожизненному тюремному заключению.

Затем в течение полугода нераскрытое, по сути, «дело Агджи» было на Западе предано забвению. И почти никто им не интересовался, пока по сигналу Белого дома из Америки не выплеснулась очередная антикоммунистическая свистопляска — на сей раз с клеветой об «инспирации Советским Союзом международного терроризма». На такой лад первым взялся интерпретировать покушение на папу бывший главный резидент ЦРУ в Турции американец Пол Хенци. Он в декабре 1981 года сочинил для журнала «Атлантик коммьюнити» сенсационный опус: будто Агджа вовсе не турецкий неофашист, а замаскированный под «серого волка» секретный агент неких «левых экстремистов» и вдобавок «Советов». Какие же тому доказательства вдруг заимело ЦРУ? В статье Хенци — ни единого. Лишь есть одна строчка с провокационным намеком: «Насколько известно, Агджа провел в 1980 году некоторое время в Болгарии». Именно эта однострочная поначалу инсинуация ЦРУ разрослась впоследствии на Западе до сегодняшней лавины всевозможных антисоветских домыслов о ватиканском покушении.

Синхронно с первым поклепом ЦРУ на Болгарию связанные издавна с вашингтонской разведкой итальянские спецслужбы СИСМИ и СИСДЕ поручили своим офицерам негласно отрепетировать с осужденным Агджой его будущие новые показания. 29 декабря 1981 года, по свидетельству итальянского журнала «Эспрессо», майор Петручелли из СИСМИ и полицейский эксперт Боннагура из СИСДЕ явились впервые в тюремную камеру Агджи, предложили ему с ними «сотрудничать» и обещали в награду сократить его заточение до десяти

лет. Между тем резидентура ЦРУ в Риме получила от итальянского министра внутренних дел Роньони, как поведала газета «Нью-Йорк таймс», такое конфиденциальное уведомление: «Роньони сообщил, что итальянцы уже известили Агджу об их нежелании содержать его долгосрочно в одиночной камере. Это означало для Агджи перевод в общий с уголовниками тюремный каземат, где его наверняка бы прикончили. И это заставило Агджу заговорить о болгарских властях».

Позже министр Роньони публично обмолвился:

— У Агджи могли быть разные побуждения изменить свои прежние показания. Сейчас он надеется, возможно, на определенные льготы в соответствии с нашим законопорядком.

Тюремная дрессировка «серого волка», начатая с посулов и угроз, вступила во вторую фазу: чиновники разведывательных служб демонстрировали Агдже фотоснимки различных болгарских граждан, описывали их внешность, излагали собранные о них биографические данные, называли их адреса, номера телефонов, автомобилей и все это заставляли Агджу накрепко зазубрить. Дабы окончательно согласовать с Вашингтоном этот сценарий, римский следователь Иларио Мартелла, взявшийся обвинить болгар устами Агджи, отправился в США на переговоры.

Тем временем упомянутый выше Пол Хенци из ЦРУ по заданию своих боссов принялся выуживать для Агджи «болгарские улики», ради чего неустанно собирал разные кривотолки повсюду — от Вашингтона до Рима, Стамбула и Анкары. Как признала «Нью-Йорк таймс», она сразу же воспользовалась «находками мистера Хенци», а заодно он сбыл свои измышления телевизионной компании Эн-би-си, журналу «Ридерс дайджест» и еженедельнику «Ньюсуик».

И тут вдогонку за американской прессой заголосили хором против Софии и Москвы десятки западных газет, радиостанций, телекомпаний! Их открыто подстрекали консультант президента США Ричард Пайпс, бывший государственный секретарь Киссинджер, бывший советник Белого дома Бжезинский, экс-директор ЦРУ Хелмс. Президент Рейган приказал ЦРУ любыми средствами использовать «дело Агджи» для пропаганды «крестового похода против коммунизма».

Но давайте сопоставим рейгановскую пропаганду с конкретными фактами. Агджа, например, по подсказке его суфлеров еще недавно уверял, что стрелял в папу из пистолета, полученного в июле 1980 года от «болгарских агентов» в Софии. Вторя Агдже и ссылаясь на руководство американской разведки, газеты «Вашингтон пост» и «Интернэшнл геральд трибюн» оповестили: «Американские должностные лица говорят, что Агджа заполучил свой пистолет в Софии, болгарской столице, в 1980 году». Однако по маркировке и номерным знакам того пистолета системы «браунинг» выявлено теперь абсолютно точно международным полицейским агентством Интерпол, что указанный пистолет вручил Агдже весной 1981 года в Милане другой «серый волк» — турок Омер Багчи, а ему передал тот браунинг австрийский неофашист Хорст Грильмайер, поставлявший подпольно стрелковое оружие турецким террористам-фашистам. Оба злоумышленника арестованы. Неуклюжая ложь Агджи тем самым разоблачена. И что же? Закулисные авторы выдумок Агджи, ничуть не смутившись, продолжают по сей день нашептывать ему и разглашать от его имени аналогичные небылицы.

Наибольший абсурд — американская версия римского покушения и его мотивов. Солидная, казалось бы, «Нью-Йорк таймс» всерьез разглагольствует: «Москва, будучи озабочена тем, что папа-поляк Иоанн Павел II может поддержать в Польше профобъединение «Солидарность», попросила болгарскую секретную службу в 1979 году подыскать кого-нибудь, кто в дальнейшем сможет убить папу». Да ведь столь дорогая джентльменам из «Нью-Йорк таймс» польская «Солидарность» возникла на исходе лета 1980 года! Какой же демонический пророк мог предугадать в 1979 году, как отнесется папа к несуществующей субстанции?

Корректируя слишком очевидное вранье, все тот же Пол Хенци продиктовал своей коллеге из ЦРУ американке Клэр Стерлинг иную версию для журнала «Ридерс дайджест»: «Агджу завербовали, мол, уничтожить папу, «духовного отца «Солидарности» в Польше», вовсе не в 1979 году, а во время тайного побега Агджи в Западную Европу через Софию в июле 1980 года. Но кого этим одурачишь? Только несведущих людей. Ведь «Солидарность» сформировалась в августе 1980 года.

Выходит, вконец запуталось ЦРУ, пытаясь изобразить болгар кровожадными злодеями. Чего стоят фальшивки таких субъектов, как Хенци и Стерлинг, видно по их писанине в «Ридерс дайджест»: «В софийском отеле «Витоша», по словам Агджи, он получил пистолет браунинг для убийства папы».

«Нью-Йорк таймс» в одной из многочисленных статей об Агдже сокрушается, что его считают «хроническим лгуном, на основании слов которого трудно докопаться до истины». Тем не менее 25 ноября 1982 года в Риме вопреки истине, вопреки международному праву, вопреки конституционным канонам итальянского правосудия, наперекор общечеловеческому здравому смыслу по вздорному оговору лжеца Агджи был арестован болгарин Сергей Антонов. Когда я попал на родину Антонова, его томили в римской тюрьме без суда уже семь месяцев.

ПАУТИНА ЛЖИ

Посетив в Софии резиденцию Верховного суда Народной Республики Болгарии, я попросил начальника специального отдела главной прокуратуры Марина Кожухарова прокомментировать обвинения против его соотечественника Антонова, работавшего в Риме представителем болгарской авиакомпании «Балкан».

— Наше правительство уже несколько раз официально опровергло ничем не доказанные наветы,— заявил софийский юрист,—что Антонов весной 1981 года якобы подбил Агджу застрелить римского папу. Это беспардонная клевета с целью очернить нашу социалистическую республику и ее друзей. Антонов, служа в Риме, никогда и нигде не общался с Агджой. Тот порочит Антонова под чужую диктовку, повторяя одну нелепость за другой. Агджа описывает Антонова как «болгарского агента с бородой» и фантазирует, что оба они сговаривались о покушении на английском, хотя в действительности никакой бороды Антонов не имел, английским языком совершенно не владеет, а сам Агджа способен вымолвить коряво на этом языке лишь десяток слов. Россказни Агджи об Антонове сплошь несуразны. Как можно даже при крайне извращенном воображении поверить, что чей-то агент продолжает преспокойно оставать-

ся там, где полтора года назад арестовали его «сообщника» на месте преступления и подвергают поныне допросам?

Мой собеседник саркастически изложил римскую легенду Агджи о том, как накануне покушения на площади Святого Петра он спланировал с Антоновым 10 мая все детали террористического акта в присутствии жены Антонова и их 10-летней дочери. Кожухаров усмехается:

— Значит, десятилетняя девчушка из Софии тоже подсказывала бывалому душегубу, как расправиться с главой католической церкви?! Глупее не придумаешь. Но нам нынче приходится, увы, опровергать даже такую зарубежную чушь. Мы направили в Рим следователю Мартелле, ответственному за беззаконный арест Антонова, материалы, подтверждающие алиби малолетней Анны Антоновой, которая в мае 1981-го находилась в Софии у своих родственников. Мы послали Мартелле документальные доказательства того, что жена Антонова 10 мая 1981 года в Риме не была.

Кожухаров показывает присланные министерством иностранных дел Югославии фотокопии страниц регистрационной книги мотеля «Турист» в югославском поселке Нова Градишка близ границы с Италией. Администрация мотеля письменно зафиксировала пребывание в нем 9 мая 1981 года трех ехавших из Италии болгар — Росицы Антоновой и супругов Кристевых. Прокурор поясняет:

— Росица, жена Антонова, и ее попутчики Коста и Донка Кристевы выехали вместе из Рима 8 мая 1981 года, проследовали через итальянский погранпост Фернети, переночевали 9 мая в югославском Нова Градишке и отправились далее в Софию. Росица ехала навестить свою дочь и родителей. Мы пригласили Мартеллу лично проверить в Софии показания всех, кто виделся здесь 10 мая с женой Антонова. От этого Мартелла почему-то уклонился. И тогда по его запросу наше правительство организовало поездку к нему в Рим супругов Кристевых, чтобы дать Мартелле возможность опросить их. Мы предложили ему также расследовать персонально в Болгарии любые факты биографии Антонова. Но Мартелла опять-таки не воспользовался нашим приглашением. Кроме того, он отказался предоставить

нам достаточно четкие для криминалистической экспертизы фотографии Агджи.

— Зачем?

— Дело в том, что Агджа голословно говорит, будто в июле 1980 года он по дороге из Турции в Западную Европу проник к нам с поддельным паспортом на имя какого-то Йогиндера Сингха. Но не ложь ли это? Мы проинспектировали архивные списки всех иностранных визитеров сюда в 1980 году и насчитали среди них восемнадцать Йогиндеров Сингхов! Чтобы удостовериться, прокрался ли в Болгарию террорист Агджа в 1980 году под личиной одного из тогдашних восемнадцати одноименных иностранцев-транзитников, требуется повсюду, где они у нас останавливались, показать людям фото Агджи. В данной ситуации его нечеткие снимки из разных газет непригодны.

—И до сих пор неясно, был Агджа в Болгарии или нет?

— Видите ли,—сказал Кожухаров,—Агджа—мастер по части обманных трюков. Он добавил к своим римским показаниям, что по его стопам «серые волки» будто направили из Турции лазутчика в Софию, куда тот проник по фальшивому паспорту на вымышленное имя Фарук Озгун, сменил свой паспортный снимок на фото Агджи и отдал ему подделку. С тем паспортом Агджа потом отбыл в Западную Европу, разъезжал по ней беспрепятственно под псевдонимом Озгун и закончил вояж в Италии покушением на папу. Но где же улика, что переклейка фотографий в липовом турецком паспорте лже-Озгуна состоялась в Софии? Это могли на Западе проделать везде, где путешествовал Агджа. Полагалось бы, естественно, представить нам на проверку оба фиктивных паспорта Агджи, но и это римские следователи саботируют.

— Чем они аргументируют такое поведение?

— Их сугубо политические аргументы противоречат элементарным юридическим правилам,—ответил Кожухаров.—В Риме сослуживец Мартеллы прокурор Франко Скорца заявил как-то раз журналистам, что нельзя, мол, верить ни в чем болгарам, ибо те коммунисты. Зато фашисту Агдже верят! Убийце верят! И обвиняют нас на основе подсказанных ему фантастических басен. Однако мы отнюдь не призываем буржуаз-

ных законников верить нам на слово. Пусть они все проверят беспристрастно и честно. Пусть Мартелла хотя бы допросит задержанного нами турка, которого Агджа приплел к заговору против папы.

— Кто такой упомянутый вами турок?

— Его зовут Бекир Челенк. Он бизнесмен. Приехал сюда прозондировать возможность коммерческой сделки с внешнеторговыми организациями Болгарии. У нас к нему претензий не было. Но внезапно из Рима дошла весть, что следователь Мартелла объявил международный розыск турка Бекира Челенка и намерен его арестовать. Причина — заявление Агджи, что ему вроде посулил Челенк в 1980 году «с ведома болгар» свыше миллиона долларов за убийство папы. Мы, естественно, задержали Челенка и пригласили Мартеллу экстренно приехать в Болгарию допросить обвиненного человека. И вновь Мартелла отверг наше обращение. Он предпочитает, видимо, другие методы расследования, когда в римской тюрьме узников предварительно обрабатывают недозволенными способами психического воздействия. Мы, однако, ждем, что общественное мнение заставит все же Мартеллу образумиться, а пока начали собственное расследование в отношении Челенка.

— Можно ли с ним потолковать корреспонденту «Литературной газеты»?

— Можно, если он не откажется. А мы, повторю, ничего не скрываем ни от иноземных юристов, ни от представителей прессы. Кто угодно может убедиться, что наша небольшая мирная страна совершенно непричастна к разгулу терроризма в капиталистическом мире.

«МЕЛКАЯ ПЕШКА ГРЯЗНОЙ ИГРЫ»

Так с разрешения софийской прокуратуры меня допустили к странному преступнику, которого римские власти потребовали арестовать и вместе с тем не захотели своевременно допросить. По-журналистски предполагая увидеть этакого матерого «серого волка», я был озадачен внешностью интернированного в Родопах вожака отпетых террористов: Бекир Челенк — рыхлый толстяк, лысоватый, низкорослый, растерянно-суетливый. Беспрестанно курит. Сутулится. Жалуется:

— Меня оболгали! Никогда я даже издали не ви-

дел этого проклятого Агджу! Зачем мне убивать папу? Я всегда чурался всякой политики, а тем более беспутных смутьянов, заговорщиков, террористов, «серых волков», полицейских, шпионов! Всю жизнь я занимаюсь только коммерцией. У меня крупное состояние. Мой бизнес — торговля. Я умею делать деньги. На кой черт мне нанимать полоумных убийц и рисковать собою? За что все вокруг допекают меня расспросами о том, чего я не знаю?

— Вы отрицаете, что обещали уплатить Агдже за убийство папы?

— Ну, вот опять! — воскликнул Челенк. — Поймите же наконец, что этот вопрос просто идиотский. Все мои деньги на учете в западноевропейских банках. Все мои расходы и выплаты давно проверены через Интерпол римской полицией. Я не таскаю в карманах миллионных пачек валюты для скупки убийц. Коли бы я обещал отдать Агдже, как он сдуру наболтал, миллион двести пятьдесят тысяч долларов, то неминуемо я изъял бы ту сумму из банка после покушения на папу в 1981 году. Но ничего такого не было!

Челенк рассказывает, что он разбогател на торговле, живя в Стамбуле. В 1966 году уехал из Турции и продолжал успешно «делать деньги» в ФРГ, Швейцарии, Италии, Англии, США. Продавал оттуда на Ближний Восток часы, электротовары, автомашины, покупал и выгодно сбывал грузовые суда. Импортировал овощи из Болгарии. Открыл филиалы своей торгово-маклерской фирмы в Мюнхене, Лондоне, Берне, Лос-Анджелесе, Стамбуле. Совершал деловые визиты в Софию. Туда же приехал в последний раз договориться о продаже турецких цитрусовых и экспорте болгарской минеральной воды. А угодил под арест...

— Если вы не знакомы с Агджой, — спросил я, — то откуда ему ведомо ваше имя?

— Кто-то подучил его меня очернить, — ответил Челенк. — А кто, знает римский следователь Мартелла. Он тоже под контролем подстроивших мне западню.

Кладу перед ним вырезку из «Нью-Йорк таймс». Там напечатано, что разведслужбы США уже более десяти лет следили за Бекиром Челенком во время его наездов в Америку и перемещений по Западной Европе. В этом американцам помогали полицейские ведом-

ства ФРГ и Швейцарии. ЦРУ долго накапливало западноевропейские рапорты о слежке за Челенком и стенограммы его телефонных разговоров, которые записывались на пленку. Почему?

— Ничего противозаконного я не делал, — говорит Челенк. — Иначе меня давно бы покарали. Никаких осложнений с властями США и Западной Европы у меня не было. Вывод один — они просто следят за теми, кто торгует с социалистическими странами. А я допустил, к сожалению, чрезмерную беспечность: слишком поздно узнал, что мой напарник по торговым операциям Аталай Сарал — агент полиции ФРГ, а второй мой партнер Генри Арсан — осведомитель американской разведки. Видимо, ЦРУ выжидало подходящий случай, чтобы походя принести меня в жертву с дальним прицелом дискредитировать болгар.

— Каким образом?

— По роковому для меня стечению обстоятельств, — сетует Челенк, — я приехал летом 1980 года в Болгарию по торговым делам и жил с 11 по 15 июля в софийской гостинице «Витоша». О том, как догадываюсь, мои партнеры-двурушники донесли их агентурному начальству. Оно сейчас вещает голосом Агджи, что тот очутился в отеле «Витоша» в июле 1980 года. Так мне подставили капкан! Приписали, что соблазнил в «Витоше» Агджу застрелить папу. И превратили меня на Западе в мелкую подставную пешку их большой грязной игры. На болгар я не жалуюсь: уповаю, что они, безвинно тоже пострадав, расследуют облыжные обвинения Агджи и вернут мне свободу.

Не берусь выносить вердикт излияниям Челенка в целом. Не мне судить, добропорядочно или, быть может, жуликовато приумножал он на Западе свой капитал. Тамошняя коммерция — зачастую темный бизнес. Но вместе с тем на сегодня нет веских оснований усомниться в его категорическом отрицании каких-либо связей с «серым волком» Агджой.

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА ЦРУ

Вернувшись в Софию, я повидался с Росицей Антоновой. Молодая женщина, хрупкая и бледная, встревоженно поделилась новостями о тяжелом состоянии в римской тюрьме ее мужа.

— Газеты сообщают, что здоровье Сергея опасно ухудшилось. Союз юристов Болгарии заявил протест итальянским властям против применения к моему мужу недопустимых средств воздействия. Все время я отправляю письма Сергею, но с февраля не получаю от него ответных весточек. Что происходит? Что они в Риме вытворяют над мужем? Здесь, в Софии, его старая мать не спит по ночам, плачет, мучается. Я направила письмо итальянскому президенту Пертини с мольбой прекратить надругательство над правосудием и устроить по крайней мере открытый суд, а не терзать втихую Сергея в их тюрьме. Но президент Италии отмалчивается. Что ему до горестей нашей осиротевшей семьи! Таковы, видать, права человека по-итальянски.

— Что конкретно известно о здоровье вашего мужа?

— В марте итальянцы разрешили моему отцу и дочке Ане взглянуть на Сергея в тюрьме через армированное стекло и коротко с ним перемолвиться. По словам отца, Сергей разговаривает с трудом, очень медленно и невнятно, повторяет, как под наркозом, одни и те же фразы. Стоит нетвердо, покачивается. Сильно исхудал. А был он здоровяк, энергичный и жизнерадостный. Аня возвратилась в слезах: «Мне даже не позволили обнять папу!» Позже из Рима приехал болгарский врач-психиатр Темков, который тоже нашел здоровье Сергея серьезно подорванным.

Маститый болгарский медик профессор Иван Темков принял меня в своей клинике при Академии наук НРБ. Темков говорит:

— Римский следователь Мартелла согласился допустить меня для медицинского осмотра Сергея Антонова в конце марта. К этому администрация тюрьмы, где держат Антонова, готовилась еще за двадцать дней. Осмотр происходил в присутствии двух полицейских в больничной тюремной палате. Там установили, по моим наблюдениям, аппаратуру потайного подслушивания. Как только Антонов начинал произносить что-нибудь неугодное его тюремщикам, один из них распахивал дверь, входил внутрь и прерывал тем самым наше собеседование. Все же я успел выявить, что Антонов находится в болезненно обостренном психическом состоянии.

— Какие тому симптомы?

— Его одолевают головные боли. Руки и ноги — холодные, синеватые. Нажмешь — остается след. Ладони влажные. У него развилась вегетативная дистония, появилась нервная депрессия. Это результат воздействия извне, чему он мужественно сопротивляется и стремится сохранить духовную стойкость. Он мне сказал: «Досаждают больше всего навязанные мне каким-то способом не мои мысли. Они насильно врываются мне в мозг. Мешают читать, думать, отдыхать. Гоню их, а они атакуют меня по чьей-то жестокой воле».

— Что же ему навязывают?

— Мысли о смерти.

Как и какими снадобьями пытаются подавить психику не поддавшегося интригам ЦРУ болгарина, — это еще секрет, не раскрытый и профессором Темковым. Но за пять дней до его визита в Рим побывавший там же американский журналист Николас Гейдж частично разгласил засекреченный замысел внушения Антонову навязчивых мыслей о смерти: в камеру к нему запустили полицейского агента болгарского происхождения — некоего Пейтчева, который стращал заключенного тем, что «его жизнь в опасности» и посему «единственный способ спасти себя — это сотрудничать с итальянской полицией».

Антонов гневно отказался пойти на подлость. Попытки ЦРУ доказать виновность арестованного болгарина потерпели фиаско. А освобождение Антонова привело бы к серии провалов вашингтонской пропаганды. Под угрозой антисоветская кампания Белого дома о «советских корнях» международного терроризма. Чреваты катастрофой попытки администрации США использовать ватиканское покушение для повсеместного науськивания католиков на коммунистов, и особенно для раскола глобального движения за мир, которое охватило от США до Италии и ФРГ миллионы католиков, их священников, епископов и массы людей социалистических убеждений. Сплоченность этих сторонников мира в Западной Европе — главное препятствие к размещению там новых батарей ракетно-ядерного оружия США. Короче говоря, смонтированное ЦРУ «дело Агджи» стало как бы взрывчатым компонентом рейгановской политики.

Поэтому розыск подлинных наставников и покровителей Агджи отнюдь не репортерская прихоть, не детективная авантюра, не приключенческая охота за «серым

волком», а насущная политическая потребность. Но бесполезно, как я еще раз убедился, искать вербовщиков Агджи в Болгарии, так как в том краю не было и нет места террористам. Рассчитывая докопаться до скрытых корней первоначальных кровавых деяний Агджи, я вылетел из Софии в Стамбул.

УБИЙСТВО В СТАМБУЛЕ

Если когда-нибудь судьба забросит вас в Стамбул, то знайте, что там везде — на рынке, в продуктовых лавках, отелях, такси — надо по-восточному горячо торговаться, а иначе вас запрезирают и сдерут втридорога. Приобщившись в прошлом к стамбульским обычаям, я теперь, прилетев туда из Софии, снял после традиционной полемики о цене маленькую комнату на верхотуре 16-этажного отеля. По соседству громоздилась крепостная 120-метровая Галатская башня, выстроенная шесть веков назад. Вид из моего окна был экзотический: внизу — рыжие лоскуты черепичных крыш и лабиринт ущелий узеньких старинных улочек, теснящихся вплотную к голубой ленте залива Золотой Рог. На его противоположном берегу — стрельчатые свечи минаретов, огромные купола мечетей, древние бастионы византийской эпохи и дворцовые терема султанов. Слева виднелась водная гладь Босфора, по ней сновали юркие рыбачьи фелюги и белые корабельные паромы, изрыгавшие клубы черного дыма.

Возобновляя знакомство со Стамбулом, я заметил перемены на его многолюдных улицах: перекрестки, набережные, мосты, площади патрулировали группы солдат с автоматами на изготовку. По городу курсировали броневики военной жандармерии. Со времени армейского переворота осенью 1980 года в Турции было введено чрезвычайное положение. По утрам продавцы стамбульских газет выкрикивали свежие новости о судах, арестах, казнях, изгнании профессоров-вольнодумцев из местного университета. Купив газету «Тёркиш дейли ньюс», я прочел, что «за истекший период с сентября 1980 года, когда свершился переворот, повешено 42 осужденных».

Занятие в Турции политикой стало крамолой, караемой, как случалось здесь с журналистами, в лучшем

случае денежным штрафом. А в худшем — тюрьмой. Оба варианта меня, понятно, ничуть не привлекали. И я понадеялся на то, что мои репортерские исследования должны, казалось бы, выглядеть не политическими, а скорее историческими с позиции правивших Турцией генералов. Ведь они взяли власть в 1980 году, а меня интересовало стамбульское событие, датированное 1 февраля 1979 года.

То событие произошло в благоустроенном жилом квартале, где добротные современные дома заселены состоятельными стамбульцами. Там не слышно истошных воплей уличных торговцев, громких радиомолитв муэдзинов, какофонии пароходных гудков и сирен. Не увидишь, как на других улицах, нищих, бездомных бродяг среди пыльных куч мусора.

Шагаю по чистой, тихой улице Каракол, которая упирается перпендикулярно в улицу Абди Ипекчи. Название «Каракол» означает в переводе на русский «Околоточная». Абди Ипекчи — имя собственное. Так звали главного редактора наиболее популярной стамбульской газеты «Миллиет». Он жил на улице Каракол. Вечером 1 февраля 1979 года Абди Ипекчи возвращался сюда из редакции «Миллиет» один в автомобиле, доехал до угла своей улицы, притормозил перед крутым поворотом, и тут в темноте метнулся к нему сбоку мужчина с пистолетом в руке. Грянули выстрелы. Ипекчи был сражен наповал.

Турецкая полиция вскоре арестовала убийцу—террориста неофашистской организации «серые волки» Мехмета Али Агджу. Он признался, что застрелил Абди Ипекчи. А затем ухитрился сбежать из-под стражи и — уже в Италии—дважды нажал курок пистолета, ранив римского папу 13 мая 1981 года. Закономерен вопрос: есть ли политическая взаимосвязь между обоими преступлениями Агджи?

КТО ДРЕССИРУЕТ ТЕРРОРИСТОВ

Стамбул—единственный, пожалуй, крупный город, расположенный на стыке Европы и Азии. На европейской стороне—все его туристические достопримечательности. К ним не относится выстроенная на азиатском берегу большая военная тюрьма Картал-Малтепе. Она

снискала все же известность тем, что из ее тщательно охраняемых казематов умудрился улизнуть после гибели Ипекчи убийца Агджа. Выкрали его оттуда неразоблаченные сообщники. Они сумели подкупить некоторых тюремщиков, переодеть Агджу в армейскую униформу, провести его беспрепятственно сквозь семь постов стражи и увезти с полным комфортом в заранее заготовленном автомобиле. На следующий день, 26 ноября 1979 года, беглый террорист нагло отправил в газету «Миллиет» уведомительное письмо о своих дальнейших замыслах предпринять покушение... на папу Иоанна Павла II! Агджа открыто грозил: «Я обязательно убью папу». И отправился тайком в Западную Европу.

На сей счет возникают неминуемо новые вопросы. Почему западные разведслужбы и полицейские ведомства, зная наперед о намерениях убийцы, не перехватили Агджу во время его девятимесячного турне по Западной Европе, включая Италию? Примечательно, что в ту пору турецкие власти, объявив международный розыск Агджи, разослали его фотографии соответствующим спецслужбам стран НАТО. И еще: коли убийство в Стамбуле турецкого журналиста можно мотивировать какой-либо враждебностью к нему тамошних неонацистов, то как объяснить, зачем им приспичило по загадочной причине расправиться с папой в далекой Италии? Явно ради этого Агджу извлекли из стамбульской тюрьмы, командировали нелегально в Западную Европу и секретно снабдили, как выяснила позже римская полиция, 50 тысячами долларов. Такие затраты и прочие хлопотные махинации не сулили никаких политических дивидендов турецким «серым волкам». Так кому же понадобился их оголтелый стрелок?

Мехмет Али Агджа, которому ныне 26 лет, родился и вырос в турецком провинциальном городе Малатья, где и примкнул юнцом к одной из ячеек «серых волков» — террористического подразделения фашистской «партии националистического движения». Создатель ПНД — престарелый отставной полковник Альпарслан Тюркеш. В годы минувшей мировой войны он спутался с германской разведкой. Впоследствии Тюркеш принялся на родине проповедовать нацизм, зазывал мелкую буржуазию, разорившихся ремесленников, безработных, деклассированных люмпенов вступать в штурмовые

вооруженные отряды и готовиться к захвату власти по гитлеровскому образцу. В 70-х годах штурмовики Тюркеша учинили по всей стране бойню «красных», пристрелив и зарезав сотни преподавателей учебных заведений, студентов, рабочих, прогрессивных политиков, профсоюзных деятелей. Живодеры горделиво именовали себя «серыми волками»; их эмблема — воющий на скале серый волк с задранной вверх клыкастой пастью. Тюркеш рвался в турецкие фюреры, но армейские генералы его опередили в 1980 году и упекли под арест, обвинив в «попытке свержения конституционного режима для установления фашистской диктатуры». Банды «серых волков» рассеялись и затаились.

Тремя годами ранее 19-летний волчонок Агджа заделался террористом в Малатье, где неонацисты убили неугодного им учителя гимназии. В порядке поощрения Агджу впервые направили из его захолустья вкусить заграничной жизни и набраться опыта в Бейруте. Южнее Бейрута, как признался потом Агджа на римских допросах, он «прошел 40-дневный курс обучения в секретном лагере тренировки террористов». Кто верховодил тем лагерем, об этом Агджа высказывает уклончиво лишь путаные предположения. Но есть уже возможность внести здесь ясность.

...Перенесемся ненадолго в Нью-Йорк, где мне довелось проработать несколько лет корреспондентом «Литературной газеты» и однажды узнать кое-что весьма любопытное о турецких «серых волках». Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила в декабре 1979 года, что осенью полиция получила агентурную информацию: владелец торговой фирмы «Оушиэник интернэшнл» гражданин США Фрэнк Терпил занимается под видом экспорта музыкальных инструментов контрабандой американского оружия на Ближний Восток и открыл в Бейруте свою контору, откуда рассылает наиятых им американских офицеров из спецвойск «зеленых беретов» тренировать зарубежных террористов. Выследив Терпила в Нью-Йорке, полицейские решили расставить ему ловушку и взять с поличным.

Два детектива, как описала позже «Нью-Йорк таймс», прикинулись приезжими эмиссарами иностранных террористов и пригласили Терпила обсудить с ним в нью-йоркском отеле «Хилтон» покупку у него десяти

тысяч автоматов за 2,5 миллиона долларов. Терпил согласился выполнить заказ и вместе с напарником американцем Джорджем Коркалой притащил даже в «Хилтон» три показательно-рекламных экземпляра своего смертоносного товара. За это агенты выплатили ему авансом 56 тысяч долларов в счет оговоренной сделки. Но потребовали от него клятвенных заверений, что он справится с их колоссальной оружейной заявкой.

И тогда Терпил, бахвалясь, рассказал, как запросто вооружил придворную гвардию египетского президента Садата, контрразведку иранского шаха, карательные войска угандийского деспота Иди Амина и поныне оснащает турецких «серых волков». Упомянув турецких нацистов, Терпил наглядно продемонстрировал собеседникам скорострельный «браунинг» 9-го калибра. Спустя пятнадцать месяцев из такого же пистолета Агджа выстрелил в римского папу.

Расхваливая свой арсенал, продавец смерти, впрочем, не подозревал, что его излияния записывают замаскированные магнитофоны. Он изумленно замер, когда в комнату отеля торжествующе вломилась дюжина полицейских с нацеленными на него револьверами. На радостях они продырявили пулями потолок. И растрезвонили назавтра о своем успехе в газетах.

Однако полиция сразу же оконфузилась: Терпил служил в ЦРУ! Газета «Вашингтон пост» обнаружила, что сперва он шесть лет подвизался в разведке Пентагона, затем с 1965 по 1971 год был офицером ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке, а далее ЦРУ уполномочило его наладить под вывеской частной коммерческой фирмы переправку за пределы США американского оружия и военных инструкторов своей заморской клиентуре. После трагикомического ареста Терпила его вашингтонский юрисконсульт Филип Хиршкоп заявил:

— Бизнес мистера Терпила совершенно законен. Его фирма тесно контактирует с Пентагоном, разведывательно-полицейскими учреждениями и секретной службой США. Фрэнк Терпил обладает лицензиями на сбыт за границу оружейного товара.

В скандальное дело вмешался тогдашний директор ЦРУ Тернер. Хотя нью-йоркская прокуратура добивалась суда над Терпилом и его пособником Коркалой, тем не менее обоих освободили под долларовый залог,

и они летом 1980 года смылись из США опять в Бейрут.

Но поневоле ЦРУ пришлось списать оплошавших агентов из-за огласки откровений Терпила о «серых волках». Дабы публично отмежеваться от Терпила и на будущее заткнуть ему рот до конца его дней, американские власти приговорили «заочно» несдержанного на язык агента к 50-летнему тюремному заключению. А весной 1981 года Агджа разрядил в Ватикане свой «браунинг», вслед за чем Терпил, зная нравы ЦРУ, осознал вполне резонно, что теперь ему следует остерегаться уже не столько отправки в отечественную тюрьму, сколько свинца в спину или бесшумного отравления. И он через несколько недель после римских выстрелов Агджи изыскал способ упредить ЦРУ, заявив во всеуслышание, что его укокошить втихую никак не удастся! Терпил вызвал к себе в Бейрут лондонских телевизионных репортеров, гарантировав им сенсационное интервью, в котором заново подтвердил, что он с подчиненными ему американскими «зелеными беретами» вооружал и муштровал турецких «серых волков».

Бросив телевизионный контрвызов ЦРУ, Терпил скрылся из своего бейрутского дома и ушел в конспиративное подполье. И вовсе не зря. Агенты ЦРУ заманили наведаться в США и моментально арестовали его жену Мэрилин Терпил, служившую прежде в ЦРУ гримершей шпионского персонала. Подручный Терпила — Джордж Коркала — удрал из Бейрута в Мадрид, но там его настигли ищейки вашингтонской разведки, похитили, доставили в США и упекли в каталажку. Второго компаньона Терпила — ветерана ЦРУ Эдвина Уилсона — тоже сослуживцы умыкнули силком в США и упрятали за решетку. Третий помощник Терпила — офицер ЦРУ Кевин Малкэхи — был найден мертвым близ штаб-квартиры ЦРУ под Вашингтоном. Секретарша Терпила — Мэри Маккарти — укатила из Бейрута в Западную Европу и принялась со страху метаться инкогнито по разным городам. Очутившись в марте 1983 года проездом в Дублине, она повстречалась с корреспондентом ирландской газеты «Санди пресс» и отважилась, подобно Терпилу, обезопасить себя хоть немного публичной исповедью о дрессировке ЦРУ «серых волков». Вот напечатанные 27 марта в «Санди пресс» слова Мэри

Маккарти: «Фрэнк Терпил работал на ЦРУ в то время, когда занимался подготовкой Агджи. Сегодня я чувствую, что за мною следят. Никогда еще я не была так напугана. Я должна постоянно быть в движении».

С устными покаяниями Терпила и его секретарши смыкается документированный полицией Стамбула факт: после возвращения Агджи из бейрутского училища террористов он начал получать в Турции денежные переводы. Первый — в декабре 1977 года — составил две тысячи долларов. Последний — в канун убийства Абди Ипекчи в 1979 году — равнялся 10 тысячам долларов. Первая сумма, судя по всему, являлась пособием-стипендией завербованному террористу. Последняя — гонораром за ликвидацию стамбульского журналиста. Но зачем приказали его убить?

ПРЕДСМЕРТНАЯ РЕМАРКА АБДИ ИПЕКЧИ

Разоблачить подноготную оплаты террористических акций Агджи пытался адвокат семейства Ипекчи профессор Сахир Эрман, преподающий юриспруденцию в Стамбульском университете. Встретился я с Эрманом у него дома. Он был нездоров, перенес сложную операцию на сердце, но согласился, нарушив предписанный врачами режим покоя, побеседовать с московским гостем.

— Расследуя убийство моего друга Ипекчи, — вспоминал профессор, — наша полиция заполучила из ряда турецких банков квитанции о выплате денег Агдже. Я изучил эти квитанции. Их анализ выявил, что Агджа неоднократно перекладывал по разным банкам одни и те же полученные ими суммы, камуфлируя как бы нарочно их первоисточник. Однако полиция с моим участием откопала в банковских архивах бумаги с личными подписями и адресами содержателей Агджи. Да только эти имена и адреса оказались на деле фальшивыми! Такие изощренные уловки были не характерны для здешних фашистов. Обычно главарь шайки «серых волков» выдавал денежные премии собственноручно, чтобы внушить награжденному собачью преданность к атаману. Но опекуны Агджи предусмотрительно оставались невидимками. Они осторожны и прозорливы. Это они четыре года назад, а не их «серый волк» полущенячьего возраста, дальновидно спрогнозировали драматические последствия гибели Ипекчи.

— Что вы имеете в виду?

— Существует расхожее мнение,— сказал Эрман,— будто «серые волки» набросились на главного редактора «Миллиет» в отместку за то, что он уговаривал владельцев газеты не продавать ее богатому турецкому финансисту, связанному с неонацистами. Но почему они, устранив Ипекчи, никак не старались приобрести «Миллиет»? А потому, что наниматели Агджи преследовали другую цель, причем несравнимо более крупную.

— Какую?

— Придется,— ответил стамбульский юрист,— описать вам обстановку в Турции первых недель 1979 года. Это было смутное время общественного разброда, анархии и кровавого экстремизма. «Серые волки» истребляли тех, кого они огульно причисляли к коммунистам. Пустили в ход оружие и разношерстные ультралеваки. Однако люди нашей обеспеченной прослойки аполитично самоизолировались: пускай, дескать, правые воюют с левыми и крошат черепа вообще кому угодно, кроме нас. Мы жили по-старому беззаботно. Днем — бизнес, вечерами — рестораны, кинотеатры, дансинги. И вдруг убийство одного из нас, стоящих в стороне от вооруженных схваток! Абди Ипекчи—редактор ведущей газеты, популярный обозреватель, оракул стамбульской публики—чурался и правых и левых. Он был преуспевающим респектабельным журналистом, вхожим в кабинеты министров и резиденции послов. Когда его застрелили, вспыхнула всеобщая паника: каждый начал бояться террористов. А они еще пуще принялись лютовать, убивая зачастую по 20 человек в сутки. Назревал кризис. К этому, как я убежден, умышленно стремились инициаторы убийства Ипекчи. Агджа—всего лишь их стреляющая марионетка. Они хотели сковать нас страхом и подчинить себе.

Эрман считает, что стамбульское убийство и ватиканское покушение имеют определенное сходство. Он объяснял мне:

— Оба преступления планировались в расчете на большие политические последствия. В 1979 году—в масштабах Турции. В 1981 году—с международным размахом. А сценарий поведения дважды пойманного Агджи повторялся. Под следствием в Стамбуле убийца

обманно менял не раз свои показания и упорно лгал в ответ на вопросы о его предводителях. Недавно я, будучи в Риме, разговаривал с одной турчанкой, которая была там переводчицей при допросах Агджи. По ее словам, он противоречил сам себе, переиначивая то так, то сяк свои римские показания. Агджа — лжец, вышколенный его менторами. Хотя он из стан «серых волков», но не они, по-моему, запрограммировали итальянское покушение.

Суждения профессора Эрмана логичны и аргументированны. В них есть, впрочем, один пробел относительно Турции: мой собеседник, видимо, не разгадал, почему возбудители вакханалии террора, вызвавшего в итоге государственный переворот, приступили к дестабилизации турецкого общества с убийства Ипекчи, а не какого-либо другого представителя элиты. В надежде как-то расшифровать эту политическую шараду я, помимо визита к Эрману, навестил вдову его друга.

Сибел Ипекчи, как и до смерти мужа, живет в их стамбульской квартире на улице Каракол. Туда же пришла побеседовать со мною ее родственница Эймен Сезермен, кузина Абди Ипекчи. Разговор был нелегким. Вдова расплакалась. Моложавая, изящная турчанка все еще носит черную траурную одежду. У нее в гостиной над полками бережно хранимых книг мужа выставлен его фотопортрет. На нем Ипекчи, симпатичный брюнет с посеребренными сединой висками, добродушно улыбается. Глядя горестно на него, овдовевшая женщина говорила:

— Никак не могу смириться с гибелью Абди. И была бы благодарна всякому, кто помог бы отыскать палачей мужа. Не способен был Агджа подготовить в одиночку убийство Абди. Мой муж пал жертвой нераскрытого, к сожалению, заговора.

— Откуда вы знаете?

— Сопоставила установленные точно факты, — промолвила она. — В роковой для мужа день 1 февраля 1979 года Абди находился в Анкаре и поначалу не собирался тогда же вернуться домой. В столице он получил аудиенцию у премьер-министра. Посетил знакомых ему правительственных чиновников. И, покончив с делами, после полудня 1 февраля вылетел самолетом в Стамбул, о чем здесь никого не уведомил. Из стам-

бульского аэропорта поехал в редакцию «Миллиет». Домой возвращался в неурочное для него позднее время — около девяти часов вечера. Но это не дезориентировало убийцу в засаде возле нашей улицы. И он не спутал во тьме автомобиль Абди с проезжавшими прочими машинами. Ясно, что Агджа не успел бы обогнать мужа у нашего дома и — тем более — хладнокровно дожидаться его, если бы носился по пятам за ним в Анкаре и Стамбуле, в аэропортах и учреждениях. Неотступную слежку вела целая банда заговорщиков. Они показали нам свои когти еще в январе 1979 года.

— При каких обстоятельствах?

— За две недели до смерти Абди, — продолжала Сибел, — на автостоянке у здания «Миллиет» злоумышленники воровски вскрыли машину мужа и копались в ней. В ту пору террористы проделывали такое перед тем, как подложить мину в чей-нибудь автомобиль. За первой их вылазкой последовала вторая: какой-то мужчина остановил криком на улице ехавшего в машине мужа, наставил на него дуло пистолета, но не выстрелил. Осечка? Одновременно в редакции «Миллиет» ночные взломщики украли блокноты мужа с журналистскими записями. Те, кто замыслил убить Абди, решили похоронить заодно его рукописи, которые могли содержать сведения, нежелательные врагам моего мужа. Они выкрали и его телефонно-адресную записную книжку. Абди сказал мне: «Если теперь меня убьют, что станется с тобою и всей моей родней?»

— Он опасался за себя и за нас, — добавила кузина Ипекчи, — по той, очевидно, причине, что собрал, являясь очень осведомленным журналистом, такую информацию, которая могла стоить ему жизни.

— Чем он напоследок интересовался?

— Контрабандой из-за границы оружия для террористов, — засвидетельствовала Эймен Сезермен. — Он призывал обуздать «серых волков», пока не слишком поздно. В начале января 1979 года Абди при мне возмущался массовой резней, устроенной «серыми волками» в городе Кахраманмараш. Абди взволнованно предупреждал, что над всей Турцией нависла большая беда.

— Так не проведал ли Ипекчи, — спросил я, — о плане турецких неофашистов захватить власть?

— Вполне вероятно,— отозвалась Сибел.

— И неужели ничего не уцелело из его предсмертных записей?

— У меня есть настольный календарь с пометками мужа,— сообщила вдова.— Сейчас вам покажу.

Отлучившись из гостиной, она принесла мне тетрадку в кожаном переплете. На обложке — металлическая надпись «А. Ипекчи». Внутри — страницы с датированными вертикальными графами. Они содержали в январе 1979 года лишь с полдесятка турецких имен приятелей и коллег Абди Ипекчи. Зато записано его аккуратным мелким почерком в графе 13 января 1979 года: «15 час. 30 мин. Пол Хенци».

Ну и сюрприз! Американец Пол Хенци — бывший главный резидент ЦРУ в Турции.

ПОЛ ХЕНЦИ ИЗ ЦРУ

— Где Ипекчи встречался,— полюбопытствовал я,— с американцем Полом Хенци 13 января 1979 года?

— В редакции «Миллиет»,— заверила Сибел.— Это была деловая встреча, как полагаю, ради обмена политическими новостями. К мужу нередко наведывались в «Миллиет» иностранные дипломаты и журналисты. Мистер Хенци служил, кажется, в анкарском посольстве Соединенных Штатов.

— Он служит, мадам, с молодых лет и по сей день в Центральном разведывательном управлении США.

Пришлось проинформировать моих собеседниц, что в 1979 году, когда я жил в Нью-Йорке, солидное американское издательство «Лайл Стюарт инкорпорейтед» завершило публикацию о ЦРУ двухтомного справочника, в котором Пол Бернард Хенци значится кадровым офицером ЦРУ генеральского ранга. Справочник констатировал, что Хенци под личиной дипломата действовал в Турции в 1958—1959 годах и повторно с 1974 по 1977 год. В 70-х годах он был в Турции, согласно справочнику, «начальником резидентуры ЦРУ». На исходе 1977 года Хенци отозвали в Вашингтон и повысили, назначив «уполномоченным ЦРУ в аппарате Совета национальной безопасности при президенте США». Таким образом, Хенци, явившись в Стамбул на январское рандеву 1979 года с Абди Ипекчи, был тогда одним из руководителей ЦРУ.

— Мог ли Ипекчи не знать известной многим истины о ремесле Хенци?

— Это исключено,—откликнулась Сибел.—Мой муж отличался первоклассной осведомленностью о подобной специфике.

Надо, выходит, с учетом его осведомленности о махинациях ЦРУ разобраться в делах Ипекчи, которыми тот занимался перед гибелью. Когда на пороге 1979 года он расследовал контрабанду западного оружия «серым волкам», то не мог, конечно, не прочесть в стамбульских газетах о том, что турецких неофашистов вооружает агентура ЦРУ. Когда Ипекчи клеймил «серых волков» за резню в Кахраманмараше, то знал наверняка, что среди подстрекателей той бойни был опознан агент ЦРУ Александр Пек, сотрудник посольства США. Когда Ипекчи узнал о подготовке «серыми волками» путча, то был уже, видимо, в курсе того, что главарь неонацистов Тюркеш систематически получает по почте обильные долларовые ассигнования из США и подчиняется указаниям приставленного к нему агента ЦРУ Маршалла Берга, советника анкарского посольства США.

Но почему в результате Ипекчи обратился к вашингтонскому Полу Хенци? Решил, быть может, наивно, что тот одернет своих соратников в Турции? Либо передаст штаб-квартире ЦРУ и Белому дому просьбу Ипекчи притормозить их подрывные операции на турецкой земле? Такое предположение допустимо, ибо Ипекчи, буржуазный журналист, не выказывал неприязни к американским властям и не порицал военно-политический альянс США с Турцией. Он был по-своему турецким патриотом, но доверял иллюзорно творцам вашингтонской политики.

И уж совсем неразумно Ипекчи доверился Полу Хенци, который после гибели Ипекчи гласно приветствовал через американскую прессу свержение в Турции гражданского правительства. В 1980 году советник Белого дома Бжезинский поручил Хенци курировать западноевропейские радиостанции ЦРУ, чьи радиостудии Хенци наводнил закоренелыми фашистами. Он предоставил микрофоны пресловутой «Свободной Европы» румынскому нацисту и беглому военному преступнику Валериану Трифе, который с ведома Хенци координи-

ровал из США взаимодействие зарубежных филиалов фашистского «Черного интернационала». К нему подключились и турецкие «серые волки». С ними и остальными соучастниками «Чериого интериациоиала» Пол Хенци издавна иаладил контакты ЦРУ. Не случайно он принялся ныне расписывать на Западе в газетах террористические похождеиия «серого волка» Агджи и трактовать их стамбульский период таким манером, чтобы обеспечить себе алиби. Оио выглядит сейчас поразительно шатким: через два дня после разговора Ипекчи с Хенци «серые волки» ополчились иа стамбульского редактора и спустя две недели убили.

Возможно ли теперь предъявить инкриминирующие улики Полу Хенци и допросить его? С этим вопросом я направился в редакцию «Миллиет». Там газетчики самостоятельио ведут с 1979 года расследование убийства Абди Ипекчи. На даниую тему толковали со мною главный редактор «Миллиет» Доган Хепер, заведующий отделом междуиародиой информации Йозер Ялчи, политический обозреватель Сэми Кохин, специальный корреспоидент Джихан Экерсон. Их высказывания подытожил друживший с покойным шефом «Миллиет» обозреватель Кохин:

— Нам так и не удалось изобличить закулисиых виновников гибели Ипекчи. Наше расследование зашло в тупик.

Экерсои подтвердил мне достовериость сведений вдовы Ипекчи о преследовании террористами ее мужа после его свидания с Полом Хенци.

— Вы разузнали у Хенци, — спросил я, — содержание беседы с Ипекчи?

— Избави боже! — воскликнул Экерсон. — Никто здесь не осмелится сегодня раздражать американцев подобными расспросами.

— Это опасио?

— Несомненно.

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА В БЕЛУЮ КРАПИНКУ

И все же встретился мне один турецкий журиалист, который задал мистеру Хеици занимавший меня вопрос. Зовут того журиалиста Угур Мумджу. Ои возглавляет в Аикаре корпункт стамбульской газеты «Джум-

хуриет». У нее репутация «левоцентристского рупора». Даже за столь робкую фронду власти частенько штрафуют и мытарят по судам редакторов «Джумхуриет» или приостанавливают временно ее издание. А между тем у Мумджу прекрасные отношения со столичными властями. Мумджу — непростая, двойственная личность. Ее не обрисуешь однотонно ни сплошь черным цветом, ни, наоборот, только белым.

— У меня имеются влиятельные доброжелатели в полиции, — сказал мне Мумджу напрямик в Анкаре. — Они обычно показывают мне их полицейские досье, которые я использую в своих статьях. Однако не верьте грязным сплетням обо мне. Я по убеждению социалист.

Абракадабра? Тем не менее несколько лет назад Мумджу действительно слыл прогрессивным журналистом и выступал соответственно на страницах «Джумхуриет». Он резко осуждал турецких «серых волков» и доказательно вскрывал их секретные связи с ЦРУ. Кончилось тем, что Мумджу поплатился за свои писания годом тюрьмы. Из нее он вышел духовно надломленным. Взявшись опять за перо, угождал реакционерам. Прислужничал полиции и контрразведке. Именуясь по старинке «социалистом», примкнул к спровоцированной ЦРУ по поводу римского покушения Агджи клеветнической кампании против социалистической Болгарии. Мумджу в беседе со мною вынужденно открещивался от брошенных ему другими журналистами обвинений в подыгрывании ЦРУ.

— Неправда! — горячился он. — Я не наймит ЦРУ!

— А знакомы ли вы с Полом Хенци?

— Да, — изрек Мумджу. — Пол Хенци работает в ЦРУ. Примерно два месяца назад Хенци и американская журналистка Клэр Стерлинг нагрянули ко мне внезапно. Стерлинг тоже подвизалась в ЦРУ, а ныне обслуживает израильскую разведку «Моссад». Хенци и Стерлинг долго уговаривали меня, чтобы я поддержал их измышления о причастности якобы советского КГБ к покушению на римского папу. Но это голословный вымысел. Без доказательств. Без улик. Такое невероятно. И я ответил отказом Хенци и Стерлинг.

— Кто же управлял, по-вашему, Агджой?

— Недавно я побывал в Риме, — проговорил Мумджу. — Ведущий дознание о покушении на папу следователь Мартелла допустил меня в камеру Агджи с расчетом вызвать того на откровенность с соотечественником. Я обязался не разглашать пока услышанного от Агджи. Скажу вам лишь главное: Агджа был и остается рьяным фашистом.

— Значит, коммунисты тут ни при чем?

— Повторяю вам, — подчеркнул он, — Агджа — фанатичный **наци.** Он «серый волк». А вожак «серых волков» Тюркеш был всегда накрепко связан с ЦРУ.

Далее речь зашла снова о бывшем турецком резиденте ЦРУ Хенци, и Мумджу заявил, что успел раньше всех проведать насчет странной стамбульской встречи Хенци с убитым вслед за тем Абди Ипекчи. Кроме сохранившегося настольного календаря погибшего редактора, Мумджу сослался на доступный ему «иной источник информации». Тем самым он намекнул прозрачно на турецкую контрразведку.

— Я спросил у Хенци, — сказал Мумджу, — о чем он разговаривал с Ипекчи 13 января 1979 года. Мой вопрос разозлил Хенци. Я понял, что расспрашивать его абсолютно бесполезно. Хенци отказался, по сути, наотрез об этом говорить.

Слушая Мумджу, я был удивлен его перевоплощением в обличителя ЦРУ. Уж не возмечтал ли он реабилитироваться как былой «социалист»? Но гораздо вернее, что своевременно учуял: антикоммунистическая шумиха ЦРУ вокруг террориста Агджи приближается к постыдному банкротству, а потому пришел срок отступиться от издыхающей пропагандистской утки. Да еще лягнуть ее напоследок, чтобы вновь прослыть прогрессивным. Нюх у Мумджу обостренно тонкий на грядущие перемены. Их предугадывает он благодаря подсказкам его всезнающих анонимных попечителей.

— Возьмите на заметку имя Рузи Назер, — порекомендовал Мумджу. — Это многолетний связник ЦРУ с «серыми волками». Прежде Рузи Назер орудовал в Анкаре, числясь сотрудником посольства США. Потом Назер перебрался в Западную Германию, где «серые волки» опутали и подчинили себе десятки тысяч законтрактованных там турецких рабочих. В 1980 году в Турции было перехвачено письмо атаману «серых вол-

ков» из ФРГ от сбежавшего туда Агджи. Его пригрели в ФРГ региональные заправилы «серых волков», с которыми тесно общался агент ЦРУ Назер. Он лучше всех знает — кто, как и зачем руководил террористическими актами Агджи.

— Вы уведомили об этом, будучи в Риме, итальянские власти?

— Да. Но следователь Мартелла никак не отреагировал.

— А сами вы пытались встретиться с Назером?

— Да, в ФРГ, — ответил Мумджу. — Однако тщетно. Назер прячется от журналистов. Он окопался в Бонне. Работает в боннском посольстве США. Поныне ведает связями ЦРУ с «серыми волками».

Неделю спустя я вылетел в Западную Германию.

ЗАГОВОРЩИКИ ИЗ ФРАНКФУРТА

Проехав и пролетев сотни километров, опросив в Софии, Стамбуле, Анкаре десятки людей, я повстречался наконец во Франкфурте-на-Майне с человеком, который соткал кропотливо сеть полицейских улик и доказал — кто, где, когда и за какую мзду нанял турецкого террориста Агджу совершить покушение на римского папу. По горькой иронии судьбы наниматель Агджи и его разоблачитель были почти соседями во Франкфурте: первый имел резиденцию на Гутлойтштрассе, второй — неподалеку на Герихтштрассе.

Герихтштрассе — маленькая улица с большой мрачной достопримечательностью: тут громоздится каменная махина старой городской тюрьмы. А возле нее — конторского типа многоэтажное здание «Дворца правосудия». Войдя туда, я попросился на прием к Гансу Герману Эккерту, главному прокурору земли Гессен.

В холле франкфуртского «Дворца правосудия» устроена своеобразная фотопортретная галерея наиболее опасных террористов. Тех, кто еще на воле. Остерегаясь их, охранники на первом этаже придирчиво проверяют документы визитеров. Меня направили на седьмой этаж, а там, выйдя из лифта, утыкаешься в стальную стенку с окошком из пуленепробиваемого стекла. За ним дежурит полицейский страж. Он принял сквозь стекло через специально изогнутую щелочку удостове-

рение личности посетителя, сверил мою физиономию с паспортным снимком и удалился, как видно, для дополнительной инспекции. Потом в стальной перегородке бесшумно образовалась брешь, из нее выглянул постовой, поманил меня и отконвоировал по узкому коридору к кабинету главного прокурора. Ганс Эккерт оказался грузным седым исполином с вялой официозно-вежливой улыбкой и настороженными цепкими глазами.

— Верно ли, герр Эккерт, что вы изобличили руководившего Агджой вожака турецких «серых волков» в ФРГ?

— Моя заслуга в этом не столь уж велика,— скромно уточнил прокурор.— Агджа на допросах в Риме покаялся, что приказ ему убить папу Иоанна Павла II передал устно Муса Сардар Челеби, предводитель турецких националистов в Западной Европе. Их штаб во Франкфурте на Гутлойтштрассе. Оттуда и действовал Челеби. Мы арестовали его. Поначалу он отрицал, что руководил Агджой. Однако позже, под давлением предъявленных ему улик, признался, что виделся дважды с Агджой накануне ватиканского покушения.

— Где и когда?

— Первый раз—в Милане в декабре 1980 года, второй—в Цюрихе в марте 1981 года.

— О чем они сговаривались?

— Челеби вручил Агдже крупный денежный аванс и посулил выплатить свыше миллиона долларов после убийства папы.

— Откуда Челеби мог получить такую уйму денег? И какой смысл вообще «серым волкам» убивать римского папу?

— Это не моего ума дело,— насупился Эккерт.— Мы тут лишь доказали виновность Челеби и выдали его итальянским властям. У них делом Агджи ведает следователь Мартелла. Ему и разбираться дальше.

Ссылаясь на итальянского коллегу, Эккерт явно старался пресечь наперед какие-либо расспросы о щедрых попечителях «серых волков». Ведь кто-то всесильный позволил им открыто заниматься бандитизмом из их командной ставки во Франкфурте, хотя они у себя дома, в Турции, объявлены вне закона. Франкфуртский прокурор, несомненно, знает поименно покровителей арестованного им Челеби, но осторожничает поневоле:

хочет благополучно дослужить до пенсии. Незадолго до интервью Эккерта «Литературной газете» американская газета «Крисчен сайенс монитор» сообщила, что его прокуратуре известно «гораздо больше, чем предано огласке».

По некоторым замечаниям и полунамекам Эккерта можно догадаться, что его ведомство вело наблюдение за местным штабом «серых волков», накапливало о них рапорты полицейских осведомителей, прослушивало их телефонные переговоры. Беседуя со мною, прокурор перелистывал лежавшую перед ним на столе толстую папку следственного дела о контактах Агджи с Челеби. По сведениям Эккерта, Агджа во время разъездов по Западной Европе находился на испанском морском курорте Майорка в конце апреля 1981 года, когда позвонил по телефону в ФРГ и окончательно подтвердил Челеби свое согласие убить через две недели Иоанна Павла II. Агджа заверил Челеби: «Я поеду в Рим и выполню это».

В заключение Эккерт многозначительно промолвил:

— Кроме преследования террористов, мне доводится иногда ворошить давнишние злодеяния военных преступников. Да притом таких, которые осуждены заочно у вас, в Советском Союзе.

Его неожиданная реплика меня озадачила. Куда он клонит? Какая связь между «серыми волками» и военными преступниками? А он, видя мое недоумение, только хмыкнул и ничего не разъяснил. Лишь позже, перед моим отъездом из ФРГ, я раскусил суть его завуалированной подсказки...

ПОИСКИ РАЗГАДКИ

Расставшись с Эккертом, я отправился добывать у разных сведущих лиц недосказанную им информацию о турецких «серых волках» в Западной Германии. Пришлось опять, мотаясь с утра до вечера по незнакомым городам, обивать по-репортерски чужие пороги, заводить новые знакомства и складывать по крохам воедино раздробленные осколки криминальной мозаики нераскрытого террористического заговора.

...Дюссельдорф. Лихтштрассе. Дом под номером 31. Сбоку подъезда — малоприметная табличка с над-

писью «ФИДЕФ». Это общественная организация «Объединенная федерация турецких трудящихся в ФРГ». К ее помещению ведет крутая узкая лестница на второй этаж. А там — железная массивная дверь со смотровым глазком. Внутрь впускают, однако, меня беспрепятственно. Трое смуглых парней дружелюбно жмут мне руку. Спрашиваю их:

— От кого забаррикадировались?

— За нами охотятся «серые волки», — отвечает усатый крепыш. — Они убивают активистов ФИДЕФ. Но мы их не боимся и спуску не даем. Среди полутора миллионов турецких рабочих в ФРГ действует 60 отделений нашей демократической организации. Против нас «серые волки» располагают зато секретной поддержкой здешних властей». Те же используют шайки турецких фашистов для разобщения и обуздания пролетариев-турок.

Моего собеседника зовут Хасан Йозан. Он председатель ФИДЕФ. Йозан продолжает рассказывать о «серых волках» в ФРГ.

— Они отравляют мозги угнетенных в этой стране турецких рабочих пропагандой воинствующего шовинизма и религиозного мракобесия. «Серые волки», изображая себя защитниками турок по всей Западной Европе, облагают везде изолированные турецкие общины денежными поборами. Вдобавок они прибыльно занимаются международной контрабандой оружия и наркотиков. На это власти взирали сквозь пальцы, потому что фюрер «серых волков» Тюркеш, гостивший тут в 1978 году, публично провозгласил: «Каждая полученная нами западногерманская марка — это пуля в коммунистов!» Но дошло до того, что назначенный Тюркешем европейский главарь «серых волков» Челеби теперь попался на денежной оплате покушения на римского папу. Вот к чему привело потворство антикоммунистическому террору.

— Что вы знаете о сговоре Челеби с Агджой?

— Еще осенью 1980 года, — сказал Йозан, — нам конфиденциально сообщили турки из Франкфурта, что видели Агджу близ тамошнего штаба «серых волков» на Гутлойтштрассе. Но в их логове хозяйничает вовсе не один Челеби. Он у них как бы фасадный лидер. А закулисный и подлинный — «серый волк» Энвер Алтайли. Этот беглый террорист, осужденный в Турции, распоряжается единолично всеми денежными фондами

турецких фашистов в Западной Европе. Алтайли верховодит также пропагандой «серых волков» и ведает их взаимоотношениями с полицейскими службами ФРГ. Без его одобрения Челеби не удалось бы заказать Агдже и финансировать ватиканское покушение.

— Зачем оно понадобилось «серым волкам»?

— Загадка по сей день! Хотя они нацисты и разбойники, тем не менее им просто незачем расправляться с римским папой. Покушение на него поставило сейчас под удар все их операции в Западной Европе. К чему им такое политическое самоубийство? Совершенно непонятно.

...Боннский пригород Бад-Годесберг. Улица Им Мейзенгартен. В доме № 23 — корпункт стамбульской газеты «Миллиет», главного редактора которой застрелил Агджа четыре года назад. С тех пор западногерманский корреспондент «Миллиет» Орсан Имен собрал о преступных деяниях Агджи и его сообщников целую картотеку свидетельских показаний, копий полицейских рапортов и документов межведомственной переписки спецслужб Турции, ФРГ, Италии.

— С ноября 1980 года Агджа нелегально обосновался в Западной Германии, — делится своими познаниями турецкий журналист. — Наше посольство в ФРГ четырежды вручало боннским властям вербальные ноты с предостережениями о замеченном турками появлении Агджи в различных пунктах от Франкфурта до Мюнхена. Полицию ФРГ уведомили также насчет встреч Агджи с франкфуртским вожаком «серых волков» Челеби. У того возникла в те дни ожесточенная распря с двумя другими атаманами «серых волков». Исход схватки Челеби с его соперниками был впоследствии описан в депеше контрразведки ФРГ итальянским следственным органам: «25 ноября 1980 года в городе Кемптен убит выстрелами из пистолета турок Неджати Уйгур. 24 февраля 1981 года в городе Геддесхайм был тяжело ранен из огнестрельного оружия и скончался три дня спустя турок Юсуф Исмаил-оглу. Не исключена причастность Агджи к этим убийствам».

Итак, получается, что с осени 1980 года западногерманский наместник «серых волков» Челеби указывал Агдже, по какой очередной мишени разрядить пистолет. И все же Челеби никак не мог быть инициато-

ром ватиканского покушения, ибо уехал из Турции и жил в ФРГ с 1978 года, а между тем Агджа в 1979 году, находясь в Стамбуле и застрелив редактора «Миллиет», нагло оповестил затем, что намерен отныне убить римского папу. На это надоумил его, выходит, вовсе не Челеби. Да и не было заготовлено у Челеби в западногерманской казне «серых волков», как разузнала полиция ФРГ, миллиона долларов для выплаты Агдже. Еще кто-то, значит, инвестировал и спланировал заговор. Обсуждая эту тему со мною, боннский корреспондент «Миллиет» говорил:

— Хранитель всех секретов «серых волков» в ФРГ—турецкий фашист Энвер Алтайли, которому на деле подчинялся их номинальный лидер Челеби. По моим сведениям, Алтайли сотрудничает с американским ЦРУ. Постоянную связь с руководством «серых волков» в ФРГ поддерживает офицер ЦРУ Рузи Назер. С ним издавна в тесном контакте высокопоставленный ветеран ЦРУ Пол Хенци, бывший шеф резидентуры вашингтонской разведки в Турции. Хенци действует из Соединенных Штатов. А его компаньон Назер окопался в Бонне под видом служащего посольства США.

Рузи Назер—это же имя назвал мне ранее в Анкаре весьма осведомленный журналист Мумджу, вхожий в столичные кулуары турецкой контрразведки. По ее агентурным данным, Назер—связник ЦРУ со штабом «серых волков» в ФРГ и тайный надзиратель за низовыми непосредственными соучастниками авантюр Агджи.

КОРИЧНЕВАЯ НЕЧИСТЬ

...И снова Франкфурт. Гутлойтштрассе. Дом № 173. Штаб-квартира «серых волков» в Западной Европе. Анфилада комнат, увешанных по стенам бордовыми флажками с белым полумесяцем и портретами арестованного в Турции фюрера Тюркеша — носатого, зловещего по-волчьи старца. Под стать ему враждебно оглядывают меня, обступают вплотную, чуть ли не обнюхивают насупленные и встревоженные парни. Ведут к их начальству. Совсем не гостеприимно подталкивают слегка в спину. Да, ладно, думаю, лишь бы не кусались. На лучшее и не рассчитывал.

Из-за отсутствия Челеби мною занялся его наследник Ихсан Енер. Он молод — не старше 40 лет. Высок. Плечист. Обильно волосат. Нарочито грозен и очень горласт. Размахивая могучим кулаком, Енер принялся исступленно проклинать коммунистов в целом и моих сограждан, в частности. Аж в ушах зазвенело от его выкриков. Безбожники! Агрессоры! Извечные супостаты великодержавно-имперских турецких идеалов! Отдайте обратно Кавказ! Верните Балканы! Не прикасайтесь к Афганистану! Пусть беспощадно покарает вас аллах!

Когда же он, притомившись, умолк, то я деликатно поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, а кто ассигновал вам миллион долларов на убийство папы?

— Вранье! — взвыл опять «серый волк». — Мы нисколько не виновны!

— Но ваш сподвижник Челеби встречался с Агджой?

— Допустим, встречался.

— Так чей миллион долларов пообещал он Агдже?

— Не знаю об этом ничего.

— А знаете ли Рузи Назера?

— Знаю понаслышке. Не персонально.

— Ой ли?

— Ну, хватит, — ощетинился он. — Говорю вам в последний раз: наша организация не подстраивала покушения на римского папу. Нам такое ни к чему. От этой истории мы больше всех пострадали. Теперь отовсюду на нас ополчились. Нам не было никакого проку покушаться на почитаемого в этих краях верховного священнослужителя! Уяснили? Ауфвидерзейн.

...Висбаден. Дойчхаймерштрассе. Дом № 164. Западногерманский филиал американского подрывного учреждения под вывеской «Новая солидарность». Специализация висбаденской конторы — проникновение в ряды движения сторонников мира и в молодежные группировки левого уклона, слежка за ними и развал изнутри. Основной метод диверсионных интриг — интенсивная антисоветская пропаганда. Над этим усердствует в Висбадене американец Пол Голдштейн, обладатель замысловатого титула «европейского эксперта контршпионажа». Прежде Голдштейн обретался в Нью-Йорке и вспомнил работавшего там же корреспондента «Литературной га-

зеты», когда я без приглашения посетил его злачное висбаденское заведение.

У Голдштейна есть, по мнению его нью-йоркских боссов, один служебный изъян: он ненавидит фашистов. Антисоветизм — бизнес Голдштейна, способ делать доллары. А ненависть к нацистам — жгучая душевная страсть, порожденная, очевидно, жаждой отомстить хотя бы современным последышам былых мучителей его европейских сородичей. Голдштейн, живя сегодня в Висбадене, знает наперечет имена и биографии множества уцелевших в ФРГ гитлеровцев, пришлых турецких фашистов и прочей разноплеменной коричневой нечисти. Знает и про Рузи Назера. И поведал мне о нем, несмотря на то, что Назер состоит в ЦРУ.

— Рузи Назер официально прикомандирован к нашему посольству в Бонне, — констатировал Голдштейн. — Однако посольская должность Назера засекречена. По заданию ЦРУ он контролирует подпольно штаб «серых волков» во Франкфурте. Арест Челеби не повредил Назеру. Он воздействует в Западной Германии на «серых волков» через их негласного заправилу Алтайли. Сам же Назер — ас террора. Он военный преступник. Во время прошлой мировой войны Назер в вашей стране дезертировал из Советской Армии, поступил карателем в войска СС, а после краха третьего рейха устроился в ЦРУ.

Не полагаясь на слово Голдштейна, я проверил в дальнейшем его пересказ о военных преступлениях Назера. Да, все точно так и было. Зимою 1941 года на советско-германском фронте перебежал к гитлеровцам предатель Умурзаров, впоследствии он же — Назаров, он же — Назер. Гестапо определило его в палачи — истязать и убивать за колючей проволокой пленных коммунистов и комсомольцев. К осени 1942 года Назер выслужился у фашистов до помощника коменданта концлагеря военнопленных в Ружичнянском районе Каменец-Подольской области. А затем его направили вместе с подобными ему изменниками в сформированный эсэсовцами карательный «Туркестанский легион». Это подразделение войск СС выискивало на оккупированных землях советских партизан и терроризировало беззащитное население. Легионеры СС набрасывались на всех заподозренных в помощи партизанам, пытали, рас-

стреливали, вешали. Назер командовал ротой изуверов. За его образцово-хладнокровный садизм и преданность нацистам они вознаградили наемника орденом и чином обер-лейтенанта.

В 1944 году Назера послали в Берлин с новым важным поручением законспирировать на будущее завербованных лазутчиков за южной линией фронта отступавшего из нашей страны вермахта. Через год в поверженном рейхе Назер прокрался со списком придданных ему законсервированных агентов в американскую оккупационную зону и перепродался разведке США. В 50-х годах он, став офицером ЦРУ, подбирал в Мюнхене кадры для американских разведшкол и по совместительству радиовещал по «Голосу Америки». Тогда же, в Мюнхене, он сошелся с политическим советником радиостанции ЦРУ «Свободная Европа» Полом Хенци, который, как и Назер, занимался не только «холодной войной» в эфире, но и засылкой в соцстраны шпионов и террористов из числа недавних нацистских прихвостней и военных преступников.

В 1959 году Назер и Хенци очутились оба в Анкаре. Оперативники ЦРУ рядились под дипломатов. Хенци — советник посольства США в Турции, Назер — атташе того же посольства. Спевшимся еще в Мюнхене дуэтом они пестовали втихую профашистски настроенных турецких реакционеров. К 1974 году Хенци возвысился до поста главного резидента ЦРУ в Турции. Между тем Назера перевели в Бонн. Но порознь они делали одно и то же. Хенци опекал в Анкаре фюрера турецких наци Тюркеша и его свору «серых волков». Назер из боннского посольства США консультировал главу западногерманских шаек «серых волков» Алтайли. В 1976 году турецкая полиция перехватила два написанных Алтайли под диктовку Назера послания Тюркешу с рекомендациями подготовить падение тогдашнего правительства Турции. Таким образом было установлено, что и в Турции, и в Западной Европе «серыми волками» управляет ЦРУ.

— Назер не мог не знать, — утверждает Голдштейн, — о приказе подвластным ему «серым волкам» убить римского папу.

— Неужто с санкции ЦРУ?

— Кто именно санкционировал — это мне неизвестно, — ответил он. — Однако покушение готовилось с ведома ЦРУ. Не изумляйтесь. Вспомните аналогичный случай. Когда Киссинджер был госсекретарем США и патронировал ЦРУ, то по его санкции спланировали уничтожение руками террористов итальянского экс-премьера и главу христианско-демократической партии Альдо Моро.

— И все же кажется немыслимым, что верхушка ЦРУ вдруг замахнулась на ватиканского папу.

— Вне той верхушки, — заметил Голдштейн, — в недрах ЦРУ традиционно конкурируют между собою несколько клик. Среди них есть фашистская клика. Она способна на такое, что кажется пока со стороны немыслимым.

НЕУЛОВИМЫЙ ОБОРОТЕНЬ

...Южный пригород Бонна. Микрорайон, прозванный «Маленькой Америкой». Невысокие жилые дома, окруженные газонами подстриженной травы. Кубическое здание клуба исключительно для американцев. Американская церковь. Американская школа. Американская бейсбольная площадка. Вдоль обочин мостовых — шеренги американских супергабаритных лимузинов. Окрестные улицы патрулируют зеленые автомобили американской военной охраны. Она оберегает обитающих здесь служащих боннского посольства США, штабистов западногерманской группы войск США и так называемых «тихих американцев».

На Штойбенрингштрассе в доме под номером 15 заперта входная дверь, а возле нее прикреплен настенный металлический щит с кнопочными звонками для каждой квартиры. Рядом с кнопками — фамилии жильцов. Квартиру № 1, как мне удалось дознаться, занимает Рузи Назер. Но у его кнопки поставлено «Джонс». Уж не сменил ли оборотень фамилию в третий раз?

Звоню. Слышу щелчок. Открываю дверь. На лестничном пролете бельэтажа стоит мужчина не старше 35 лет. Намного моложе Назера. Спрашиваю его:

— Нельзя ли повидаться с Рузи Назером?

— Можно, но не здесь, — изрекает он по-английски с четким американским акцентом. — А вы откуда?

— Полторы недели назад прибыл из Турции. У меня к Назеру такое щекотливое дело, что требуется поговорить с глазу на глаз.

— Все ясно, — кивает понимающе собеседник. — Где вы остановились?

— Совсем недалеко отсюда. В отеле «Эден». Комната 23. Но не проще ли посетить мне Назера в вашем посольстве?

— Не надо впутывать наше посольство, — заговорщически усмехается американец. — Мистер Назер позвонит вам по телефону вечером в гостиницу. И вы с ним условитесь о встрече. Решено?

— О'кей.

Ни тем вечером, ни назавтра, ни еще два дня спустя Назер мне не позвонил. Взамен того ко мне приставили безмолвного долговязого шпика, который неотлучно плелся позади, куда бы я ни шел. И даже ночевал вблизи меня в соседнем номере отеля «Эден». Отцепился под конец лишь на один час у стен боннского посольства Соединенных Штатов.

Двое привратников, вооруженных револьверами, просмотрели мое журналистское удостоверение и пропустили за решетчатую железную ограду. В фойе помпезного восьмиэтажного посольства еще два стража в униформе морских пехотинцев исследовали мой документ и заставили пройти между вертикальными штангами электронно-рентгенной установки, выявляющей спрятанное под одеждой оружие. Кроме того, морские пехотинцы по очереди обслуживали пульт автоматического механизма бронированных дверей из вестибюля в остальные посольские апартаменты.

По телефонному звонку охранников вступил в фойе какой-то пожилой дипломат и заявил мне, что все пресс-атташе посольства настолько загружены работой, что не смогут принять советского газетчика.

— Передайте им, — возразил я, — что коли никто из них не выкроит пяти минут ответить на мой единственный вопрос, то будет многотиражно расписано, как они скопом перепугались «Литературной газеты».

Дипломат растерянно пожал плечами и пообещал вскоре вернуться. Морские пехотинцы почему-то ухмылялись. Один из них доброжелательно промолвил:

— Извольте, сэр, пройти в приемную.

Бронированные двери разомкнулись. Я попал в зал с мягкими кожаными креслами. Ко мне вышел туда рослый румяный блондин армейской выправки. Представился:

— Офицер службы безопасности посольства Кеннет Хилл.

— По долгу вашей службы вы, конечно, знаете, чем занимается в посольстве Рузи Назер. Верно?

— Не имею права сообщать об этом прессе,— парировал Хилл.

— Почему?

— Сектор посольства, в котором числится Назер, засекречен.

— Да к чему секретничать, если уже известно, что Назер связан здесь с турецкими неонацистами?

— Дайте ваш адрес.

— Бад-Годесберг, гостиница «Эден», комната 23.

— Сегодня после полудня Назер обязательно позвонит вам по телефону и даст исчерпывающие разъяснения.

Повторная ложь. Назер не позвонил. А ко мне приставили второго филера. Обстановка накалялась. Из моей московской редакции сообщили об отмене предполагавшегося перелета в Рим: некто бдительно поспешил убедить итальянские власти лишить въездной визы корреспондента «Литературной газеты». Обозленное ЦРУ, как видно, изготовилось к экстренным контрмерам. Сказалось тут, очевидно, и предвзятое отношение итальянских следственных органов к разбирательству римского покушения в угоду вашингтонской администрации. В общем, пришло время мне возвращаться подобру-поздорову домой. Незавершенное репортерское расследование прервалось.

И все же можно было подвести хотя бы частичные итоги. Например, обзор действующих лиц на предварительных стадиях римского покушения позволял сделать вывод: все заговорщики—фашисты. И все—террористы или инспираторы диверсионно-террористических акций, на чем набил руку Пол Хенци в Мюнхене, Анкаре и Стамбуле. Двое заговорщиков—Агджа и Назер—профессиональные убийцы. Для остальных тоже политическое убийство—привычный способ достичь желаемой цели.

У них мотивировка любого убийства всегда антикоммунистическая. Но жертвы не только «красные». В 1979 году пораженная ими мишень — крупнейший в Турции буржуазный журналист, чья гибель детонировала массовый фашистский террор, привела к свержению парламентского строя и установлению военной диктатуры. А в 1981 году стрельба Агджи в Ватикане вызвала вулканическое извержение вашингтонской антисоветской истерии. Эта конечная цель фашистской клики внутри ЦРУ—Хенци, Назера, Алтайли, их единомышленников—оправдывала для них не только обычное средство исполнения преступного замысла—демонстративное убийство, но и риск атаки на уникальный, необычный объект.

Продуманный расчет вдохновителей ватиканского покушения базировался на логичной предпосылке, что нынешние обитатели Белого дома, одержимые маниакальной идеей «крестового похода против коммунизма», немедля неразборчиво ухватятся за подсунутые им сфабрикованные обвинения против Москвы и Софии в причастности к международному терроризму. Так и произошло. Напомним, как еще в январе 1981 года, ровно через десять дней после новоселья в Белом доме его нынешних хозяев, тогдашний госсекретарь США Хейг объявил «первоочередной задачей» на будущее добычу любой ценою хоть какой-нибудь «информации» ради того, чтобы с пропагандистской целью возложить на коммунистов ответственность за разгул терроризма на Западе. Не имея тому, естественно, никаких доказательств, Хейг вслух сетовал на их отсутствие. И вот вскоре не кто иной, как Пол Хенци из ЦРУ, первым сочинил и раструбил в американской прессе антисоветскую версию покушения в Риме. Однако теперь у нас есть улики, инкриминирующие Хенци и по крайней мере двум другим названным выше агентам ЦРУ сопричастность к ватиканскому покушению. Об этом, стало быть, знали и внутри ЦРУ.

Агджа всего лишь исполнитель чужой воли. «Серый волк» Челеби—всего лишь посыльный с деньгами и инструкциями убийце. По правилам конспирации ЦРУ Агдже не положено знать истинных заказчиков убийства. Ранее ЦРУ, готовя неоднократно покушения на кубинских лидеров, подсылало к ним головорезов аме-

риканской мафии, которыми командовали атаманы-мафиози в роли тайных посредников ЦРУ. При такой системе пойманный убийца не способен выдать на допросах штаб заговора. Вот почему столь сложно сейчас склеить задним числом оборванные умышленно нити паутины теперешнего антикоммунистического заговора. Тем более это почти не под силу одиночке-репортеру.

ЗАРУБЕЖНОЕ ЭХО

По возвращении из Бонна в Москву я узнал, что 17 июля 1983 года турецкое информационное агентство ТХА огласило разоблачения «Литературной газеты» о подоплеке покушения на папу римского. И в тот же день из США спешно прилетел в Турцию генерал ЦРУ Пол Хенци. 18 июля ультрареакционная турецкая газета «Терджюман» предоставила Хенци свои страницы, на которых он публично отмежевался от своего участия в убийстве стамбульца Абди Ипекчи. Изолгавшийся вконец попечитель «серых волков» снова пытался обмануть турок: Хенци трафаретно заявил, что гибель Ипекчи подстроили будто бы анонимные «советские агенты». Но почему сию кошмарную тайну скрывал мистер Хенци целых четыре года? Ведь тогда получается, что и он — тоже «советский агент»! Явный абсурд.

19 июля в стамбульской газете «Джумхуриет» ее обозреватель Угур Мумджу печатно посрамил Хенци, припомнив, как тот в 70-х годах возглавлял в Турции резидентуру ЦРУ и вместе с его подручным Рузи Назером шефствовал над «серыми волками», которые и убили, как засвидетельствовал опять Мумджу, его коллегу Ипекчи. В статье Мумджу было также сказано, что все антисоветские инсинуации Хенци — мошеннический вымысел.

Между тем американская пресса, будто по команде, промолчала о вскрытых «Литературной газетой» связях между ЦРУ и турецкими наци, включая убийцу Агджу. Куда же девалась их хваленая свобода печати, их рекламная объективность и независимость? Полностью игнорировали не только неугодное им выступление советской газеты, но и его публикации в Болгарии, Польше,

отклики в Италии. Кстати, Болгарское телеграфное агентство издало массовым тиражом публикацию «Литературной газеты» в виде брошюры.

Однако кое-что на Западе все же учли. Например, римский следователь Иларио Мартелла приехал, хотя и с большим опозданием, в Софию и назвал свою встречу с болгарскими юристами «положительной», Софийские газеты, напечатав интервью с Мартеллой, сообщили в частности:

«В связи с документально подтвержденными фактами, обнаруженными специальным корреспондентом «Литературной газеты» Ионой Андроновым и доказывающими, что Агджа действовал по указке фашистской организации «серые волки», связанной непосредственно с ЦРУ, Мартелла объявил, что с величайшей охотой побеседовал бы с советским журналистом».

Одновременно итальянское министерство иностранных дел, не допускавшее ранее меня в Рим, теперь разрешило краткое посещение этого города. Ну что же, лучше поздно, чем никогда! В конце июля я вылетел из Москвы, чтобы через три часа приземлиться в римском аэропорту Фьюменчино.

ПЕРЕПОЛОХ В ВАТИКАНЕ

Минувшее лето было в Риме на редкость знойным и душным. Те римляне, кому по карману загородные каникулы, поспешно разъезжались из раскаленной столицы к морским пляжам или горным курортам. Закрылись многие лавки и харчевни. Поубавилось и зарубежных туристов. Рядом с Ватиканом на улице, носящей имя папы римского Григория VII, я устроился на свой первый ночлег в пустовавшем отеле «Святой Петр». Его распахнутые настежь окна не спасали от немилосердной жары даже ночью. А стоило только задремать, как вскоре я ошеломленно проснулся от кошмарного воя, скрежета и суматошных выкриков. Тогда мне была еще в новинку сегодняшняя «ночная жизнь» Вечного города.

Разбуженный какофонией под окнами отеля, я выглянул наружу и увидел внизу на мостовой желтый «фиат», прижатый вплотную к тротуару двумя синими

полицейскими автомобилями. Их сирены уже умолкли. На крышах мигали красные огни. Сверкали прожекторными лучами зажженные фары. Четверо полицейских, выскочив из машин и сжимая рукоятки пистолетов в расстегнутых белых кобурах, настороженно приближались полукольцом к настигнутому ими «фиату». Опять прозвучал отрывистый выкрик. Из «фиата» вышли двое мужчин и замерли неподвижно. К ним придвинулись трое полицейских, ощупали задержанных, взяли у них документы. А другой патрульный тем временем обыскал салон «фиата» и багажник. Спустя пять минут все закончилось: полицейские отпустили пассажиров «фиата», и все три машины преспокойно укатили, как ни в чем не бывало.

И когда той же ночью и потом не раз впоследствии я снова пробуждался от завывания полицейских сирен и визга тормозов, то уже не бросался больше к окну. Такое стало привычным. Ежесуточно по всему Риму происходили облавы с расчетом поймать террористов, похитивших дочь привратника нынешнего папы — 15-летнюю ватиканскую подданную Эмануэлу Орланди.

Миловидная школьница из семейства потомственных служителей римских пап исчезла еще 22 июня. Через несколько дней в столичное бюро пресс-агентства АНСА позвонил по телефону некий мужчина, говоривший по-итальянски с отчетливым иностранным акцентом, и объявил, что его сообщники возвратят Эмануэлу невредимой лишь при условии освобождения приговоренного к пожизненному тюремному заточению турецкого террориста Мехмета Али Агджи.

Вслед за тем похитители девушки, обзвонив повторно несколько местных газет, сообщили о разбросанных ими на разных улицах ее школьных тетрадках, о подброшенных тем же манером ее сумочке и написанной ею записке к отцу и матери — все это с целью удостоверить вещественными доказательствами захват анонимными благодетелями Агджи ватиканской пленницы. Кроме того, бандиты пригрозили, что в случае отказа властей амнистировать Агджу юная Эмануэла будет замучена и убита. Дабы продемонстрировать, какая смерть ей предстоит, они подкинули перед дворцовыми апартаментами президента Италии магнитофонную кас-

сету с фонограммой пыток и агонии истошно вопящей женщины.

Сам папа обратился с молитвенным воззванием к преступникам отпустить их заложницу, но все было безрезультатно. По всему Риму расклеили тысячи плакатных снимков Эмануэлы с призывом помочь ее разыскать. Полиция, прочесывая на авось городские кварталы, надеялась изловить хотя бы одного из гангстеров. А в итоге бандиты, будто издеваясь над своими преследователями и считая себя совершенно безнаказанными, направили по почте в римскую газету «Мессаджеро» открытое письмо, позволяющее легко опознать его сочинителей и установить, откуда ими руководят.

Фотокопию того письма показал мне в редакции «Мессаджеро» ведущий репортер этой газеты Альдо Делука. На конверте письма—круглая печать почтового ведомства ФРГ, пара западногерманских почтовых марок и штамп пункта отправки во Франкфурте-на-Майне. Письмо составлено по-немецки. Оно гласит:

«Мы вновь предостерегаем итальянские власти и Ватикан. Немедленно освободите Мехмета Али Агджу, Сердара Челеби и других наших друзей! Иначе мы, начав с Эмануэлы Орланди, осуществим следующие карательные акции. Учтите, что мы можем теперь и до вас тоже добраться!»

Как было уже рассказано выше, Сердар Челеби—атаман турецких неонацистов, недавний начальник Агджи, предводитель запрещенной в Турции и перебазировавшейся во Франкфурт-на-Майне фашистской организации турецких террористов «серые волки». Осенью 1982 года Челеби арестовали в ФРГ и выдали потом итальянцам за то, что он накануне римского покушения Агджи встречался дважды с ним и передал ему крупную денежную сумму. Что же касается домогательств франкфуртских соратников Челеби и Агджи освободить вдобавок их «других друзей», то нынче в Италии сидит за решеткой третий «серый волк» — турок Омер Багчи, вручивший Агдже браунинг для убийства папы римского. Вообще, вопрос об авторстве письменного ультиматума террористов—дело настолько ясное, что по данному поводу диктор государственного телевидения Италии официально заявил: «К похищению Эмануэлы, очевидно, причастны «серые волки».

Схожего мнения придерживается и полиция, судя по словам осведомленного сотрудника «Мессаджеро» Делуки. Он мне сказал:

— Полученное нами письмо террористов обследовали полицейские эксперты-криптографы и пришли к заключению, что немецкий текст письма составлен не немцем. Спустя пару дней этот субъект или кто-то из его приспешников позвонил в нашу редакцию и подтвердил устно их заявку обменять арестованных «серых волков» на похищенную Эмануэлу. Голос преступника мы записали на магнитофон. Полиция полагает, что говоривший — выходец с Ближнего Востока.

По догадкам Делуки и его коллег, похищение девушки из Ватикана преследовало двойную цель. Так как итальянское правительство наотрез отвергло сделку с террористами, то они, предвидя наверняка подобный исход, хотели тем не менее подбодрить своими вылазками угодивших в тюрьму сподвижников и таким образом убедить тех не выдавать на допросах оставшихся неразоблаченными главных инспираторов покушения на папу римского. Ему же они намерены, как выразился Делука, «причинить очень крупные неприятности»: возложить на него косвенную вину за решение террористов казнить их узницу. Сей замысел в изложении римского католического еженедельника «Сабато» сводится к тому, чтобы «убить папу морально».

Но и этим «серые волки» не ограничились. Один из них после обращения в «Мессаджеро» позвонил в редакцию журнала «Фамилья кристиана» и уведомил:

— Мы из той же группы, которая два года назад подготовила нападение Агджи на папу. Если Агджу не освободят, то мы, прикончив Эмануэлу Орланди, убьем также и папу.

Итак, возникла реальная опасность нового покушения на Иоанна Павла II. Так почему же итальянская полиция не запросила ее партнеров в ФРГ срочно заняться штаб-квартирой «серых волков» во Франкфурте-на-Майне? Почему не обезвредили, наконец, общеизвестное гнездо международного терроризма? За ответом я обратился по надлежащему, казалось бы, адресу к обитателям дома под номером 81 на улице дель-Арте.

РИСКОВАННОЕ БЕЗДЕЙСТВИЕ

Парадное фойе белостенного четырехэтажного здания на Виа дель-Арте охраняли двое полицейских с тупорылыми автоматами «узи» израильского производства. Я предъявил стражникам журналистское удостоверение и попросил допустить меня к работающему здесь синьору Эдмондо Патуто, шефу итальянской секции Интерпола — Международного полицейского агентства. В Интерполе синьор Патуто лично ведает агентурным сбором всевозможной информации о «сером волке» Агдже и его пособниках.

Созданный в 1946 году Интерпол учрежден для полицейского взаимодействия соответствующих ведомств 120 капиталистических стран плюс Югославия и Румыния. Задача Интерпола — накапливать разнообразные сведения о наиболее изощренных мошенниках, контрабандистах, грабителях, террористах, убийцах и постоянно предупреждать об их перемещениях государства — члены Интерпола ради своевременного пресечения злодеяний кочующих по свету профессиональных преступников. На них заведено в картотеке Интерпола около миллиона справочных карточек, 220 тысяч персональных многостраничных досье, сто тысяч таблиц с отпечатками пальцев. Кроме того, отдельно зарегистрированы все пострадавшие жертвы воровства, обмана и физического насилия, в том числе люди, похищенные либо убитые террористами. Нужная каждому участнику Интерпола криминалистическая документация моментально передается ему с помощью электронно-компьютерной техники.

Попав в итальянскую секцию Интерпола, я намеревался расспросить там о причинах странного попустительства терроризму «серых волков» и попросить заодно разрешения взглянуть на архивное досье Агджи. Оно имеется, несомненно, в Интерполе по крайней мере с 1979 года. Тогда неофашист Агджа, как об этом было сказано выше, застрелил в Стамбуле по приказу «серых волков» демократически настроенного главного редактора турецкой газеты «Миллиет». И в том же году убийца, скрываясь от правосудия, оповестил из подполья через падкую на сенсации буржуазную прессу, что избрал своей следующей мишенью Иоанна Пав-

ла II. Эту угрозу всерьез восприняли в те дни итальянская публика, печать, администрация Ватикана. А через полгода Агджа появился в Западной Европе. Его нигде не перехватили, хотя власти Турции неоднократно предупреждали их компаньонов по Интерполу насчет разъездов у них беглого террориста. Из-за бездействия Интерпола и связанных с ним западноевропейских спецслужб Агджа беспечно разгуливал на подконтрольной им территории целых девять месяцев. Столь же беспрепятственно он побывал на итальянской земле в Милане, Генуе, Перудже, Палермо, Риме и под конец, как прежде пообещал, попытался сразить двумя пулями папу римского. Почему же все это проморгал сверхбдительный Интерпол?

— Наш босс в отъезде, — промолвил вызванный полицейскими в фойе сотрудник итальянского отделения Интерпола. — С вами побеседует заместитель синьора Патуто. Следуйте за мною.

Охранники проинспектировали мое удостоверение, забрали его и выдали взамен нагрудный жетон. Офицер Интерпола ввел меня в лифт и проводил к кабинету, где сидел толстый господин в штатском. Он поначалу был любезен и улыбчив. Однако нахмурился и окаменел, как только я объяснил суть своего визита. Взявшись за телефон, он позвонил вышестоящему командованию. Категорично произнес:

— На затронутую вами тему вы не разузнаете тут ровным счетом ничего.

— Но где же еще разузнавать?

Он отошел к двери кабинета и молча распахнул ее предо мною. Его угрюмое молчание было весьма красноречивым: римский филиал Интерпола продолжает упорно прикидываться немым, глухим и слепым при любом намеке на необходимость принять меры против «серых волков». Их тайно оберегает, значит, кто-то всесилен до такой степени, что ему послушны и Интерпол, и полиция Италии, и аналогичные департаменты ФРГ...

ЗАПРЕТНАЯ ТЕМА

В поисках разгадки неуязвимости «серых волков» осталось мне опробовать в Риме последний источник информации внутри суверенного мини-государства Ва-

тикан. И я направился на центральную ватиканскую площадь Св. Петра, где напротив одноименного знаменитого собора разместилась в старинном сумрачном палаццо «Папская комиссия по контактам с общественностью».

Руководящий комиссией католический прелат и его помощник светского обличия согласились дать интервью «Литературной газете» с оговоркой, что их имена не будут опубликованы. Удивленный их конспирацией, я все же поневоле с нею смирился. Первым заговорил помощник прелата:

— Его святейшество Иоанн Павел II выразил уже восемь раз в своих выступлениях горячую надежду на спасение похищенной террористами Эмануэлы Орланди. Мы все в Ватикане глубоко озабочены ее судьбой.

— А что вы практически предприняли?

— Государственный секретарь Ватикана кардинал Агостино Казароли распорядился установить специальный телефонный аппарат, чей номер 698-6985 предложено использовать похитителям Эмануэлы, если они уступят мольбам его святейшества.

— И что же получилось?

— Похитители трижды позвонили нам, но требуют упрямо освободить сперва Агджу. Однако это в юрисдикции итальянского правительства.

— Как вы трактуете тот факт, что вожаки террористических банд «серых волков» обратились к вам из Франкфурта-на-Майне?

— Сначала мы ожидали, — вмешался прелат, — что похитители Эмануэлы назначат за нее денежный выкуп. Предполагали также, что несчастную девушку могут одурманить наркотиками и обратить в проститутку. Такое случалось раньше довольно часто. Но письмо террористов из Франкфурта многое уточнило. Да, они оттуда управляют похитителями Эмануэлы. Мы стали объектом их политического шантажа.

— Но почему же нельзя разгромить штаб «серых волков»? Почему с 1979 года никто у вас не помешал «серому волку» Агдже предпринять объявленное им загодя нападение?

— Извините, — смущенно отозвался прелат. — Но эту проблему я не вправе с вами обсуждать.

Неловкую паузу прервал его помощник, компенсировав меня за безответный вопрос гостевым билетом на очередную публичную аудиенцию папы римского. На этом мы распрощались. Мои ватиканские собеседники, в отличие от чинов Интерпола, были подчеркнуто вежливы, но и они явно избегали заикаться о чем-то запретном.

На то же табу я опять нечаянно наткнулся, осматривая ватиканскую Сикстинскую капеллу. В огромном ее зале, расписанном церковными фресками XV века, сопровождавший меня куратор пространно рассказывал о здешней настенной живописи Ботичелли, Перуджино, Микельанджело, Росселли и описывал, как запечатывают тут накрепко все входы во время выборов пап конклавом кардиналов. Но мой гид вдруг онемел, когда я полюбопытствовал, каким образом при выборах теперешнего папы Центральное разведуправление США, по свидетельству американской прессы, сумело замаскировать в Сикстинской капелле подслушивающий аппарат с радиопередатчиком. Об этом, как утверждают американские журналисты, проведали полиция и контрразведка Италии. Тем не менее власти не заявили протеста Вашингтону.

На римской улице Кондотти мне снова, как и в Интерполе, пришлось ретироваться из массивного трехэтажного особняка, едва я упомянул там ЦРУ. Особняк похож с виду на средневековый замок: грузный крепостной фасад украшен лепным гербом и флагом с алыми крестами в форме сомкнутых острыми верхушками наконечников боевых стрел. Это эмблема приписанного к Ватикану влиятельного в правительственных сферах Мальтийского ордена. Того самого, который основали крестоносцы девять столетий назад и чьим «великим магистром» был провозглашен однажды российский император Павел I за его авантюрный замысел искоренить в Европе мятежный дух французской революции. Сегодня костяк ордена, именующего себя, как встарь, «военным», составляют ультраконсерваторы из правящей элиты Западной Европы и Соединенных Штатов. Ими верховодил на протяжении 60-х годов «мальтийский рыцарь» и тогдашний директор ЦРУ Джон Маккоун, а сейчас негласное руководство орденом перешло к директору ЦРУ Уильяму Кейси.

— Какую пользу извлекает ЦРУ в Риме от проникновения в Мальтийский орден? — спросил я представительницу администрации ордена Габриэлу де Ниттис.

— Вы слишком любознательны, — усмехнулась она. — Прошу вас удалиться.

Вот так и напрашивается вывод относительно террора в Риме «серых волков»: давнее покровительство им ЦРУ застраховало их от неминуемого при иных обстоятельствах разгрома. Напомним, что во Франкфурте-на-Майне штаб «серых волков» подчинен ветерану ЦРУ Рузи Назеру, причисленному к штату посольства США в ФРГ. Были названы нами и прочие опекуны «серых волков» — офицеры ЦРУ Пол Хенци, Маршалл Берг, Александр Пек. Напомним, что о них также западная пресса робко помалкивает.

Чем это чревато, довелось мне наблюдать в качестве приглашенного гостя на публичную аудиенцию папы римского посреди площади Св. Петра. Туда без опаски пускали до стрельбы Агджи всех желающих увидеть папу. Теперь же введен другой порядок. Задолго до появления Иоанна Павла II на помосте перед собором Св. Петра всю прилегающую овальную площадь окружают двойной цепью вооруженных полицейских и карабинеров. Через их сторожевые посты можно пройти на площадь только после тщательной проверки: у входящих подряд или на выборку прощупывают одежду, заставляют опорожнить карманы, обшаривают с головы до пят портативными детекторами, выявляющими спрятанные металлические предметы. Ищут огнестрельное и холодное оружие.

По заведенной традиции пунктуально, в десять часов утра, папа взошел на помост под тентом. Облаченный в белую сутану и белую шапочку наподобие тюбетейки, он уселся в большое кресло, наклонился вперед к микрофону громкоговорителя и обратился к собравшимся паломникам, туристам, монахам с краткой проповедью. Ее зачитал он по заготовленным листкам попеременно на итальянском, немецком, испанском, польском языках. Папа вновь призвал молиться за вызволение похищенной террористами Эмануэлы Орланди. Толпа на площади внимала ему безмолвно, не веря уже, видимо, мольбам о несбыточном чуде. А толпе не доверяли стоявшие шеренгой между нею и папой его те-

лохранители, расстегнувшие пиджаки, чтобы моментально выхватить по тревоге заряженные револьверы.

В заключение церемонии папа воздержался от традиционного прежде объезда толпы в открытом автомобиле, чтобы не подставлять себя, как два года назад, под пули «серых волков». Теперь ему рекомендовано носить пуленепробиваемый жилет и ездить в бронированной машине. Но и это считают недостаточным. Посему папа под защитой свиты телохранителей лишь прошелся немного вдоль первого ряда приглашенных сюда гостей. Когда он поравнялся со мною, то я с учетом его знания русского языка пожелал по-русски ему, пострадавшему от тяжелых ранений, доброго здоровья. Он задержался на миг, кивнул и приподнял правую ладонь как-то неопределенно: то ли ритуально благословлял, то ли указывал на небесную обитель всевышнего, от которого, мол, все зависит. В ту же минуту нас обеспокоенно разъединили обступившие его телохранители.

Потом его усадили в черный мерседес и увезли в недоступную посторонним внутреннюю часть Ватикана. Толпа начала расходиться. Покидавшие площадь папские телохранители застегивали пиджаки и облегченно переглядывались...

ЖДЕТ ЛИ АГДЖУ УЧАСТЬ ОСВАЛЬДА?

На северо-западной окраине Рима, возле площади Клодио, сгруппировано вплотную несколько шестиэтажных зданий, огороженных со всех сторон железным пятиметровым забором. К нему пристроены обзорные будки часовых. У ворот круглосуточно дежурят карабинеры. Они подвергают посетителей трафаретной инспекции: требуют извлечь все металлическое из карманов и шарят по телу щупом детектора. Затем впускают во двор, где установлен гранитный памятник убитому террористами римскому прокурору. Обогнув этот актуальный символ итальянской политической жизни, вступаешь в столичную резиденцию республиканской прокуратуры.

На четвертом этаже около двери кабинета 431 прикреплена картонка с надписью: «Судья Иларио Мартелла». Он в 1982 году возобновил расследование ватиканского покушения Агджи. И потом еще свыше года до

визита Мартеллы в Болгарию его расследование, к сожалению, предвзято ориентировалось на спровоцированную из ЦРУ клеветническую кампанию обвинений Софии и Москвы в сопричастности якобы к римскому злодеянию Агджи. Этот абсурд Мартелла, естественно, не смог за истекший год его следствия подкрепить ни единым достоверным фактом. Но хочет ли он и впрямь выслушать наконец правду? С такой мыслью я переступил порог его кабинета.

В ходе нашей беседы пожилой седовласый следователь-судья держался в целом корректно, но иногда был вспыльчив. Сказался, быть может, не только его природный итальянский темперамент. Мартелла резко оборвал мое устное сообщение ему о доказанном взаимодействии вожаков «серых волков» с офицерами ЦРУ Полом Хенци и Рузи Назером. Стоило коснуться ЦРУ, как Мартелла встрепенулся:

— Постойте! Обнаруженные улики вы должны изложить мне письменно. Погодя будем в них разбираться.

— Ладно. Но коли вы еще минувшей осенью ездили в ФРГ и добились там ареста связанного с Агджой атамана «серых волков» Челеби, то почему хотя бы не допросили патрона Челеби из ЦРУ Назера? Вам ведомо его имя?

— Да. Однако сперва представьте мне ваши письменные показания. В дальнейшем я решу, как поступить.

— Когда же решите?

— В дальнейшем!

Разговор переключился на июльский скандал с Агджой: его привезли из тюрьмы в управление римской полиции, созвали туда кучу журналистов и устроили в нарушение итальянских законов рекламную пресс-конференцию душегубу, приговоренному к пожизненной изоляции за решеткой. Агджа отрепетированно голосил: «Покушение на папу подстроила болгарская секретная служба!» Репортеры ему подсказывали: «И советская разведка?». Он им поддакивал: «Ага, советская». Описывая эту инсценировку, американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» удрученно сетовала: «Агджа не подкрепил свои голословные заявления никакими доказательствами». А раз их нет и у Мартеллы, то не

пытался ли он замаскировать это с помощью обманной пресс-конференции своего поднадзорного?

— Не я санкционировал пресс-конференцию Агджи, — отмежевался Мартелла.

— А кто же?

— Это не мое дело.

— Но вы учинили следственное дело, наслушавшись выдумок Агджи о болгарах и моих соотечественниках.

— Неверно. Я не обвиняю русских.

— Тогда допустимо разве обвинять болгар на основе домыслов Агджи? Он ведь и на пресс-конференции беспардонно врал: «Я не имею ничего общего с преступниками и террористами. Я люблю и уважаю папу». Смехотворно, не так ли?

— Ха-ха! — повеселел Мартелла. — С какой стати об этом вы спрашиваете меня? Спросите Агджу. Ха-ха!

— Ловлю вас на слове: позвольте спросить Агджу.

— К нему в камеру журналистов не пускают.

— Пускают изредка, — возразил я. — В Анкаре я толковал с турецким журналистом Угуром Мумджу, которому вы позволили навестить Агджу.

— То был следственный эксперимент. Мумджу обладает ценными сведениями о «серых волках» и преступном прошлом Агджи. Я хотел выяснить, как отреагирует Агджа на вопросы Мумджу.

— Точно так же вы можете зафиксировать реакцию Агджи на мои вопросы о его непойманных нанимателях.

— Хорошо. Однако сперва, как я сказал, представьте мне свои письменные показания. Далее обсудим все вторично.

— Не шутите?

— Ничуть.

Через неделю его запрос был удовлетворен. А что касается интервью, то я тогда же поинтересовался мнением Мартеллы насчет разглашения римским журналом «Эспрессо» тайных встреч Агджи в тюрьме с офицерами итальянских спецслужб, которые посулили «серому волку» досрочное освобождение в оплату за его согласие оклеветать под их диктовку Софию и Москву. Пока я об этом говорил, Мартелла старался меня остановить и в заключение раздраженно выпалил:

— Эх, обожают журналисты сочинять!

— Все же ответьте, — настаивал я. — Наведывались к Агдже офицеры спецслужб?

— Ну, наведывались, — уступил Мартелла. — И ничего дурного в том нет. А на днях опрашивали Агджу приехавшие из Турции прокуроры и следователи.

Мартелла вроде бы забыл наиважнейшее: 1 июля 1983 года турецкая газета «Гюнеш», оповестив о рандеву с Агджой эмиссаров следственных органов Турции, добавила, что к нему в тюрьму этим же летом пожаловали посланцы ЦРУ, которые наускивали послушного им террориста настырней и погромче порочить Болгарию и Советский Союз. Засим последовала пресловутая пресс-конференция Агджи. Ее сварганили, если верить Мартелле, без его ведома. Выходит, что ЦРУ интригует за его спиной, используя своекорыстно и римские спецслужбы. Об этом Мартелла, пожалуй, все-таки знает, но ничего поделать, вероятно, не в состоянии.

Такое впечатление сложилось у меня, когда речь зашла о поразительном сходстве пресс-конференции Агджи с нашумевшей драмой двадцатилетней давности в техасском Далласе. Там после гибели президента США Кеннеди угробили намеренно единственного обвиняемого Освальда, выставив его в управлении далласской полиции перед скопищем журналистов. Затесавшийся среди них Джек Руби разрядил в Освальда свой кольт и объявил, что будто бы он, пылкий американский патриот, отомстил в гневе за убийство президента. А сейчас не подбирают ли и в Риме «разгневанного католика» для грядущей расправы с Агджой, когда его вранье окончательно выдохнется, надоест всем и придет пора его суфлерам выкарабкиваться из смрадного болота их фальшивок?

— Мог ли кто-нибудь, — подытожил я, — по примеру Руби застрелить Агджу на его римской пресс-конференции?

— Да, — ответил Мартелла. — Такое вполне возможно. Тут я с вами согласен.

Идентичный вопрос я задал ранее маститому итальянскому адвокату, профессору юриспруденции Римского университета Джузеппе Консоло. От него я услышал:

— Беззаконная организация для Агджи пресс-конференций может, несомненно, привести к тому, что его прикончат.

— И спрячут концы в воду?

— Да.

Тем самым двое авторитетных римских юристов, не сговариваясь, констатировали: затея с Агджой, начатая по вашингтонской инициативе, близится к финалу по-американски в той или иной вариации.

«ПРАВДА ПОБЕДИТ ЛОЖЬ»

Когда я находился в Риме, то там уже девятый месяц вопреки международным канонам правосудия гноили в тюремном каземате болгарина Сергея Антонова, служившего римским представителем болгарской авиакомпании «Балкан». Над Антоновым измывались в одиночке, не отважившись наметить даже приблизительно дату судебного разбирательства. Ибо обвинители Антонова ничем не подкрепили очевидную ложь: его назвал, как известно, своим «напарником» Агджа, чьи подлинные сообщники — «серые волки» — связаны издавна с ЦРУ. За все истекшие месяцы расследования в Риме поступков и знакомств Антонова не было обнаружено, естественно, ничего, совпадающего с россказнями Агджи. И оплошавшие дирижеры зашедшего в тупик следствия уповали отныне на их последнее средство — наркотики. Будучи в Риме, я получил бесспорно достоверную информацию, что в тюрьме Ребибиа подневольному болгарину подсовывали наркотические снадобья, чтобы подорвать его психику, одурманить и навязать ему в бреду компрометирующие его показания. На это узник стойко не поддавался, хотя его одолевали мучительные звуковые галлюцинации...

— Содержание Антонова под арестом, — говорил мне профессор Джузеппе Консоло, — является вопиющей несправедливостью в отношении абсолютно невиновного человека.

Джузеппе Консоло — итальянский адвокат Антонова. На римской улице Монтеверди у Консоло крупная и преуспевающая адвокатская фирма. Принимая там корреспондента «Литературной газеты», он в ходе беседы заметил, что взялся защищать Антонова отнюдь не

по политическим соображениям: «Я очень далек от коммунистов и разделяю взгляды их оппонентов справа». Вместе с тем Консоло считал принципиально необходимым добиться немедленного освобождения своего подзащитного.

— Арест Антонова по вздорным наветам Агджи, — сказал адвокат, — породил в нашей стране нездоровый общественный климат. Оказались под подозрением буквально все болгары. Но за что? И чем конкретно провинился Антонов? Нет никаких убедительных улик в поддержку басен Агджи о его мнимых свиданиях с Антоновым незадолго до покушения на папу. Это опровергнуто доказанными мною алиби Антонова. Постепенно, к счастью, многие мои сограждане, отрезвев, все больше осознают, что надо прекратить затянувшееся преследование честного человека.

— Так в чем загвоздка?

— Против болгар, — пояснил Консоло, — действуют изощренные и могущественные заговорщики. Они систематически нашептывают Агдже все новые поклепы на Антонова. И потому не дают закончить следствие.

— Но есть же законный предел?

— По нашим законам, всякого, кому инкриминировано пособничество терроризму, можно держать в тюрьме под следствием до двух лет. Если вас даже зря оговорили, просидите изрядно под арестом до выяснения истины.

— И вы свыклись с произволом?

— К этому итальянцев вынудила потребность обуздать у нас разгул терроризма.

Профессор Консоло правдиво излагает трагическую реальность: итальянцы отчаянно настрадались от захлестнувшего их страну терроризма. До июньского похищения из Ватикана несовершеннолетней Эмануэлы Орланди террористы захватили в Италии на протяжении полугода еще 20 заложников и вымогали за них деньги у родни пленников. В предыдущем 1982 году бандиты, похитив 50 итальянцев, получили выкуп в 21 миллион долларов. Всего же за прошедшее десятилетие террористы похитили свыше 400 итальянцев и 38 из них казнили.

Лишь за полторы недели моей итальянской командировки террористы застрелили близ Неаполя муниципального чиновника, а в Палермо мафиози убили взры-

вом бомбы городского судью, его слугу, двух карабинеров и ранили дюжину уличных прохожих. Приехавший в Палермо на похороны президент Италии в открытую прослезился, а папа римский прислал телеграмму соболезнования. Через день в Болонье десять тысяч жителей собрались на траурный митинг поминовения 85 убитых от взрыва бомбы, заложенной итальянскими фашистами три года назад на местном вокзале. Выступавшие на митинге родичи погибших проклинали убийц и яростно бранили власти за неспособность подавить кровавый террор.

Истерическая атмосфера всеобщего замешательства, страха и жажды мести пришлась кстати горстке заговорщиков, о которых говорил мне Консоло. Они жульнически подсунули итальянцам, как выразился Консоло грубовато, «зарубежного козла отпущения». Некоторые наивные итальянцы, не распознав подделки, обрадованно ухватились за ободряющий шанс духовной самореабилитации: наш терроризм, дескать, экспортирован с красного Востока! Но их попросту надули. И стараются максимально оттянуть их прозрение.

Вскоре после встречи с адвокатом Консоло я получил письмо из Софии:

«Спасибо «Литературной газете» за правду о Сергее Антонове. Я родной брат его умершего отца. Меня зовут Йордан Антонов. Перед смертью мой брат просил меня быть наставником Сергея и поддерживать его морально в трудные часы жизни. Так я и поступал. Однако сейчас самое тяжкое время в жизни Сергея. На Западе ненавистники социализма клевещут на нас и вымещают всю свою злобу на моем племяннике. Они гонят не виновного ни в чем мученика к Голгофе. Многое зависит теперь от его духовной стойкости. Он твердо отстаивает честь человека из мира социализма. Это его и наша общая честь. Не впервой болгары идут на муки ради защиты справедливости и свободы. Когда мы, обливаясь кровью, восстали против пятисотлетнего оттоманского насилия, то к нам пришли на подмогу русские, нас поддержал Виктор Гюго, к нам присоединились итальянские дипломаты Позтоно и Леге, а создатель Итальянской республики Гарибальди объявил: «Сожалею, что я ранен и не могу приехать и сложить свою жизнь перед алтарем свободы болгарского наро-

да!» В моих письмах Сергею в римскую тюрьму я написал: «Оставайся и впредь таким же мужественным и честным, если даже тебе грозят смертью. В конце концов правда победит ложь!»

КАНДИДАТ ЦРУ В ТЕРРОРИСТЫ

Жарким римским вечером ко мне в гостиницу позвонил какой-то итальянец:

— Вы корреспондент «Литературной газеты»?

— Да. Что вам угодно?

— Меня зовут Сальваторе Кризафи. Я прочел в римской «Газетта Маттино» заметку о том, что «Литературная газета» поручила вам исследовать предысторию покушения «серых волков» на папу римского. Поэтому я счел, что вы появитесь в Риме. Позвонил в советское посольство и узнал о вашем приезде. Если вы пожелаете увидеться со мною, то я опишу вам, как и кем готовятся у нас политические покушения вроде ватиканского.

Мы встретились с Кризафи на древней площади Навоне и расположились за столиком открытого кафе рядом с прославленным фонтаном Бернини. Площадь кишела праздными туристами. Отовсюду слышалась разноязычная речь. Кризафи с ходу спросил:

— За вами есть слежка?

— Не знаю. И не тревожусь об этом.

— А я тревожусь. И когда сажусь в свой автомобиль, то проверяю, нет ли мины под днищем. Решившись на разговор с советским журналистом, я рискую вдвойне.

— Так почему бы вам с меньшим риском не обратиться к итальянским газетчикам?

— Пытался недавно. В редакции одной газеты, слывущей как бы левой, мне сказали: «Ваши сведения о террористах нам не годятся, ибо не соответствуют моде обличать преимущественно болгар».

— А вы сочувствуете болгарам?

— Нет. Но мне надо кое с кем по-крупному расквитаться. Я родом из Калабрии. У нас там в крови извечный обычай не спускать обидчику оскорблений и причиненного зла. Ради этого я и разыскал вас. Как видите, я откровенен с вами. Не щеголяю благородными принципами. Жизнь сурово вышколила меня: беско-

рыстными принципами не заплатишь даже за самый дешевый ресторанный завтрак.

Подозвав официанта, Кризафи подчеркнуто выложил ассигнацию на стол и заказал рюмку кампари. Он был одет по-летнему в легкий недорогой костюм полуспортивного покроя. На загорелом лице дымчатые очки. За ними — смышленые черные глаза с жестким, пристальным взглядом. Работает он, по его словам, маклером рекламной конторы, снабжающей газеты коммерческими объявлениями. Ему сорок один год.

— Когда здесь произошло покушение на папу,— промолвил Кризафи,— то я сразу догадался, что Агджой секретно распоряжались те же люди, которые раньше хотели и меня подключить к их террористическим заговорам. Они вербуют кого угодно — фашистов, леваков из «красных бригад», мафиози, «серых волков» или таких аполитичных простофиль, каким был я. Вы знаете, очевидно, по нашим газетам, что вслед за арестом Агджи не только агенты спецслужб, но и сидевшие с ним в тюрьме мафиози и террористы «красиых бригад» понуждали Агджу угрозами приплести к его покушению болгарских коммунистов. А нацелили мафию и «бригадистов» на обработку Агджи все те же господа, вербовавшие и меня.

— Кто они такие?

— Расскажу по порядку,— ответил он.— Начну с того, что десять лет назад я промышлял в одиночку торговлей антиквариатом. Стремясь заполучить богатую иностранную клиентуру, выучил английский. Тогда же пристрастился к чтению издающейся в Париже американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн». В 1973 году я послал в редакцию язвительное письмецо с критикой военных акций янки в Индокитае. А затем мне позвонила из Парижа американка по имени Глория Доновен. Она сказала, что осведомлена о моем письме и намерена предложить мне выгодиую сделку, если я приеду в Париж. И вскоре я, надеясь на прибыльное дельце, встретился с той американкой в парижском кафе «Рома». Глория Доновен заявила, что пишет книгу об итальянских коммунистах, а я, судя по моему письму, близок к ним и потому мог бы поделиться с нею за щедрый гонорар своими познаниями. Однако я ие имел иичего общего с коммуни-

стами, о чем н сообщил ей. Тогда она принялась выспрашивать меня обо всех моих приятелях, клиентах, знакомых и заметно оживилась, когда я неосторожно проболтался, что кое-кто из них замешан в махинациях итальянских мафиози. Я осознал, увы, запоздало, что интересы американки отнюдь не книжные!

— Как же вы это смекнули?

— В Париже я виделся с Глорней Доновен дважды — вечером и на следующее утро. Вечером у нее на физиономии бугрился слева огромный флюс. Утром она выглядела почти неузнаваемо: уродливый флюс, перекосивший ее лицо, внезапно исчез. Она, стало быть, нарочно изменила свою внешность при нашей первой встрече. Засунула что-то за щеку. Осторожничала, как завзятый шпион. Не сообщнла мне нн своего адреса, ни номера телефона. Лукавила: «Мой муж очень ревнив». А позже выяснилось, что она холостячка. Ей было лет под сорок. Сухощавая блондинка. Деловая, хладнокровная, расчетливая. Быстро поняла, что я остро нуждаюсь в заработке, н попросила меня за приличную плату оказать ей услугу: навестить ее захворавшую подругу в Западном Берлине.

Кризафи нервно закурил сигарету.

— Подруга американки жнла в фешенебельном западноберлинском отеле. Но передвигалась по комнате с трудом на костылях. Правая нога у нее была в гипсе. Однако она очень хотела посетить свою кузину в столице ГДР и наняла меня свозить ее туда н обратно в арендованном ею автомобиле. Вместе мы отправились к границе, предъявилн паспорта на контрольно-пропускном пункте, прнехалн к дому кузины моей спутницы. Она приказала мне остаться за рулем, а сама поковыляла к подъезду дома. Спустя час вернулась, и мы поехали опять к границе. По дороге я взглянул на нее н обмер от изумления и испуга: позади меня сидела в машине другая женщина! Тот же гипс на ноге, то же платье, те же рыжие пышные кудри и те же, казалось бы, черты лнца. И все же лицо иное! Как мне быть? Ведь мы уже подъехали к посту пограничников. Онн просмотрели заново наши паспорта, но не распознали, на нашу удачу, опасного маскарадного трюка. Как только мы очутилнсь в Западном Берлине, к нам прнстроился сбоку лимузин с тремя

мужчинами. Моя пассажирка распорядилась затормозить. Она отпихнула костыли, стянула с головы парик, выпорхнула резво из автомобиля. И прошлась, не хромая, к поджидавшим ее в лимузине субъектам. Возвратилась ко мне, вручила тысячу долларов и шепнула: «Вы молодчина. Вас известят о новом задании». Так я по чужой воле заделался диверсантом.

— Польстились на доллары?

— Долларами не гнушаюсь, но не желаю в погоне за ними балансировать над пропастью. Из Западного Берлина я поспешил домой. Собирался опять худо-бедно, да зато спокойно перепродавать антиквариат. Не тут-то было! Словно по чьему-то сигналу все поставщики моего товара и посредники устроили мне бойкот. Как назло у меня украли автомобиль и похитили из квартиры все ценное до последней лиры. Я мыкался впроголодь, без работы, без денег, без надежд восстановить свой бизнес, когда ко мне вновь нагрянула Глория Доновен: «Перестаньте артачиться! Почему вы из Западного Берлина не приехали ко мне с рапортом в Париж? Образумьтесь, а то будете вовсе раздавлены. Хотите больших денег, подчиняйтесь впредь моим директивам». Она объявила, что ее второе поручение ничем мне не грозит: меня пошлют в США, зачислят на курсы обучения журналистов при Мэрилендском университете, а потом пристроят в Риме репортером газеты «Дейли америкэн», где мне предстоит строчить статейки по секретной указке Глории Доновен. Она принесла мне авиабилет и аванс в шесть тысяч долларов. И я сдался.

— Вылетели с нею в Америку?

— Нет, один. Через неделю она нашла меня в Нью-Йорке, переправила в Вашингтон и запросто определила на журналистские курсы Мэрилендского университета, хотя для поступления туда у меня не было необходимых дипломных документов. Я уже ни в чем не перечил Глории. Покорно следовал ее инструкциям. Полтора года перевоплощался в агента-журналиста. И она, приручив меня, окончательно раскрыла свои крапленые карты: «Спустя полгода вы вернетесь в Рим. Там в «Дейли америкэн» над вами будут шефствовать мои друзья Дэвид Мацарелла и Джеймс Лонго. Они введут вас в высшее общество. Вы начне-

те получать интервью у знаменитостей и мультимиллионеров. Втихую активизируете ваши старые связи с парнями из мафии. У нее налаживается сотрудничество с «красными бригадами». Ваша цель — внедриться в подполье «красных бригад».

— Для чего?

— То же самое я спросил у Глории. Она невозмутимо растолковала: «Вы добьетесь интервью у президента концерна «Фиат» Джованни Аньелли, вотретесь к нему в доверие и поможете боевикам «красных бригад» похитить этого итальянского миллиардера». Я изумился: «Зачем?» Она снисходительно ухмыльнулась: «Дуралей! Да затем, чтобы дискредитировать красных. Иначе к власти придут в Италии коммунисты. За их спинами — русские. Надо срочно подтолкнуть всю Италию вправо». Я оробел: «Такого мне не осилить». Она стояла на своем: «Придется осилить. А как, этому вас научат у нас за шесть месяцев в специальном тренировочном лагере».

— Вы, значит, американский гибрид террориста-журналиста?

— До этого не дошло, — поправил Кризафи. — У меня хватило мозгов уразуметь: моя помощь «красным бригадам» пленить и впоследствии, возможно, казнить Аньелли — это моя неизбежная гибель. Ведь рано или поздно итальянская полиция выследит кого-нибудь из замешанных в похищении террористов и арестует, а пойманный «бригадист» выдаст на допросах меня. Он, не зная американских заказчиков похищения, не сможет их обличить. Они будут выявлены лишь в случае моего ареста и тюремного покаяния. Этого они наверняка постараются заранее не допустить и потому безусловно ликвидируют меня. А как выскочить мне из западни? Послать к черту Глорию нельзя: я уже слишком много знаю об американском заговоре. Только за это меня вполне могут ухлопать. И я задумал улизнуть неприметно из США. Купил авиабилет до Рима, но в тот же день меня арестовали американские полицейские. И отконвоировали в суд, где мне предъявили сфабрикованное обвинение в попытке обесчестить некую почтенную даму из штата Вирджиния. Тщетно я отрицал эту чушь, возмущался, требовал аннулировать несуразный поклеп. Мне нацепили

наручники и поместили меня в камеру. Однако продержали под стражей, как ни странно, всего пару суток. И выпустили, запретив самовольно покидать США. А меня уже поджидала эта ведьма Глория: «Теперь у вас один выбор: либо тюрьма, либо наш тренировочный спецлагерь. Чего трусите? После похищения Аньелли мы сплавим вас за тысячи миль от Италии в дальние края. У вас будет новое имя, новый паспорт и много, очень много долларов». Но я не клюнул на ее блеф. Хотел выжить. И ответил «нет». За это меня упекли в тюрьму.

— Когда?

— 21 апреля 1976 года. Из американской тюрьмы я умолял наше вашингтонское посольство спасти меня. О том же просил президента Италии. Ничто не подействовало. Протомили за решеткой шесть лет. Отпустили 23 апреля 1982 года. Ну что же, все-таки не укокошили. И террористический заговор против Аньелли не состоялся частично из-за меня. Зато «красные бригады» по наводке ЦРУ похитили и убили лидера христианских демократов Альдо Моро. Уверен, что вашингтонские разведслужбы подзуживают и «серых волков». Цель заговоров против Аньелли, Моро, папы единая: периодически раздувать в Италии антикоммунистический ажиотаж.

В заключение Кризафи добавил:

— Мне известно, что ныне в Риме издатель газеты «Дейли американ» Роберт Каннигхэм — главный координатор вербовки здесь агентуры ЦРУ. На подхвате у американца Каннигхэма итальянский репортер Эрик Галати. А Глория Доновен улетучилась. Но я, находясь в Соединенных Штатах, проведал от ее бывшего сослуживца Билла Мессера, экс-агента ЦРУ, что Доновен подвизалась, так сказать, по совместительству, в израильской разведке «Моссад». Сейчас же в Риме работает на «Моссад» американская журналистка Клер Стерлинг, эксперт по терроризму.

НАСЛЕДСТВО ИНКВИЗИТОРА

Достоверность исповеди неудачного кандидата ЦРУ в террористы подтверждает изученная мною документация, которую заполучил в США адвокат, пытав-

шийся в прошлом оправдать Кризафи. В ответ на запрос адвоката вашингтонские власти письменно признали, что их судебно-тюремное досье на Кризафи наполовину засекречено «ради сохранения в тайне деятельности разведывательных служб». Кроме того, истинность истории Кризафи засвидетельствовали сотрудники осведомленного римского журнала «Эспрессо». А глава концерна «Фиат» Аньелли, предупрежденный в свое время о плане ЦРУ его похитить, умножил свою персональную охрану и запасся даже ампулой с ядом на случай, если все-таки будет пленен и подвергнут пыткам.

Но обратимся к сегодняшним козням ЦРУ в Риме. Что вытворяют по-прежнему его ставленники в газете «Дейли америкэн»? И зачем возник римский альянс ЦРУ с «Моссад»?

После встречи с Кризафи я еженедельно просматривал «Дейли америкэн». Газета издается в Риме и распространяется по Италии и соседним странам Средиземноморья. Содержание газеты — махровый антисоветизм. Охотников до такого чтива немного: разовый тираж «Дейли америкэн» не превышает восьми тысяч экземпляров. И нет в ней доходных для редакции рекламных объявлений солидных фирм. Убыточную газетенку подкармливают, выходит, закулисные меценаты...

На страницах «Дейли америкэн» указан адрес ее редакции: дом № 36 на улице Порта Пинчиана. Но там в пустом помещении дежурит лишь неразговорчивая секретарша, а прочие сотрудники почему-то отсутствуют. В газете обозначен и адрес издательства — улица Дандоло, дом № 10. Однако под таким номером на Дандоло вообще нет дома! Что за мистика? Только благодаря сведущим римлянам смог я дознаться, что «Дейли америкэн» обосновалась инкогнито на улице Манзони в доме 13. Он укрыт в глубине узкого двора, где мне преградили путь двое сторожей. Они безапелляционно пресекли мое намерение побеседовать с персоналом редакции.

— Это запрещено!

— Кем?

— Главным редактором Ларри Гринбергом.

— Почему?

— А вы кто?

— Советский журналист.

— Убирайтесь!

— У вас тут газетная редакция или нелегальный притон?

— Убирайся, пока цел!

На другой день я все же вернулся к неприступному двору и дождался появления оттуда молодого человека с фотоаппаратом на ремешке через плечо. Так состоялось уличное знакомство с работающим в «Дейли америкэн» британским гражданином Чарльзом Лимом. Поговорив с ним о том, о сем, я поинтересовался как бы вскользь:

— Отчего нельзя побеседовать с вашими коллегами нормально, как во всех газетных редакциях?

— Такие уж порядки у нас, — проворчал он. — Ввел их наш редактор Гринберг. Этот американец не смыслит ни бельмеса в журналистике.

— Откуда же он к вам назначен редактором? Из ЦРУ? Про вашего издателя и владельца газеты Каннингхэма говорят, что он в Риме обслуживает ЦРУ. А кто еще?

— Служили раньше у нас трое американских офицеров. Но о них я ничего толком не знаю.

Лим пугливо оглянулся и прикусил язык. Больше я не выдавил из него ничего существенного.

Тем не менее уже не секрет, что с выхода в 1946 году первого номера римской «Дейли америкэн» ее крестным отцом и долголетним попечителем был матерый вашингтонский разведчик Джеймс Энглтон. Летом 1944 года, когда американские войска без боя заняли Рим, юный Энглтон возглавил в итальянской столице местную резидентуру разведки США под кодовым наименованием «Икс-2». Сперва Энглтону поручили рекрутировать агентуру внутри Ватикана, чтобы снабжать его боссов шпионскими фотокопиями конфиденциальных депеш множества ватиканских прелатов в Европе, Азии, Латинской Америке, Африке. Не скупясь на доллары, Энглтон вербовал папских канцеляристов, епископов, кардиналов. В дальнейшем один его покойный ныне осведомитель стал папой римским.

В 1947 году перед первыми в Италии парламентскими выборами ЦРУ приказало Энглтоиу подорвать любой ценою популярность итальянских коммунистов среди большинства избирателей. И Энглтон мобилизовал против компартии своих подголосков из Ватикана, попов-агитаторов «Католического действия», подкупленных им политикаиов, профсоюзных лидеров, вожаков масоиов и воспряиувших духом фашистов. А для физических расправ с коммунистами он использовал наиятые им банды мафии. С тех дней возродился в послевоенной Италии антикоммунистический террор.

Римский иаместник ЦРУ гальванизировал также в прессе Италии оголтелую аитисоветскую пропаганду. Среди его агентов числились 60 продажиых журналистов. Их идейные запевалы-американцы сконцентрировались в редакции «Дейли америкэн». В ту пору без теперешнего камуфляжа газетой владело ЦРУ. А самым горластым рупором Энглтоиа была газетчица Клер Стерлинг. Она и сейчас в Риме. В 1982 году Стерлинг первой запустила в западиую печать утку ЦРУ о сопричастиости якобы социалистической Болгарии и СССР к ватикаискому покушеиию турецкого иеонацистa Агджи.

Тридцать один год подряд Энглтон, поднимаясь по служебной лестнице ЦРУ, продолжал монопольно управлять из Вашингтона своей римской агентурой в Ватикане и «Дейли америкэн». Одновременно ои занимал ключевые посты в центральном аппарате ЦРУ. Сначала руководил «отделом специальных операций», то бишь глобальиыми диверсиями и шпиоиажем. Затем возглавил иаиважнейшую в ЦРУ секцию внутренией коитрразведки: проверял «лояльность» всех офицеров и зарубежиых агентов ЦРУ, сотрудников спецслужб стран НАТО и даже следил за ведущими политическими деятелями США. Вынюхивая повсюду крамолу, он дошел до того, что принялся перехватывать и копировать почтовую переписку вашиигтонских сенаторов Эдварда Кеииеди, Фрэика Черча, Хуберта Хэмфри и республиканского каидидата 1968 года в президенты США Ричарда Никсона. В итоге Энглтои составил «чериые досье» на иесколько тысяч американцев. Его прозвали в 70-х годах «великим инквизитором». Но обзывали так за глаза, ибо боялись возмездия все — от заправил

ЦРУ до президента Никсона. Только после уотергейтского скандала, вызвавшего отставку Никсона и публичную ревизию злоупотреблений ЦРУ, «великий инквизитор» ушел поневоле на пенсию в декабре 1974 года. Но и тогда он вызывал по-старому такой страх у его поднадзорных, что на прощание вновь назначенный заместитель директора ЦРУ генерал Уолтерс вручил ему высшую американскую награду за шпионаж — «медаль за выдающиеся разведывательные заслуги».

Теперь генерал от разведки Вернон Уолтерс — эмиссар президента США Рейгана по связям с Ватиканом. А там в наследство ЦРУ оставил Энглтон не только свою итальянскую агентуру. На протяжении почти всей его карьеры он единолично курировал взаимодействие ЦРУ с израильской разведслужбой «Моссад» и особенно тесно сотрудничал с нею в Риме. Чем же занимаются тамошние резиденты «Моссад» — это обнаружилось в 1982 году, когда американский репортер Уильям Уорти раздобыл в Иране секретный меморандум ЦРУ, найденный ранее тегеранцами при захвате ими посольства США.

Трофейный меморандум ЦРУ озаглавлен «Израиль: службы зарубежной разведки и безопасности». Ниже говорится: «Израиль выискивает сведения о политике Ватикана в отношении Ближнего Востока». Приемы выуживания таких сведений описаны следующим образом:

«Израильтяне интенсивно и успешно вербуют агентов методом обмана. Они неоднократно обрабатывали некоторых западноевропейцев, выдавая себя за офицеров разведывательных организаций НАТО. Используется также шантаж. Применяются карательные акции».

На жаргоне ЦРУ «карательные акции» — это убийства. С начала 70-х годов «Моссад» осуществила в Риме три политических убийства арабов, стремившихся вызвать у Ватикана сострадание к жертвам израильской агрессии на Ближнем Востоке. Все трое — ливийский дипломат, египетский и ливанский журналисты — были казнены средь бела дня будто напоказ для устрашения тех, с кем общались убитые. «Моссад» не церемонится с Ватиканом и считает его враждебной силой, так как папа Иоанн Павел II потребовал религи-

озной интернационализации оккупированного израильтянами целиком Иерусалима, осудил нападение Израиля на Ливан и поддержал демонстративно палестинских патриотов, приняв их вождя Ясира Арафата. Между тем «Моссад» — единственная, пожалуй, в мире разведслужба, которая систематически и безжалостно убивает везде, где может, политических противников.

В Италии «Моссад», как и ЦРУ, вербует террористов. Летом 1983 года следственная комиссия итальянского парламента установила, что с 1974 года агенты «Моссад» обхаживали заправил «красных бригад» и предлагали расплачиваться с ними валютой и контрабандным оружием. Не соблазнились ли тем же «серые волки»? Процитированный выше трофейный меморандум ЦРУ, в частности, отмечает, что «Моссад» сильно активизировалась в Турции. Побывав там весною, я узнал о разоблаченных связях офицеров «Моссад» из посольства Израиля в Анкаре с атаманами террористических шаек «серых волков». Кроме того, сотрудники израильской разведки проболтались в Иерусалиме корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», что у них находятся «двадцать восемь турецких террористов». Часть их, видимо, «Моссад» завербовала. Ее офицеры, как сообщила «Нью-Йорк таймс», бахвалились, что снабжают полицейские власти Италии агентурной информацией о «серых волках». Поэтому не исключено, что «Моссад» наряду с ЦРУ знала наперед и о подготовке ватиканского покушения «серого волка» Агджи.

В Риме я повстречался с профессором истории Нью-Йоркского университета Джоном Кэммитом. Он тоже расследовал подоплеку покушения Агджи с намерением написать об этом статью для американского еженедельника «Нэйшн», журнала либеральной интеллигенции. Кэммит рассказывал:

— По моим наблюдениям в США, антисоветскую версию покушения Агджи раздувает у нас просионистская клика. Она группируется вокруг редактора журнала «Комментари» Нормана Подхорца. К ней примыкает бывший госсекретарь США Генри Киссинджер. В той же компании и Клер Стерлинг, работавшая прежде на ЦРУ, а ныне на «Моссад». В унисон с ней действует телевизионный журналист Марвин Кэлб, ав-

тор антисоветского телефильма об Агдже. А другой пособник Стерлинг, Майкл Ледин, дезинформирует на ту же тему итальянскую прессу. Цель американских сионистов — разжечь ныне вашингтонскую полемику с Москвой до ругани, оскорблений, клеветнических обвинений в пособничестве убийцам и террористам. Они хотят вконец рассорить две великие державы. Это выгодно правителям Израиля. Но вредит нашим национальным интересам.

Нью-йоркский историк прав. Пора бы поумнеть и тем вашингтонцам, которые сегодня делают историю.

А между тем пока приходится сделать антракт в описании предыстории ватиканского покушения. Развязка его расследования еще предстояла впереди. Но с самого начала автор был единодушен с нашими болгарскими друзьями: в конце концов правда победит ложь.

ГЛАВА II

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ С ОСТРОВА АФРОДИТЫ

Уже много столетий Кипр называют островом Афродиты. Добравшись сегодня от столицы Кипра города Никосии до самой южной оконечности острова, вступаешь там на пологий песчаный мыс в зеркально-бирюзовом окаймлении Средиземного моря. Поодаль слева на зеленом побережье — жемчужная россыпь белых домиков древнего порта Лимасол. А вдалеке справа ленивый прибой омывает островерхие скалы, возле которых много веков назад по античным преданиям родилась из пенистых волн богиня любви и красоты — легендарная Афродита.

Вместо прибрежных скал теперь, однако, окрестные киприотки облюбовали для купания на мысе более удобную шелковисто-песчаную полосу, названную «Пляжной милей для леди». Впрочем, не было ни одной местной Афродиты, когда я очутился на том пляже ранним солнечным утром. И, обозревая голубой горизонт, не тешил я себя надеждою на несбыточное чудо возвращения прекрасной богини к ее родным берегам. Ждал я тогда совсем иного явления. Еще в Никосии коллега-журналист из столичной газеты «Харавги» Полидоридес Полидорос интригующе напутствовал меня следующим образом:

— Если вы окажетесь утром близ Лимасола на пляже мыса Акротири, то сможете увидеть над морем весьма примечательную штуку...

И вот, сидя на пляже, я ее дожидался: чуть выше кромки горизонта возникла темная черточка. Она при-

ближалась, быстро увеличивалась и приобрела облик парящей черной птицы. Четко обозначились ее огромные неподвижные крылья и стрелообразный клюв. Ниже брюха возникли два отростка, и она резко пошла на снижение прямиком к мысу. Однажды я уже видел ее распростертой на земле: в 1960 году она, искореженная и мертвая, была выставлена на всеобщее обозрение в Москве. В ту пору ее подстрелили советской ракетой высоко над индустриальными районами Урала, сбив почти на грани земной атмосферы и космоса, под чей цвет она маскировочно окрашена. С тех времен ее американское имя рассекречено — У-2.

Урча приглушенными турбинами, самолет-шпион проскользнул над пляжем и приземлился где-то поблизости на мысу. Отправившись в том направлении, я натолкнулся на вязкий солончак, а за ним увидел непреодолимо длиннющую железную змею мотков колючей проволоки. Пришлось ни с чем вернуться в Лимасол. Между тем репортерское любопытство разбирало меня все сильнее: зачем тут гнездятся и какие чужие секреты выискивают У-2 — фотокамерные глаза и электронные уши ЦРУ и Пентагона? Рассчитывая заполучить ответ, я взял в Лимасоле такси и повторил экскурсию на мыс Акротири, но на сей раз не со стороны отгороженного пляжа, а севернее по удаленной от моря сельской дороге.

Сперва проехали несколько километров мимо вспаханных полей и тенистых рощ. Потом впереди показалось у дороги большое желтое здание. Над его крышей на высоком шесте развевалось полотнище британского флага с ало-синими полосами. Таксист спросил:

— Куда поедем дальше, сэр?

— Вперед.

Минуя желтый дом, я увидел перед фасадом фанерный щит с надписью «Полиция королевских ВВС». Возле щита стоял джип и переминались двое солдат. Они обернулись нам вслед, но тем и ограничились. Мы продолжали нестись в глубь мыса Акротири и выехали на колоссальную пустошь, утыканную мачтами-антеннами, опутанными паутиной проводов. Среди стального радиолеса серебристо сверкали гигантские чаши и решетчатые надстройки радаров. Мы догнали на дороге автотягач, нагруженный бомбами, и вместе

с ним подкатили к шлагбауму у сторожевой будки, откуда вышел охранник с пистолетом на ремне. Шлагбаум приподнялся, пропустил автотягач и мгновенно захлопнулся. Охранник по-английски потребовал:

— Предъявите пропуск.

— Какого рода пропуск?

— Вы находитесь, — отчеканил охранник, — на суверенной территории английской базы Акротири. Где пропуск?

— Извините, — сказал я, — придется мне, очевидно, возвращаться в Лимасол и запастись пропуском полицейского управления.

— Нет, — возразил он. — Эта база абсолютно неподвластна администрации Кипра.

— Как же быть?

— Хватит препираться, — обозлился страж. — Кто вы такой? Документы!

Рассматривая с недоумением советский паспорт, он проговорил:

— Что вам надо?

— Хочу попросить представителя вашего командования разъяснить официально для прессы — зачем базируются здесь американские У-2.

Он ухмыльнулся. Вошел с моим паспортом в будку, взял телефонную трубку и принялся вполголоса что-то бубнить. Спустя пару минут к шлагбауму примчался джип военной полиции с тремя вооруженными солдатами. Они молча меня оглядели, зашли тоже в будку и стали там вчетвером возбужденно переговариваться. Я прислушался. Но долетавшие до меня обрывки реплик печатно невоспроизводимы: это был буквально на каждом слове отборный казарменный мат. Причем настолько нецензурно виртуозный, что невольно дивишься языковой потенции английской брани производить от всякого ругательства дюжины матерщинных глаголов, прилагательных, существительных.

Рискнув наконец прервать солдатское сквернословие, я выразил вслух желание прояснить свою дальнейшую судьбу. В ответ прозвучало:

— Потерпите. Из-за вас в штабе суматоха.

Так я протерпел около часа на солнцепеке у шлагбаума. Он то вздымался, то снова падал, пропуская армейские грузовики с боеприпасами и легковые ав-

томобили с военным персоналом. Оглушительно ревели над головой уходившие в небо американские «фантомы», оставляя позади дымовые шлейфы черной копоти. Медленно опустилась толстая сигара десантного транспортировщика. Плавно покачиваясь и замирая в воздухе, кружили над базой стрекозы вертолетов.

Из подъехавшей к шлагбауму очередной автомашины вылезли два офицера и подошли ко мне. Первый назвал себя майором Томом Арнотом. Второй, в ранге капитана, не произнеся своего имени, учинил мне с ходу допрос: где и когда я родился, в какой московской газете работаю, сколько лет занимаюсь журналистикой, когда прибыл на Кипр, как долго намерен оставаться в Лимасоле? И так далее. В заключение дознания я тоже задал вопрос о целях полетов с базы американских У-2.

— Давайте лучше, — улыбнулся майор Арнот, — побеседуем о сегодняшней отличной погоде.

— Если тема насчет У-2 почему-либо запретная, — уступил ему я, — то тогда, может быть, вы поясните — зачем слетелись на вашу базу эскадрильи американских «фантомов»?

— А ведь погода нынче на редкость замечательная, — настаивал майор. — Не правда ли?

— Правда, — подтвердил я. — Тем не менее в Никосии вызвал серьезную озабоченность объявленный Пентагоном проект авиапереброски в восточное Средиземноморье 82-й десантной дивизии США на случай возможного взаимодействия с Израилем против Ливана и Сирии. Не идет ли к тому подготовка на базе.

— Безопаснее для вас, — промолвил майор уже без улыбки, — обратить все же внимание на действительно превосходную погоду.

— Понятно. Разрешите попрощаться?

— Да. Прощайте. Кстати, какая сейчас погода в Москве?

— Мирная, как обычно.

По пути обратно в Лимасол таксист, вовлеченный мною в малоприятную затею, не высказал никакого неудовольствия. Хотя он перестал величать меня «сэром», но зато дружелюбно разговорился. По его словам, однажды на мысу Акротири стартующий У-2 разбился при взлете. Погибли пилот-янки и четверо из

обслуги аэродрома, а еще семеро были ранены. От взрыва У-2 на базе вспыхнул многочасовой пожар. Столб пламени с грибовидным облаком пепла вызвал панику в соседнем Лимасоле. Горожане перепугались, что началась война, на базу обрушился ракетно-ядерный удар возмездия, все вокруг — на пороге смерти. Впоследствии лимасольцы устроили бурную демонстрацию за ликвидацию на их острове опасных иностранных баз.

— Кто же организовал ту демонстрацию? — заинтересовался я.

— Наш городской совет мира, — сообщил таксист.

— Знаете адрес совета?

— А как же!

Через полчаса состоялось знакомство с вожаком лимасольских борцов за мир и за ликвидацию баз НАТО на Кипре — известным публицистом Паникосом Пеонидесом. К моему изумлению, он поздоровался со мною по-русски. Пеонидес — знаток советской литературы, постоянный читатель «Литературной газеты», друг поэта Евгения Евтушенко. Но со мною Пеонидес толковал о суровой прозе насущных политических проблем:

— Мои земляки неоднократно собирались на массовые митинги и призывали к упразднению военной базы Акротири, — рассказывал он. — По вине хозяев базы мы живем словно на пороховой бочке. От киприотов скрывают: хранится ли на базе ядерное оружие? Мы сильно встревожены: какие мишени высматривают У-2? Командование базы успокаивает нас заверениями, что У-2 совершают будто бы облеты только приграничных районов Египта и Израиля. Но мы подозреваем обман, ибо точно знаем, что сверхмощная электронная и радиолокаторная аппаратура Акротири шпионски нацелена на Ливан, Сирию, Ирак, Болгарию и южные области Советского Союза. И не случайно, конечно, Пентагон втихую взял на свое денежное содержание эту лишь формально британскую базу, самый крупный плацдарм НАТО на Ближнем Востоке. В Акротири созданы взлетно-посадочные полосы для всех типов боевых самолетов США. Построены казармы для 20 тысяч солдат с учетом возможного размещения авангарда американских сил быстрого реагиро-

вания. Форпост НАТО в Акротири и другие британские базы на Кипре были, к сожалению, ультимативно навязаны нам Англией в качестве условия прекращения ее колониального владычества над нашим островом. Теперь же мы требуем закрытия у нас чужих баз. Грозные события в Ливане утроили наши опасения. Авантюризм американской военщины ставит под угрозу жизнь киприотов и в первую очередь лимассольцев.

Пеонидеса целиком поддержали присоединившиеся к беседе двое активистов местного совета мира. Вдобавок они поведали, сославшись на допущенных в Акротири чернорабочих-киприотов, что недавно на базе обосновалась, помимо У-2, еще пятерка новейших разведывательных самолетов США. Этим машинам отведены специальные ангары, куда не пропускают даже английских военнослужащих. Им возбраняется также посещать подземный бетонный бункер, в котором установлены телеэкраны и компьютеры для моментального дистанционного приема и обследования фотоинформации с борта улетевшего за тысячи миль отсюда самолета-шпиона. В секретном бункере круглосуточно дежурят эксперты американских разведслужб. Используемые ими воздушные лазутчики имеют буквенную маркировку TR...

Впервые отрывочные сведения о таинственном TR просочились в американскую прессу весной 1978 года, когда в пустыне Невады рухнул с небес во время испытательного полета разведывательный самолет TR-1. По определению газеты «Нью-Йорк таймс», это был модернизированный «наследник У-2», предназначенный для «грязных дел». Его сконструировала по заказу Пентагона и ЦРУ авиакорпорация Локхид, породившая ранее У-2. Новую модель оснастили фотоэлектронным оборудованием, позволяющим воровски заглядывать на чужеземную территорию с высоты над ее рубежами. Предводители вашингтонской разведки позже нагло объявили, что двадцати пяти TR-1 предписано с 1980 года шнырять вдоль границ европейских социалистических стран и Советского Союза. Одно из мест дислокации TR-1 осведомленная «Нью-Йорк таймс» указала заранее 4 апреля 1979 года — «британская база Акротири на Кипре».

На побережье немного восточнее Акротири есть каменные руины храма Афродиты. В гомеровском гимне «К Афродите» тот храм восторженно воспет и его владелица титулована «царицей прекрасного Кипра». Но даже ее, не будь у богини иностранного пропуска, прогнали бы наверняка прочь от логова черных птиц в Акротири. А если бы оскорбленная Афродита вздумала перенести свою резиденцию двадцатью милями севернее на кипрскую гору Олимп, то наткнулась бы там опять на колючую проволоку и стражу американской станции дальнего радиоподслушивания. Шпионы изгнали богов с Олимпа!

* * *

Американский журнал «Ньюсуик», рекламируя бесстыдно пиратские рейды самолетов-шпионов США к границам Советского Союза, бахвалился в начале 1983 года: «Высотные разведывательные самолеты TR-1 постоянно занимаются фотографированием». А позже, в памятную ныне ночь с 31 августа на 1 сентября того же года, южнокорейский «Боинг» американского производства, вылетев из США, по-воровски вторгся на советский Дальний Восток...

Памятно и другое: неподалеку от южнокорейского лазутчика крался тогда в ночных тучах близ тихоокеанских рубежей нашей страны еще один американский разведывательный самолет — РС-135. Он тоже «Боинг» и неотличим по силуэту от его гражданских двойников. Да только внутри сей оборотень начинен вместо пассажирских кресел радиоэлектронной аппаратурой дистанционного зондажа чужой противовоздушной обороны. Помимо этого напарника южнокорейца, в ту роковую пору возле советской Камчатки еще семь раз нагло появлялись американские РС-135.

Судя по предыдущим акциям РС-135, их экипажи злоумышленно нацелены на агрессивное прощупывание обороны чужих рубежей. В 1977 году министерство иностранных дел нейтральной Швеции публично укоряло власти США за разведывательные облеты самолетами РС-135 шведских военных сооружений на острове Готланд на Балтике. Над ее международными

водами в том районе РС-135 настолько распоясались, что принялись поблизости атаковывать мешавшие их маневрам гражданские авиалайнеры. Дважды воздушные гангстеры, имитируя таран, отгоняли прочь местные пассажирские самолеты. А 5 января 1977 года один РС-135 бросился в лобовую на лайнер Аэрофлота и свернул в сторону от него лишь на расстоянии в сто метров буквально за полсекунды до катастрофы. Этот бандитизм шведское радио объяснило стремлением янки терроризировать советских авиаторов: «Здесь проложен маршрут воздушных разведчиков США с их баз в ФРГ к СССР для подслушивания его радиостанций — военных и цивильных».

Вашингтонский шпионаж, как видим, всегда был чреват преднамеренным убийством.

ГЛАВА III

В ГОРАХ НА АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

В горном ущелье суматошно барабанило эхо близкого боя — гулко ухал миномет под чечеточную дробь автоматов и звонкие хлопки гранат. А день тот был ласкающе весенним, безоблачным, солнечным и для меня последним на южной афганской границе с Пакистаном. Туда опять отогнали на исходе дня очередную закордонную банду басмачей. И после погони за ними вернулся, израсходовав боекомплект, военный вертолет. Пилоты-афганцы позволили мне втиснуться в порожний грузовой отсек для перелета к северу на тыловой аэродром.

Вскоре мы взмыли вверх, внутри моего тесного железного ящика стало весьма зябко, но зато в нем имелось смотровое оконце, сквозь которое я увидел, как мы поравнялись с белоснежными гребнями исполинских скал. Потом они отступили, уменьшились, остались позади. С ними остался незабываемый месяц репортерских кочевий по погранзаставам, авангардным гарнизонам, фронтовым позициям необъявленной затяжной войны против молодой народной республики.

Через двое суток московский аэропорт Шереметьево встретил меня ночью моросящим дождем и порывистым ветром. На мокром Ленинградском шоссе по пути домой водитель такси то и дело сбавлял скорость и сварливо бранил непогоду. Я не поддакивал ему, и он умолк, угрюмо нахохлившись. Мне же было хорошо, невзирая на промозглую ночную мглу. Ожили в памяти грибоедовские строки: «Когда постранству-

ешь, воротишься домой, и дым отечества нам сладок и приятен».

И как вдобавок приятно вместо походных ночевок в солдатских палатках снова вкусить домашний уют, сбросить пропыленную и продранную куртку, понежиться под горячим душем, нырнуть в чистую мягкую постель! Хотелось теперь преспокойно сполна отоспаться, но я тревожно проснулся на рассвете в привычный час войсковой побудки. И поначалу показалось странным, что нет обычного сигнала к подъему, нет топота подкованных сапог, нет больше поутру громких гортанных команд офицеров афганских пограничников.

Отныне спозаранку меня окружала безмятежная тишина, и только из приоткрытой форточки доносилось чириканье воробьев. Рассчитывая еще вздремнуть, я сомкнул веки, но внезапно, будто наяву, возникла передо мною знакомая каменистая ложбина афганской речки Кунар. И на ее берегу глинобитный домишко, откуда отрывисто лаял пулемет, заставляя вжиматься плашмя в мелкий сухой арык.

...Вместе с полусотней афганских бойцов народного ополчения я лежал в пыли на дне безводного арыка. Перестрелка с окруженными диверсантами продолжалась уже свыше шести часов. По-южному знойное солнце палило немилосердно, вызывая мучительную жажду. Серая густая пыль толстым слоем облепила наши потные лица, одежду, карабины, мой фотоаппарат. Вдалеке громоздились бурые лысые горы, а перед нами расстилалась плоская поляна, и за нею из одинокого хутора огрызался короткими очередями бандитский пулемет. Там явно экономили патроны и знали наверняка, что им все равно каюк.

К вечеру на подмогу ополченцам прикатила афганская армейская самоходка, пальнула пару раз по осажденным басмачам, и они выставили напоказ палку с белой тряпкой. Наружу вышли, подняв руки, две дюжины уцелевших — разбойного облика бородачи в грязных долгополых рубахах и шароварах. Я сфотографировал брошенное ими оружие: английский пулемет, египетские автоматы, американские гранаты.

Тогда я не ведал, что подсознательно мой мозг тоже как бы фотографирует, коллекционирует и будет затем долго воспроизводить пережитое в Афганистане.

Оно не меркло, не тускнело, не отмирало. И снова в Москве на рассвете я видел желтую ленту грунтовой дороги к афганскому кишлаку Хадда и наш ползущий осторожно по проселку патрульный бронетранспортер. В дозор посланы двенадцать: восемь солдат, их командир лейтенант Абдул Рауф, три сапера с миноискателями и четырехметровыми остроконечными шестами. Приказано выяснить, есть ли на той дороге закопанные басмачами мины. Они зачастую особые — американские с пластиковым корпусом, против чего бессилен миноискатель, и приходится инспектировать любой подозрительный бугорок длинным щупом.

Мы разместились сверху бронемашины, и лейтенант Рауф, медноликий крепыш с залихватски белозубой улыбкой, весело подбадривал меня: «Не робейте! Коли нарвемся на мину, то всего-навсего нас подбросит слегка в воздух». Выдавив с трудом ухмылку, я напряженно разглядывал впереди каждую рытвину или пятно взрыхленной земли, ожидая рокового взрыва. Между тем дорога допетляла до леса, темная чащоба надвинулась с боков, солдаты защелкали затворами. Было не по себе, но я твердо знал: что бы ни случилось, мои верные друзья выстоят плечом к плечу до последнего патрона. Все обошлось, впрочем, благополучно. Лишь на окраине кишлака Хадда мы обнаружили басмачей, но они, отстреливаясь, быстро ретировались.

Однако всякая война неизбежно, увы, приносит трагические потери. На афгано-пакистанской границе погибли два моих друга — полковник Абдель Халик и лейтенант Виктор Лосев. От них обоих остались у меня блокнотные записи наших бесед и фотоснимок Вити. Оба умерли героями. Об их совместном подвиге я впервые поведал вкратце со страниц газеты «Красная звезда». Написать о том лаконичный по-армейски репортаж оказалось на редкость тяжко; я видел почти явственно лица товарищей, слышал их голоса, не мог никак смириться с горькой утратой. Да тут еще в соседней квартире кто-то, распахнув настежь окно, включал магнитофон и бередил мне душу хрипловатым баритоном популярного барда:

Почему все не так? Вроде все, как всегда,
То же небо опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Однажды из прихожей брякнул звонок, я отпер дверь, взглянул на замерших скорбно у порога двух незнакомцев, и сердце екнуло от мгновенной догадки. Заплаканная пожилая женщина в черном платке опиралась грузно на руку седого мужчины со страдальчески воспаленными глазами. Они назвали мне свои имена: Екатерина Григорьевна и Семен Иванович Лосевы из Белгорода. Я ввел их к себе, усадил, налил три чашки крепкого чая. Отец лейтенанта Лосева вынул из кармана и протянул мне бумажный листок:

— Вот от Вити последнее его письмецо, по которому мы вас разыскали.

«Здравствуйте, мои дорогие папа и мама! У меня все хорошо, все нормально. Жив, здоров, не болею. Служба идет обычным образом, а вместе с нею бежит время. Несколько дней я провел с приехавшим сюда корреспондентом «Литературной газеты». Его интересовали здешние места. По его словам, он напишет, наверное, о нас статью. Фамилия корреспондента Андронов. Когда появится его статья, то вышлите, по возможности, ее мне. Таковы все мои новости. Пишите о том, что нового у вас. Крепко обнимаю и целую. Витя».

Мать Вити сказала, что от него многократно доставляла почта схожие успокоительные весточки, где он ни разу не обмолвился о подстерегавших его грозных опасностях. Со школьной скамьи он отличался недетской самостоятельностью. Решил стать военным и после десятилетки ушел рядовым в армию. Далее поступил в военное училище. А когда народная власть Афганистана попросила у нас братской помощи против вооруженных орд контрреволюции, то комсомолец Виктор Лосев добился зачисления на курсы военных переводчиков и овладел языком дари. Вслед за тем ему предоставили стажировку в штабе афганского пограничного корпуса. Там он вызвался отправиться на горную погранзаставу, атакуемую беспрестанно из Пакистана шайками басмачей. Незадолго до боя, в котором Виктор погиб, ему исполнилось 22 года.

— Расскажите нам все, что помните о Вите, — говорила мне Екатерина Григорьевна. — Как он выгля-

дел, чем занимался, что обсуждал напоследок с вами? Почему бросился добровольцем в самое пекло?

Если бы спросила о том не мать Виктора, а посторонний человек, то ответить можно в целом немногословно: комсомолец Лосев по зову совести и по приказу командования честно и самоотверженно выполнял интернациональный долг. Но так, пожалуй, не ответишь только что потерявшей сына матери. Да и другим матерям, женам, сестрам тех наших офицеров и солдат, которые отважно помогают афганцам укреплять и защищать рожденную революцией республику. Ее враги за океаном жаждали, как известно, превратить Афганистан в их стратегический трамплин у южных рубежей Советского Союза. И, зная об этом, лейтенант Лосев и окружавшие его афганские офицеры, обороняя суверенные границы Афганистана, обеспечивали тем самым обоюдную безопасность двух наших стран и народов. Вот ради чего афганские и советские патриоты нередко добровольно рискуют собою.

ПУТЬ НА ЗАСТАВУ

Итак, начну с того, как вполне комфортабельно на десантном вертолете добрался из Кабула с афганскими офицерами в пограничный городок. Он маленький, одноэтажный, неказистый и выглядит с высоты горстью серых кубиков посредине огромного пустынного плоскогорья, обрамленного крутолобыми сопками. К ним змеится от города на северо-восток коричневая нитка древнего тракта, протоптанного отсюда с незапамятных времен через горные перевалы в сказочный некогда Индостан. Тут встарь маршировали полчища Александра Македонского, шли в набег алчные орды Тамерлана, неслась конница завоевателя Индии падишаха Бабура. И тем же проторенным путем тянулись испокон веков мирные верблюжьи караваны разноплеменных купцов, овечьи отары и кибитки кочевников-скотоводов. Их привальные стоянки поныне различимы при подлете по черным пятнам таборных шатров. Но все они темнеют в отдалении от безлюдной дороги: иногда по ночам ее минируют украдкой басмачи.

На полевом аэродроме нас встретил усатый бравый майор, рассадил по трем «газикам» и доставил

в штаб погранкорпуса. Там на песчаном голом плацу перед кирпичными приземистыми казармами маячила тонкая радиомачта, рядом стоял танк, за ним у входа в штабное помещение застыли двое часовых с автоматами. В просторной комнате полтора десятка штабистов сосредоточенно сновали между столами с расстеленными картами и телефонными аппаратами.

Моложавый стройный офицер подошел ко мне и пожал руку. Сказал, выговаривая медленно русские слова: «Добро пожаловать, я комиссар Вахед, начальник политотдела корпуса». Он подвел меня к карте и ткнул пальцем в алый кружок на пунктире афгано-пакистанской границы: «Завтра туда пошлем вертолет, а пока отдыхайте». Меня отвели в офицерскую казарму, накормили овсяной кашей с тушенкой и выделили койку. Даже в казарме я с непривычки ночью отчаянно продрог от здешнего высокогорного холода, хотя, помимо суконного одеяла, натянул на себя свитер и всю остальную одежду.

Ранним утром на аэродроме пузатая стрекоза транспортного М-8 приняла в свое металлическое чрево двух пилотов, двух пассажиров, контейнер со снарядами, пять мешков картошки, мешок репчатого лука, три коровьи туши. Надсадно взвыли моторы, фюзеляж вздрогнул и задребезжал, машина оттолкнулась от земли, тряска прекратилась.

Вертолет плавно поднимался все выше и ближе к верхушкам надвигавшихся сопок. За их первой грядой клыкастые горные кряжи вздымались щербатыми ступенями в голубое небо и сверкали издалека обледенелыми пиками. Наш вертолет запетлял по лабиринтам глубоких ущелий, и в одном из них мы пролетели над аулом местного племени пуштунов. Все сакли аула гнездились обособленно за полукрепостными стенами и башенками со стрелковыми бойницами. Мой спутник сержант Маулатдин, недавний кабульский студент, говорящий по-русски, разъяснил увиденное:

— Тут горы отрезали людей от внешнего мира, клан отгородился от клана, семья от семьи, любой горец-мужчина держит наготове оружие. Живут пока еще по старинке. Соблюдают заповеди шариата, подчиняются муллам и потомственным вождям кланов. Жен-

щины бесправны. Обязаны носить чадру и безропотно обслуживать всякого, кто уплатил за них калым.

— Вопреки декретам народной революции?

— В этой глухомани,—ответил Маулатдин,—феодальная знать после нашей революции призвала горцев к бунту во имя якобы верности исламу. На деле зачинщики смуты ополчились против провозглашенных революцией всеобщего равенства и передела угодий богатеев в пользу бедноты. Земельную реформу сразу же поддержали многие пуштуны. Но главари мятежников учинили кровавую резню. Поэтому нашим пограничным войскам пришлось наводить порядок. В итоге мятежники откочевали в Пакистан и принялись оттуда устраивать бандитские рейды. Налетчиков обильно снабжают американским вооружением по ту сторону границы. Отгонять от нее врагов—наша сегодняшняя задача, и вы скоро наглядно познаете, как это делается.

Из пилотской кабины выглянул афганский летчик и что-то выкрикнул. Маулатдин перевел:

— Граница! Снижаемся.

Узкий каньон ущелья расширился, и мы очутились в зеленой чаше речной долины, оцепленной отовсюду гранитными колоссами с куполами снега. Долина имела форму треугольника. В его сердцевине сходились три дороги. Одна вела на восток, и на ней невдалеке виднелся квадратный коробок будки сверху вертикальных столбов—наблюдательная вышка пакистанского погранпоста. Другая дорога вилась горным серпантином к северу в направлении Кабула. Третья ныряла в ущелье и уходила на запад.

А на скрещении трех дорог, совсем как в сагах о странствующих рыцарях, возвышалась на холме грозная цитадель—массивные замковые казематы в сторожевом кольце могучих каменных стен, бастионов, рвов. Паря над ними, я ликующе поздравил себя с репортерской удачей: ведь несколько месяцев назад, будучи корреспондентом «Литературной газеты» в Соединенных Штатах, я впервые вычитал в газете «Нью-Йорк таймс», как атаманы афганских басмачей в открытую сетуют на главную преграду их атакам из Пакистана на аулы пуштунов—этот самый пограничный форт. Потом мне довелось быть очевидцем прибытия

в США наиболее рьяных контрреволюционеров, которые публично поклялись вашингтонским опекунам сокрушить американским оружием прежде всего ненавистную им крепость. И вот она предо мною — незыблемая и неодолимая, как за ее спиною непобедимая республика!

Невольно нахлынули воспоминания и промелькнули молниеносно: Нью-Йорк, небоскребы, меж ними сумрачные щели, кишащие на дне муравейником автомобилей и уличных толп, а я шагаю в толчее по фешенебельной Пятой авеню на рандеву с заведомым мошенником, который именует себя «афганским королем Хасаном Первым». Миную длинную шеренгу шикарных магазинов, где за непробиваемыми, как броня, стеклами худощавые по моде красотки-манекены рекламируют для элиты серебристые соболиные манто, декольтированные бальные наряды, золотые ожерелья с лучезарными бриллиантами. На углу Пятой авеню и 57-й стрит мужской салон «Бергдорф Гудмен» выставил напоказ пластмассового джентльмена в изящном смокинге. На первом этаже салона лакированные прилавки заполнены разноцветными дорогими рубашками. Четверо продавцов скучали от безделья, когда я к ним подошел, огляделся и кивнул жирному коротышке, на чьем округло вздутом пиджачке мерцала бронзовая нагрудная бляшка в виде короны. Толстяк юрко встрепенулся:

— К вашим услугам, сэр.

— Не вы ли вчера, — усмехнулся я, — объявили через газету «Нью-Йорк пост» беспощадную войну Демократической Республике Афганистан?

— Да, — подтвердил он. — По всевышней милости аллаха я, король афганцев Хасан Первый, изгоню безбожников из Кабула!

— Допустим, что вы конфиденциально столковались с аллахом, — проиронизировал я. — Но установлено, что вы — внебрачный сын англичанки по имени Ада Кэри, по паспорту вы — британский подданный, жили с детства в Англии, позже — во Франции, а посему никто в Афганистане никогда о вас ничего не слышал. Даже «Нью-Йорк пост» оговорилась, что вы, наверное, вовсе не король, а самозванец. На кого же вы рассчитываете?

— Я предложил влиятельным американским политикам, — напыжился лжемонарх, — объединить под моим руководством все разрозненные силы афганских повстанцев и сформировать подчиненное мне временное эмигрантское правительство.

— Так почему же вы, ваше величество, — прыснул я, — торгуете чужими рубашками?

— Зря потешаетесь надо мною, — обиделся он. — Я жду ответа из Вашингтона. А тем временем приходится зарабатывать на жизнь. Чем попусту смеяться, купите лучше у меня отличную сорочку. Взгляните на эту — шелковая, изысканно модная и стоит лишь двадцать долларов! Ну, а если хотите со мною побеседовать всерьез, то можете пригласить вечерком на ужин в ресторане. Запишите, пожалуйста, номер моего телефона...

И он, пройдоха, умудрился все же всучить мне в качестве компенсации за дарованное интервью ту будто бы шелковую сорочку, которая впоследствии оказалась на поверку сшитой из дешевого полиэстра. Второй подвох у него, впрочем, сорвался: я игнорировал предложение плута ублажить его ресторанным ужином и выпивкой. Однако следил впредь по газетам за его дальнейшими похождениями. Вскрылось, что до распродажи псевдошелкового белья он был парикмахером, коммивояжером, ипподромным маклером, карточным шулером и по совместительству профессиональным брачным аферистом, обобравшим шестерых богатых старух. Достаточно для ареста? Как бы не так!

Прохвост не соврал мне насчет апелляции к «влиятельным политикам» в Вашингтоне. Шарлатана вызвал в столицу и обласкал вельможный сподвижник президента США сенатор Джесси Хелмс, лидер и кумир махровых реакционеров. Единомышленники Хелмса в Белом доме, Пентагоне, ЦРУ в складчину взяли на содержание жуликоватого королька и поручили ему верховодить будущей «королевской афганской армией». Офицерский костяк ее новобранцев отбирало среди басмачей в Пакистане тамошнее посольство США и отсылало их на военную переподготовку в диверсионно-тренировочное училище ЦРУ около американского города Атланты. Муштровкой террористов занялись ветеран ЦРУ Митчел Уэрбелл и генерал Джон Синг-

лаб, бывший командующий американскими оккупационными войсками в Южной Корее. На полигоне спецлагеря под Атлантой сорок инструкторов обучали завербованных ремеслу саботажных поджогов и взрывов, прицельной стрельбе из противотанковых гранатометов, зенитных ракетниц, бесшумных снайперских винтовок. Группы вышколенных штурмовиков перебрасывали вспять на афгано-пакистанскую границу.

Туда — угодить под пули — отнюдь не стремился коронованный в Америке ловкий авантюрист. На доллары вашингтонских кредиторов он кутил напропалую, курсируя между Нью-Йорком и Атлантой, развратничал и картежничал, произносил на банкетах хмельные воинственные спичи, но трусливо увиливал от обещания возглавить обреченное загодя на разгром вторжение в Афганистан басмаческой «королевской армии».

Меценаты обманщика Хасана под конец плюнули на него и подыскали взамен другую марионетку — тоже Хасана по фамилии Гейлани. Дублер Хасан сбежал из Кабула за рубеж после революции. Он в отличие от нью-йоркского тезки разыграл по заказанному сценарию храброго вояку: кряжистый чернявый громила, обмотанный от плеч до пупа гирляндами крупнокалиберных патронов, позировал в Пакистане свите американских фотографов, демонстрировал им презентованные ему заморские пулеметы и бахвалился, что собрал пять тысяч приспешников для захвата передовой афганской заставы и прорыва дальше на север. Новоявленный Хасан по примеру предшественника корчил из себя достойного трона потомственного аристократа, связанного узами родства с принцами Саудовской Аравии и свергнутым десять лет назад последним афганским королем. Американская пресса взахлеб аплодировала басмачу-пулеметчику и прочила его в кабульские цари.

Незадолго до нападения своры басмачей на пограничный форт я посетил в Нью-Йорке пресс-конференцию соратника Хасана Гейлани — его родственника Саида Ахмеда. С виду сородич бандита выглядел городским франтом: холеная самодовольная физиономия, щегольские тонкие усики, замшевый блейзер, манишка с галстуком-бабочкой. Непринужденно изъясняясь по-английски без малейшего акцента, Саид горделиво изрек,

что женат на внучке лишенного престола афганского короля Захир Шаха. Престарелый экс-монарх доживает нынче в Риме, внучка обосновалась в Лондоне, а Саид перебазировался в Исламабад и купил там особняк для резиденции своего племянника Хасана.

— На чьи деньги куплен особняк? — полюбопытствовали газетчики.

Саид замялся. Вопросительно обернулся к сопровождавшему его седому респектабельному американцу — консультанту Белого дома Роберту Ньюмену, бывшему послу США в Кабуле. Тот негромко, но зато внушительно промолвил:

— Нашим афганским партнерам решено ассигновать десять миллионов долларов. Следует также целиком удовлетворить их потребности в противотанковом и зенитном оружии.

Саид ощерился:

— Мы уповаем на американскую помощь! Ударим из Пакистана сперва по землям афганских пуштунов, а завершим поход в Кабуле!

Затем он и Ньюмен отбыли в Вашингтон окончательно утвердить план басмаческого похода. Переговоры с Саидом и еще тремя отпрысками семейства Гейлани велись без утайки на высшем уровне с участием генералов Пентагона, шефов ЦРУ, начальственных персон государственного департамента США, сенаторов и конгрессменов. Осведомленные вашингтонские журналисты разгласили некоторые подробности переговоров: заместитель государственного секретаря США Николас Велиотес предостерег Саида, что афганские пограничники, вероятно, уже готовятся к осаде и могут окружить их ключевой форт минными полями. Против этого басмачам рекомендовали применить такую уловку: дождаться начала весны, когда в долине будет таять снег, а студеными ночами проталины замерзнут, накроют мины панцирем льда, и тогда по нему — вперед на приступ крепостных бастионов. Вдохновители интервенции спланировали ее по-американски деловито и тщательно, с максимальной скрупулезной предусмотрительностью. Учтя абсолютно все, вплоть до весенних луж на афгано-пакистанской границе, проморгали тем не менее человеческий фактор — духовную стойкость патриотов несокрушимой республики.

«МЫ ПОБЕДИМ НЕ ОРУЖИЕМ»

Ни льда, ни снега, ни луж уже не было на дне горной долины, когда наш вертолет снизился над погранзаставой. Ее старинную цитадель огибала сизым тонким полукольцом мелководная речушка. На оранжевых откосах прибрежного краснозема зеленели клочки огородных делянок. Повыше на уступах предгорья лепились поодиночке угрюмые глиняные хутора и розовели под щедрым апрельским солнцем кроны садовых деревьев.

Мы приземлились на щебенчатую площадку внутри крепости, выбрались по стремянке из вертолета, и я увидел двух шагавших к нам офицеров. У старшего из них было оливкового цвета морщинистое лицо с карими глазами. Облик младшего — русого и светлоокого — безошибочно с первого взгляда подсказывал: передо мною славянин. Так я попал в гости к полковнику Абделю Халику и повстречал лейтенанта Виктора Лосева.

Мы обменялись рукопожатиями. Полковник Халик приказал пятерке подбежавших солдат разгрузить вертолет. Налегке машина прыгнула пружинисто ввысь, а ей вдогонку прозвучали отдаленные выстрелы откуда-то с окрестных гор. И туда мгновенно из форта ответили пулеметы. Ухнула пушка. Горное эхо превратило неожиданную стрельбу в громовую канонаду. Я инстинктивно осмотрелся, ища укрытия. Но полковник и лейтенант преспокойно стояли возле меня. И я превозмог штатскую слабонервность. Халик обернулся ко мне:

— Не волнуйтесь по поводу стрельбы. Это заурядная мелочь. Вновь из Пакистана просочились душманы. Мы их живо утихомирим.

Переводя мне по-русски реплику полковника, Лосев добавил:

— Афганцы называют басмачей душманами. Дословно душман — это враг.

Полковник разрешил мне поначалу осмотреть с Лосевым крепость. В ней, не будь войны, можно было бы открыть музей архитектуры раннего средневековья. Охранные овальные башни, похожие на бочки, и промежуточные мощные стены сложены из сцементирован-

ных глиной неотесанных каменных глыб. Бревенчатые ворота форта окованы железом и обтянуты чугунными цепями. Двор порос травой и мхом, но сквозь них проступают кое-где исцарапанные бруски мраморных плит, по которым когда-то въезжали сюда конные колесницы и вступали боевые слоны, оседланные копьеносцами и лучниками. Теперь же на дворе — бронетранспортеры, грузовики, пушки, а на башнях — пулеметы. И повсюду при обходе крепости обступали Лосева его приятели-пограничники, просили меня сфотографировать их с советским другом.

Вестовой полковника Халика пришел за нами и отвел в штабную казарму. Она выглядела спартански: большая продолговатая комната с утрамбованным земляным полом, на стенах — бумажные простыни военных карт, вся меблировка — дощатый стол да простецкие табуретки.

— Присаживайтесь, потолкуем, — приподнялся из-за стола полковник.

С ним в штабе находились трое его ближайших помощников, и он представил их поочередно. Капитан Нарулла Гульям. Замполит лейтенант Мухаммед Анвар. Командир разведки лейтенант Масуд Мироджан. Все трое в серых походных тужурках, все трое — поджарые, жилистые и сноровистые, у всех — смоляные по-афгански усы. Только у полковника не было почему-то традиционных офицерских усов на его одутловатом утомленном лице. И говорил он как-то не по-военному: вполголоса и неспеша. Он был малоподвижен, грузен, невозмутимо флегматичен. Однако под этой неброской внешностью таились, как проявилось десять суток спустя, стальное хладнокровие и беззаветная отвага...

— Рад оказать вам всяческое содействие, — заверил меня Халик. — Но я никогда раньше не общался с иностранными журналистами. Что вас здесь интересует?

— Больше всего — ваше противоборство бандам Хасана Гейлани.

— Последний раз душманы Хасана атаковали нас два месяца назад, — сказал полковник. — Предварительно у соседнего пакистанского погранпоста мельтешились неделю подряд явно неместные белокожие офи-

церы. По рации они держали связь со своим командованием, и наш радиоперехват их депеш выявил, что чужаки—американцы. Они фотографировали день за днем нашу крепость и заснеженные подступы к ней. А потом в начале весенней оттепели множество душманов хлынуло с пакистанской стороны на штурм нашего форта. Они подвергли нас шквальному артобстрелу из американских орудий 75-миллиметрового калибра. У них имелись даже два танка. Их пехота превосходила нас по численности примерно двадцатикратно, но перед нашими стенами они нарвались на мины, а мы добили их пулеметным и пушечным огнем. Потрепанная рать Хасана поневоле откатилась в Пакистан.

— Значит, ваши мины срабатывают и под коркой обледеневшего снега?

— Конечно,—подтвердил он.—Но по крупному счету мы всегда уповаем не столько на мины, пулеметы и пушки, сколько на сердца наших людей.

— Вы говорите о ваших солдатах?

— Да, отчасти. Но суть дела гораздо сложнее.

— Что вы имеете в виду?

— Здешний народ. Горцев. Пуштунов.

Полковник встал, обошел стол, остановился задумчиво у настенной карты прилегающих районов. По минутной отрешенности собеседника я уловил репортерским чутьем, что он сосредоточился на самом для него важном, основном, сокровенном. В такие секунды не следует навязчиво возобновлять расспросы.

И я выждал, пока Халик вновь заговорил размеренно и убежденно:

— У меня, кадрового строевика, сложилось твердое мнение: революция победит тут не силой оружия. Хотя мы, пограничники, контролируем узел дорог в долине и выставили постоянные посты в горах, все равно душманы проникают к нам из Пакистана по окольным горным тропам. Полностью избавиться от душманов возможно лишь одним способом: обратить против них все до единого пограничные аулы пуштунов. Для этого оружия не потребуется. Горцы-мужчины поголовно вооружены. Большинство пуштунов относится враждебно к пришлым смутьянам и хочет жить мирно. Но бандиты, изображая себя «борцами за ве-

ру», наускивают фанатично религиозных мусульман на «безбожников» — республиканские власти. Поэтому с нашей погранзаставы мы регулярно рассылаем по аулам патрульные группы пропагандистов, которые доходчиво и терпеливо растолковывают неграмотным и одураченным, что революционная земельная реформа, всеобщее равенство, раскрепощение женщин, школьное обучение детворы — это не безбожие, не дьявольский грех, а святая забота о благе простого человека. Периодически мы направляем в аулы наших солдат красить и ремонтировать обветшалые мечети, налаживать взаимопонимание с муллами. Санитары медпункта нашей погранзаставы безвозмездно снабжают горцев лекарствами, навещают тяжелобольных, принимают меры против вспышек эпидемий. И вот тому плоды: пуштуны нескольких аулов на днях без нашего вмешательства прогнали прочь отряд головорезов Хасана Гейлани.

— Он вам теперь, выходит, не очень опасен?

— Нет, еще опасен, — возразил полковник. — Разбойная семейка Гейлани, во-первых, пополняет по-прежнему арсеналы душманов американским оружием. А, во-вторых, среди пуштунов Гейлани надеются на сочувствие духовенства мусульманской секты куадири. Наследственный князь-первосвященник куадири — Саид Ахмед Гейлани. Он дядя Хасана. Все Гейлани — родовитые феодалы и богачи. Саид получил образование в британском Оксфорде, жил в Париже, а в Кабуле содержал магазинный салон дорогих французских автомобилей. Семейство Гейлани нажило 70 миллионов афгани на спекулятивной перепродаже жилых домов в Кабуле, владело фруктовыми плантациями южнее Кабула и лесозаготовками в горах у пуштунов. Все это революция конфисковала и передала народу. Космополиты Гейлани, обозлившись, загримировались под поборников ислама и спутались с нашими недругами в Соединенных Штатах. Так Гейлани стали заводилами контрреволюционеров, укрывшихся в Пакистане. И эта кровожадная саранча еще не обезврежена.

ДУШМАНЫ

Из штаба я вышел с двумя лейтенантами — Лосевым и Мироджаном, командиром разведки. 26-летний Мироджан невысок ростом, но плечист, молодцевато подтянут и грациозен, как джигит. Мироджан — пуштун, уроженец аула в предгорьях долины. Здесь он везде как дома: может в кромешной тьме и без карты, компаса, проводника достичь любого ущелья, перевала, неприметной тропинки, пещеры. Подняв руку, Мироджан указал мне на далекий снежный гребешок двугорбой горы:

— Послезавтра ночью я со взводом устрою там засаду. Получено донесение, что туда с севера хотят прокрасться бандиты Хасана Гейлани. Они ведут караван из двадцати ишаков, нагруженных тюками опиума. Хасан прибыльно промышляет контрабандой наркотиков. Он скупает опиум у душманов в северной низменной провинции Нангархар.

Слушая Мироджана, я вспомнил начало своей командировки, когда до поездки сюда посетил провинцию Нангархар и ее гарнизоны афганских погранвойск. Запомнилась особо одна рекогносцировка на гелнкоптере пограничников вдоль поймы реки Кунар. Тогда вертолетчики пригласили меня в их застекленную пилотскую кабину, откуда я с ними пристально обозревал желтовато-белесую речку и пологие каменистые берега. Мы неслись над рекой на бреющем полете, но ничего подозрительного я не высмотрел. Если тут шныряют басмачи, то они до ночи, вероятно, отсиживаются в неразличимых сверху норах. К моему недоумению, летчик-афганец уверенно воскликнул:

— Бандиты!

Но внизу под нами не было ни души. Только справа на берегу я разглядел поляну с алыми цветами поразительной красоты. Неужто, усомнился я, басмачи заделались мирными цветоводами?

— Да это же посевы опиумного мака, — просветил меня пилот. — По таким посадкам мы теперь распознаем логова бандитов. Они заядлые наркоманы и поставщики опиума зарубежным контрабандистам.

И вот теперь я узнал от лейтенанта Мироджана, что на границе басмачи втихую стаскивают опиум к наибо-

лее труднодоступным горам с целью перестраховки от поимки. Мироджан рассказывал:

— Правительство нашей республики приказало пресечь вражеские махинации с наркотиками. Это легче выполнить в Нангархаре, где нет таких, как у нас, заоблачных гор. Хотя мы все чаще перехватываем опиумные караваны душманов, часть все же проскальзывает в Пакистан. Мы располагаем достоверной информацией, что в Пакистане на опорных базах душманов резиденты американских спецслужб соучаствуют в сверхприбыльной торговле наркотиками. С их ведома в Пакистане оптом закупают опиум маклеры американской мафии. В пакистанском пограничном городе Ланди-Катал действует подпольный аукцион опиума. Американская мафия предоставила душманам 15 лабораторий с персоналом химиков для переработки опиума в героин. Его секретно вывозят в США авиакурьеры мафии. Тем временем Хасан Гейлани и прочие атаманы душманов нашептывают своим заморским покровителям: выручка от продажи наркотиков, дескать, снизит вашингтонские расходы на диверсионную войну против Афганистана. Возникла преступная круговая порука трех сил — душманов, мафии и американских властей.

Вывод афганского пограничника целиком совпадает с тем, о чем я наслышался прежде в Соединенных Штатах. Там еще три года назад правительственное «Агентство по борьбе с контрабандой наркотиков» публично выдало индульгенцию басмачам: «Им понадобится, наверное, и впредь доставать валюту благодаря урожаям опиума и закупать таким образом оружие». Через два года газета «Вашингтон пост» скорбно констатировала, что 70 процентов нелегального импорта героина в США поступает с афгано-пакистанской границы. Последствия общеизвестны: десятки тысяч американцев искалечены пагубным пристрастием к ядовитому зелью. Как ни парадоксально, но Америка пострадала бы от ее порочного недуга еще больше, не будь на афганской границе офицеров вроде лейтенанта Мироджана!

После разговора с командиром разведки Лосев предложил мне нанести визит главе гражданской администрации — председателю уездного совета. Мы вышли за ворота форта и с ходу попали на шумную рыночную площадь. Такое ярмарочное столпотворение у крепост-

ных стен я видел раньше лишь на картинах средневековых городов. А тут будто воскрес сказочный базар из «Тысячи и одной ночи»: хаотическое скопище мелких лавчонок под грязными залатанными тентами, гомонящая мешанина людей, кур, собак, баранов, зазывные вопли бородатых торговцев в ватных халатах и фиолетовых, бирюзовых, золотистых тюрбанах. Чадный дым жаровен и щекочуще острый запах шашлыка, перца, лука. Пронзительный перезвон привязанных гроздьями к жердям бронзовых узкогорлых кувшинов. Беззвучное и мимолетное порхание сквозь толпу зачадренных от макушек до пят робких полупризраков. Короче — первозданный сельский базар Востока.

На отшибе от рынка стоял одноэтажный дом уездного совета. Его председателя — Пазанмамада Тадбира — мы застали за ритуальным чаепитием на ковре с восемью седобородыми старейшинами из горных аулов. Нам с Лосевым тоже поднесли по чашке ароматной зеленоватой жидкости и усадили возле хозяина. Он выделялся внешне среди других: интеллигентное лицо человека не старше, пожалуй, 30 лет, изящный костюм европейского фасона, белая сорочка, темно-серый элегантный галстук. С восточной любезностью Тадбир протянул мне блюдо со сладостями, и я заметил под приподнявшейся полой его пиджака засунутый за поясной ремень увесистый пистолет. Председатель совета, перехватив мой взгляд, невесело усмехнулся:

— Душманы ненавидят меня и заочно приговорили к смерти. Кроме того, я ведь по теперешним временам представитель чрезвычайно опасной профессии.

— Какой именно?

— По специальности я школьный преподаватель, — ответил он. — А душманы безжалостно истребляют учителей. Ибо учителя просвещают неграмотный люд и приобщают тем самым к демократическим идеям народовластия, прогресса, свободы. Против этого, по сути, и взбунтовались контрреволюционеры. В нашем уезде было семь школ, и три из них душманы спалили дотла. Они убили директора школы в ауле Гульбиндай. Некоторых учителей силком уволокли в Пакистан. Запретили под страхом казни школьникам, особенно девушкам, прикасаться к букварям. Поблизости в поселке Чамкани тамошний учитель не подчинился погромщи-

кам, и они его прикончили, а нескольким ученикам отрубили кисти рук с целью устрашения остальных.

Вслед за Тадбиром взял слово старец в сиреневой пуштунской чалме. Обращаясь ко мне, он промолвил:

— Запишите мое имя — Мулахель Муалем. Живу в ауле Кудгай. Сюда меня прислали односельчане просить защиты от душманов. Они обложили наш аул данью, забирают насильно юношей в свои банды, расстреляли в нашем округе трех сопротивлявшихся им племенных старейшин. Неподалеку в ауле Кусын они убили уважаемого всеми настоятеля мечети Маулави Назрулу за то, что он призывал молиться за избавление от терзающих нас изуверов. Они совершили страшное злодеяние в селении Кабильбай: схватили 35 наших земляков, чьи сородичи на государственной службе, искромсали пленников тесаками и свалили обрубки трупов в колодец. Передайте от нас советским людям, что мы взываем к их помощи и будем за выручку вечно благодарны.

Председатель совета добавил:

— Старейшины аулов одобрили мудрое решение приступить к формированию из местной молодежи ополченческих отрядов самообороны. За это и агитировали политработники пограничников, разъезжая по деревням. Ну а душманы, понятно, ополчились против политработников. Бандиты пленили политрука лейтенанта Ширин Аку и пытали его до смерти. Они захватили врасплох батальонного замполита Нурмухаммеда и четвертовали его топорами. Их зверства вызывают всеобщее негодование и преумножают вопреки расчетам убийц число сторонников нашей революции. И мы уверены в нашей победе!

Пока Лосев переводил мне концовку сказанного Тадбиром, я искоса подметил, что старейшины оживленно переговариваются и посматривают на меня. А затем один из них, внушительно приосанившись и разгладив на груди серебристую длинную бороду, обратился к председателю совета с короткой речью. Тадбир почтительно выслушал старика и объявил мне:

— Старейшины хотят, чтобы вы в подтверждение наших слов своими глазами увидели пойманного нами душмана.

Председатель совета хлопнул ладонями, и порог комнаты переступил парень в фисташковом мундире афганской милиции. Получив от Тадбира распоряжение, милиционер козырнул и удалился. Между тем Тадбир опросил старейшин и обобщенно резюмировал мне сведения о пойманном душмане по имени Африди Анатхон. Этот басмач возглавлял небольшую вооруженную шайку из 15 бандитов. Их заслали из Пакистана с заданием минировать здесь дороги, взрывать мосты, жечь продовольственные склады, инспирировать грабежами и убийствами смуту и разруху.

Компаньоны Африди чаще всего подбирались скрытно к горному шоссе и выскакивали на дорогу с угрожающе поднятыми автоматами навстречу рейсовому автобусу. Безоружных пассажиров выволакивали на обочину, обыскивали, отбирали деньги и документы, срывали у женщин серьги и кольца. Тех, кто хорошо одет, брали в заложники, за которых впоследствии вымогали у родни пленников денежный выкуп. По изъятым документам выявляли членов Народно-демократической партии и Союза революционной молодежи. Им, по свидетельствам очевидцев, живодеры отрезали уши и носы, вспарывали животы, отрубали головы и запихивали внутрь рассеченных спереди тел. Таким жутким способом Африди собственноручно казнил 28 неугодных басмачам афганцев. Он успел за четыре месяца захватить одиннадцать автобусов, но на двенадцатом попался: на месте преступления его шайку настигли и разгромили пуштунские милиционеры. А подстреленный в ногу атаман сдался и ныне под арестом ожидал предстоящего суда.

Когда его ввел к нам конвойный милиционер, то я увидел вместо кровожадного чудища дрожащего сутулого оборванца с испуганно бегающими глазками. Африди немного прихрамывал и суетливо кланялся во все стороны. Ему позволили присесть, и он опустился на пол, сжался в комок и закутался наплечной войлочной накидкой. Над ее кульком осталась торчать лишь обритая голова Африди, составленная уродливо, словно нарочно для пущего устрашения, из заостренных костяшек и хрящей. Нос, как клюв. Оттопыренные уши овчарки. Скулы — два угла. Третий угол — подбородок. На тощей шее — дергающийся худой кадык. А близко

сдвинутые к переносице прищуренные глаза — трусливо настороженные, но все еще злые.

— Чем вы были вооружены? — спросил я.

— Нам дали американские автоматы-карабины М-16, — вымолвил Африди.

— Где дали?

— В нашем военном лагере у границы близ пакистанского селения Корм.

— Есть там чужеземцы?

— Да, несколько американцев.

— Знаете их имена?

— Нет.

— А командует лагерем Хасан Гейлани?

— Пощадите моих детей и жену, — заскулил хрипло Африди. — Нас принудили оставить наши семьи при лагере. В случае нашего предательства всех родственников зарежут.

— Какое вознаграждение вам посулили за террористические акты?

— В лагере нам сказали перед отсылкой сюда: «Чем больше истребите супостатов, тем богаче будете. Забирайте себе их деньги, одежду, любые вещи, ювелирные украшения».

— И вы соответственно поступали?

— Да.

— Разве такое поощряет ислам?

— Нет.

При аресте у него конфисковали кисет с горстью выдранных у пленников зубных коронок из золота. По существу, оно, вожделенное злато, а не пылкая преданность исламу завлекло Африди в стан мятежников. Да их называть мятежниками, по-моему, уже неверно. Они в своей массе просто-напросто осатаневшие мародеры. В старину на Востоке такого сорта ублюдков всенародно секли плетьми и даже отрубали им руки. А нынче, наоборот, разбойники типа Африди и Гейлани линчуют у границы изгнавший их честный трудовой люд. Вот к чему фактически свелась контрреволюция.

Распрощавшись со старейшинами и предсовета Тадбиром, мы с Лосевым вернулись в крепость. Уже вечерело. Лиловые сумерки затуманили горы и затенили помрачневшие башни форта. Печальное угасание дня усугубило подавленное настроение от встречи с басма-

чом-душегубом. Его зловещая харя неотступно мерещилась мне. И беспокоило подспудное ощущение, что где-то я ее, кажется, ранее видел. Но где? Когда? Да не может того быть! Я поделился с Лосевым своими мыслями, и он отозвался:

— У меня аналогичное чувство. Поразмыслив, я сообразил, что лицезрел в прошлом такие, как у Африди, гнусные образины.

— Где же?

— Помните «черную живопись» Франциско Гойи? Его «Шабаш ведьм»? Либо вакханалии его монстров?

— Правильно! Увлекаетесь живописью?

— Интересуюсь ею со школьных лет. Попав на курсы военных переводчиков, проводил свободное время в картинных галереях.

— Пробовали рисовать?

— Да. Получается слабо. А здесь урывками на досуге начал писать стихи. Они у меня тоже неважнецкие. Сочиняю для себя. Зачитывать, извините, не стану.

Лосев, смутившись, ускорил шаг и вывел меня из форта на примыкавшую к его стенам лужайку, посыпанную гравием. Там сгрудились продолговатые холмики солдатских могил. Их я насчитал тридцать девять. Над ними на деревянных стержнях трепетали на ветру, как листья, красные флажки с гербом Демократической Республики Афганистан. Лосев снял фуражку.

— Теперь вы доподлинно знаете, за что сражаются и жертвуют жизнями мои афганские товарищи.

РОЗЫСКИ УБИЙЦ

На следующее утро полковник Халик дозволил мне присутствовать на экстренном совещании в штабной казарме. Собралось два десятка офицеров, включая Лосева. Полковник выглядел озабоченным. Он сообщил:

— Получено по радио уведомление командования нашего корпуса. Есть развединформация, что вчера по горным тропам замаскированно перешли границу из Пакистана свыше тысячи душманов Хасана Гейлани. Это необычная банда. Она состоит из четырех маневренных отрядов диверсантов, обученных американскими военными инструкторами ведению кинжально-десантных

операций. Интервенты имеют новейшее стрелковое оружие американского производства, противотанковые базуки, портативные зенитные ракеты. Радиоперехват опять засек по соседству перекличку американских раций. Приказываю немедленно привести гарнизон в боеготовность. Полагаю, что мы получим сегодня директиву штаба корпуса предпринять завтра на рассвете бросок к югу на перехват противника...

Весь день пограничники готовились к вылазке. На крепостном дворе артиллеристы копошились у пушек. Водители бронетранспортеров проверяли моторы своих машин. Из бункера выполз танк, и к нему спереди саперы прикрепляли противоминные округлые катки, похожие на автодорожные уминатели асфальта. В солдатских казармах драили начисто автоматы. Только к ночи угомонилась погранзастава, и офицеры разошлись прикорнуть до рассвета.

Наступила ночь, но мне, новичку в подобных ситуациях, не удалось, как пограничникам, спокойно уснуть. Прихватив курево, я расположился на крыльце казармы под черным пологом неба. Вокруг была кромешная темень. Лишь сверху мерцала бриллиантовая россыпь созвездий. Увижу ли их снова после боя? Долго я созерцал далекие светила и унял наконец возбуждение тем, что даже звезды, мол, не вечны. А потом вдруг услышал из тьмы шорох шагов. Подошел Лосев:

— Вам не повезло. Сейчас получена радиограмма. Душманы рассредоточились в горах. До выяснения замыслов бандитов наша вылазка отсрочена на неопределенное время.

Исчез нервный предгрозовой настрой, но и спать расхотелось. Виктор присел сбоку, тоже закурил, и мы разговорились. Он вспоминал, как на побывке в Кабуле бродил по древнему императорскому парку падишаха Бабура, любовался белокаменной иглой минарета мечети Масджид Пулехеси, осматривал дворцовый мавзолей шаха Амира, восхищался в городском музее храмовой мозаикой мусульманских орнаментов и античными скульптурами эпохи Александра Македонского. А после беседа зашла о гарнизонном житье Виктора, об афганских пограничниках, об их изнурительных горных маршах, о бесконечных перестрелках и схватках с басмачами.

Хотя Лосев был более чем вдвое моложе меня, нашему общению ничуть не мешала возрастная разница: Виктора сделали старше суровый солдатский опыт и приобретенное им неповерхностное знание культуры, общественного уклада, языка, обычаев, верований, быта афганцев. Странная вроде бы штука: проникшись их горестями и заветными чаяниями, русский паренек из Белгорода считал своим кровным делом бескорыстно помогать обороне революции на благо чужого народа. Впрочем, в моем детстве, вслед за отгремевшей в Испании антифашистской войной, жил в те годы на киноэкране прототип лейтенанта Лосева — герой моих сверстников из фильма «Парень из нашего города». А вот Виктор не видел в своих поступках ничего геройского. И я только теперь осознал, что был он подлинный, непоказной советский герой.

Днем позже полковник Халик пристроил меня на попутный вертолет. Прощаясь, обнял. И с Лосевым мы крепко обнялись перед разлукой. Я сказал: «Обязательно увидимся в Москве». А расстались мы навсегда. Через девять дней они контратаковали басмачей и не вернулись оба из боя.

Что с ними стряслось — об этом осведомили меня в генштабе афганской армии. Оказывается, по указке американской разведки головной отряд Хасана Гейлани, проскочив границу, блокировал южнее горное шоссе и тем самым перерубил надземную коммуникацию пограничников Халика с командованием корпуса. Полковник получил по радио директиву очистить от бандитов дорогу. Халик отбыл с основными силами из форта, напал на басмачей и разбил их.

На обратном пути перед мотоколонной пограничников вышли на шоссе трое дряхлых стариков. Они попросили проводить их к бронемашине полковника и изрекли, что душманы, грозя им расстрелом, заставили передать Халику с глазу на глаз устное послание: ему гарантирован в Пакистане обильный долларовый куш, если он сдаст мятежникам форт. Полковник подозвал своих офицеров, советского лейтенанта и при них приказал старикам повторить сказанное. Затем резко отчеканил:

— Возвращайтесь с моим ответом: я воинской честью не торгую.

Однако Халик встревожился, как бы недобитые подгруппы банды Гейлани не обрушились на оставленную в крепости комендантскую роту. Полковник отделил от мотоколонны четыре передовых бронетранспортера, сел с Лосевым в первый и распорядился гнать на предельной скорости к форту.

При въезде в горловину лесистого ущелья ведущий транспортер подорвался на басмаческой мине. И в ту же минуту со склонов ущелья раздались залпы американских противотанковых гранатометов. Вспыхнула машина Халика и Лосева, за ней — вторая. Полковник был смертельно ранен. Теряя сознание, успел поручить Лосеву, единственному возле него офицеру, спешить солдат, отстреливаться, не допустить паники, выстоять до подхода следующих за ними пограничников.

И Лосев, по свидетельству участников той схватки, выполнил в точности предсмертную волю Халика. Виктор скомандовал автоматчикам открыть огонь из-за придорожных валунов, а пулеметчикам поливать свинцом засевших на откосах ущелья вражеских стрелков. Солдаты видели, как лейтенант, перебегая между ними, упал, приподнялся с обагренным кровью плечом и пошел, шатаясь, к горящему бронетранспортеру полковника. Что надеялся Виктор еще совершить? Вытащить из пламени тело мертвого командира? Да, вероятно. Но тут в подбитой машине взорвались боеприпасы, и короткая жизнь комсомольца из Белгорода оборвалась.

В тот же час убийцы Лосева и Халика поспешно отступили из ущелья в горы. Охвостье поредевшей ватаги Гейлани изловчилось увильнуть от преследования пограничников и смылось на пакистанскую территорию. Контрреволюции не удалось ни силой, ни коварством овладеть республиканской твердыней.

...Минуло семь месяцев. Моя московская редакция послала меня в новую заграничную командировку. Зимняя метель куролесила перед моим вылетом из Шереметьева и намела первые ноябрьские сугробы. Лайнер «Аэрофлота», взревев реактивными турбинами, вонзился напористо в пургу, протаранил непроглядное марево, вынырнул из туч и поплыл над ними на юг к Индийскому океану.

Приземлились в субтропическом пакистанском Карачи. После недавнего снегопада ошеломили испепе-

ляющая жара, косматые изумрудные пальмы, уличный сплошной поток рикш, мотоциклистов, разномастных автомобилей, несметных тысяч шоколадных горожан. Переночевав в душной гостинице, я купил авиабилет, сделал пересадку в Лахоре и высадился в столичном Исламабаде, откуда рукой подать до афгано-пакистанской границы. Где-то здесь укрылись убийцы моих друзей. Я осознавал, естественно, что не смогу расквитаться с палачами. Но как хотя бы их разоблачить публично, заклеймить поименно, выявить их потайное пристанище?

Навестив некоторых исламабадских коллег-журналистов и побывав в редакции столичной газеты «Муслим», я навел справки о резидентуре Хасана Гейлани. Однако лишь разузнал походя явочные адреса пары его соперников, претендующих на первенство среди басмаческих атаманов. Один из них — некий Гулбуддин Хекматиар — содержал апартаменты в загородном отеле «Флешман». Другой — Юнис Халес — околачивался по вечерам со своими разбойниками в харчевне с колоритной вывеской «Алибаба». Конкуренты Хасана сколотили религиозно-политическую секту «Хезби ислами», чтобы отмежеваться от сообщества приверженцев Гейлани «Маказ ислами». Но куда запропастилась эта чертова «Маказ ислами», никто из исламабадских дошлых газетчиков почему-то не ведал. Или не желали, быть может, говорить.

Три дня я понапрасну мотался по Исламабаду. Никаких экзотических достопримечательностей там нет. Заштатный городишко стал столицей всего четверть века назад. Обитатели — чиновники, их прислуга да гвардейцы охранных полков президента-генерала. Исламабад расчленен по казарменному образцу на квадратные пронумерованные микрорайоны. Улицы также пронумерованы. Приютивший меня захудалый отельчик претенциозно именовался «Амбасадором». Но заезжие послы туда никогда не наведывались. Зато круглосуточно кишели во всех клетушках резвые тараканы и клопы.

На четвертый день меня вызвал на собеседование шеф правительственного надзора за иностранными корреспондентами Зубаир Али. В его служебном кабинете прием был подчеркнуто прохладным: господин Али вальяжно развалился на диване, а мне указал на колче-

ногий хлипкий стул. Зубаир Али раздраженно процедил:

— Отмечено, что вы проявляете излишний интерес к перешедшим на нашу сторону афганцам.

— Что же в том запретного? — откликнулся я. — Ваш министр иностранных дел заявил, что он не прочь даже пригласить советских корреспондентов прямо на афгано-пакистанскую границу и доказать им вашу вроде бы непричастность к вооруженным набегам басмачей на сопредельное государство. Отправиться туда мне разрешите?

— Ни в коем случае!

— Тогда вполне допустимо обвинить вас в демагогии.

— Категорически советую вам не заниматься афганской темой, — отвечал он. — А коли будете упорствовать, то кончите скверно. Ясно?

Покинув его, я обратил внимание, что за мною неотступно вышагивают трое мужчин. С того дня они повсюду с утра до ночи плелись за моей спиной. Их неизменно возглавлял обрюзглый пожилой агент, переоблачавшийся ежедневно то в пиджак, то в спортивную куртку, то в пакистанскую рубаху навыпуск до колен. Когда я разворачивался и приближался к нему ради развлечения, то он прятался за дерево или угол дома и выглядывал оттуда. У него были сливовидные тоскливые глаза и распухший нос брюквой на коричневой физиономии. Его сходство с грустным усталым верблюдом вызывало жалость.

В ОДИНОЧКУ К БАСМАЧАМ

В книжном ларьке для зарубежных туристов я купил американскую газету «Интернэшнл геральд трибюн» и прочел в ней репортаж живущего в Исламабаде корреспондента Барри Шлехтера, описавшего, как шайка басмачей, похитив на юге Афганистана троих юношей, приволокла их к границе и выставила ему напоказ. Далее бандиты, по выражению Шлехтера, «собирались перерезать пленникам глотки». Омерзительный цинизм американского репортера был очевиден, но я смекнул, что он наверняка тесно связан с вожаками душманов и вхож,

возможно, в штаб «Маказ ислами». Барри Шлехтер числился, как обнаружилось, в адресно-телефонном справочнике Исламабада.

Шлехтер устроился на широкую ногу в особняке за решетчатым частоколом железного забора. На газоне бесновался, завидев меня, и скалил пасть ощетинившийся волкодав. На лай вышел сам хозяин, приятной наружности брюнет лет сорока, бросил мне «хелло» и оттащил пса за ошейник в пристройку к дому. Возвратившись, Шлехтер отпер калитку и блеснул эталонной американской улыбкой от уха до уха:

— Замечательная псина! Незваного посетителя разрывает в клочья.

Мы вошли в гостиную, украшенную камином и развешанными по стенам ятаганами. В угоду хозяину я дипломатично осмотрел коллекцию антикварных тесаков. Одним, видимо, на днях воспользовались: лезвие запачкано бурыми подтеками. Я полюбопытствовал:

— Что это на кинжале?

— Кровь!

— Свежая?

— Не ужасайтесь,— рассмеялся Шлехтер.— Я не кровопийца. Не потрошитель. Кинжал мне подарен. А теперь давайте напрямик: зачем пожаловали?

Зная делячеcкие нравы собратьев Шлехтера по перу, я авансом выставил перед ним на стол принесенный презент — армянский коньяк. Шлехтер смягчился:

— Чем могу быть полезен?

— Нужен адрес штаба «Маказ ислами».

Он отреагировал черным юмором:

— Мои знакомые могут по привычке перерезать вам глотку.

— Так вы сотворите из этого кошмарную сенсацию,— отшутился я.— Верно?

Он промолчал, но моя подначка сработала. Шлехтер полистал свою записную книжку, взял протянутый мною клочок бумаги и вывел на нем: «Азим. Телефон 22-507». И проводил меня к выходу.

Позвонив таинственному Азиму, я убедился, что мое телефонное предложение о встрече отнюдь не удивило говорившего по-английски душмана: он уже был о том предупрежден. Азим пожелал, чтобы я сказал, в какой

гостинице остановился, и назвал номер комнаты. В заключение он предупредил:

— Не вздумайте как-нибудь нас околпачить. Если нам понадобится, то мы впредь сами вас разыщем.

Отныне надлежало ожидать двойной слежки — полицейской и бандитской. История оборачивалась трагикомически.

Истекло два дня прежде, чем ко мне в отель позвонил недоверчивый Азим:

— Находитесь в вашей комнате с четырех до пяти часов пополудни.

Повторно он позвонил в пять:

— Через полчаса я заеду за вами. Вы должны быть один. И без оружия.

Положив телефонную трубку на рычаг, я занервничал: после пяти часов вечера в Исламабаде быстро темнеет. Куда увезут меня басмачи? Что они замышляют? Еще не поздно отказаться от опасной затеи. Но тогда нескоро узнают люди имена убийц моих друзей и местопребывание штаба «Маказ ислами». И я подумал, что погибший геройски Витя Лосев в моем положении, несомненно, не струсил и выполнил бы поставленную задачу до конца. Надо было во что бы то ни стало обуздать, подавить, преодолеть обуявший меня животный страх! Ох, как это, покаюсь, нелегко — в одиночестве поставить на карту собственную жизнь и побороть боязнь, что всего через полчаса тебя могут вкровь отдубасить, пытать, замучить до смерти. Нет, корил я себя, тебе далеко до Виктора, однако не поддавайся приступу малодушия, не будь презренным дезертиром. И ровно в половине шестого я спустился в холл отеля «Амбасадор». Там ко мне подошел рослый усач, представился Азимом, и вдвоем мы вышли из гостиницы.

У подъезда стоял военный джип с обтянутой брезентом кабиной. Азим подвел меня к джипу и быстро ощупал мою одежду. Я не сопротивлялся, но принялся настаивать, что поеду отдельно за его джипом в арендованной мною малолитражке. Басмач недовольно согласился.

Стемнело. Джип рывком отъехал от отеля и закружил стремительно по неосвещенным глухим улочкам, будто отрываясь от погони. Свернул на дорогу по просеке в безмолвной ночной роще. Опять выскочил к го-

родским кварталам. Поплутал снова по переулкам. Остановился у ворот высоченной каменной ограды вокруг помпезной виллы. Тут Азим вышел из джипа и приказал мне идти за ним.

И я в затылок ему зашагал по ведущей от ворот к вилле бетонированной дорожке. Вдоль нее неподвижно стояли шестеро в пепельно-серых бурнусах и барашковых папахах. Каждый сжимал приподнятый на грудь автомат со штыком. Так я вступил в штаб «Маказ ислами» на 35-й улице исламабадского микрорайона номер семь.

Зал на первом этаже виллы был ярко освещен электрическими люстрами. На мягких креслах расположились трое бандюг. Главного среди них я сразу опознал по фотографиям, напечатанным американскими газетами. Он отрепетированно принял вельможную позу. Тужурка военного покроя туго обтягивала его плечистый мускулистый торс. Лицо мясистое, грубое, надменное. Выпуклые белки глаз в кровяных прожилках. Поклонившись ему, Азим объявил мне:

— Это Хасан Гейлани, высший руководитель боевых операций «Маказ ислами».

Слева от атамана сидел рыжий упитанный человечек с хитровато-хищной мордочкой лисицы. Он назвался Хамадом Гейлани, сподвижником и родственником Хасана. Третий басмач по имени Саед Махмуд Рахим, рябой и насупленный истукан с лоснящейся гривой немытой шевелюры, состоял в ранге начальника отделения пропаганды «Маказ ислами». Записав все это в моем блокноте, я задал первый вопрос:

— Какие у вас взаимоотношения с вашингтонскими властями?

— Наилучшие, — подал голос Хамид Гейлани. — Нас периодически приглашают в Вашингтон и принимают по-королевски.

— Несмотря на королевские амбиции нью-йоркского Хасана Первого?

— Я повидался с ним в Нью-Йорке, — известил Хамад. — И посоветовал ему заткнуться. Американцы мне не препятствовали. С ним покончено. Все наши военные действия против кабульских безбожников безоговорочно вверены моему достопочтенному двоюродному брату Хасану Гейлани. Во славу всемогущего аллаха!

— Не вы ли,— спросил я Хасана,— пытались дважды на границе захватить афганскую крепость?

— Да, я,— ответил Хасан.— А что?

— Там погибло, говорят, много пуштунов. И пограничники понесли потери. Зачем вы это сделали?

— Форт считается кабульскими властями важным звеном обороны их границы,— произнес Хасан.— Вот мы и старались вырубить это звено.

Значит, это по его преступной воле, как я окончательно убедился, «вырубили» сотни мирных афганцев. Значит, это он виновен в уничтожении моих товарищей. У меня же, репортера, против него единственное оружие — только вопросы:

— Почему вы, пленив тех, кого скопом называете коммунистами, всегда их пытаете и казните?

— Неправильно,— отмахнулся Хасан.— Наша политика такова: держать под стражей афганских коммунистов-пленников до тех пор, пока мы не добьемся своего. А тогда решим, как поступить с ними.

— Сколько же захваченных коммунистов еще живы у вас под стражей?

Пауза. Басмач переглянулся с напарниками. Буркнул:

— Ни одного.

Хамад Гейлани насмешливо дополнил:

— Один все же жив и беседует с нами.

Подтекст ответа вынудил меня перейти к иным расспросам:

— Какого сорта иностранцы участвуют в ваших военных акциях?

— Как раз это,— вмешался Рахим,— вам знать не полагается.

— Но вы по крайней мере не станете опровергать, что получаете американское оружие, например, зенитные мини-ракеты «красный глаз»?

— Эх,— хмыкнул Хасан,— американской ракетой мы можем подбить вертолет, но этого нам мало, и лишь потому вы сейчас здесь у нас сидите.

Он как бы на что-то особое намекнул, а я тщетно пытался догадаться: куда он клонит? Неожиданно Хасан Гейлани принялся ругать конкурирующую с «Маказ ислами» секту душманов «Хезби ислами». Ее приспешников он обозвал «экстремистами» и «фанатика-

ми». Он исподволь внушал мне: его шайка как бы «хорошая», а прочие басмачи, видите ли, «плохие». И в завершение снова намекающе заговорил о «необходимости будущего политического решения афганской проблемы». Вот когда меня, наконец, осенило!

Вожак душегубов, проливших море людской крови, не верит больше в их военный успех с помощью американского оружия. Вурдалак прикидывается ягненком, играет со мною в кошки-мышки и вместо расправы с коммунистом первый раз заискивающе виляет перед ним хвостом в надежде, что в будущем Хасана как-либо приняли бы в расчет при «политическом решении афганской проблемы». Вот куда он клонит! Да не учел, однако, что афганский народ навечно проклял таких продавшихся за доллары отщепенцев и убийц, как Хасан Гейлани.

Выбравшись, к счастью, без увечий из резиденции Хасана, я мог теперь гласно засвидетельствовать как очевидец, что контрреволюция агонизирует сегодня не только на афганской земле, но и в пакистанских берлогах басмачества. Его предводители еще злодействуют, но уже напуганно учуяли, что они—банкроты и политические мертвецы.

БЕЛГОРОДСКИЙ ЭПИЛОГ

Железнодорожный экспресс «Белгород» сбавил скорость, заскрежетал тормозами и приткнулся к перрону. За ним белела шеренга стандартных пятиэтажек, а посреди привокзальной площади стояла на монументальном постаменте богатырская фигура генерала в шинели нараспашку. Генерал Апанасенко прославился тем, что освободил белгородцев от фашистского ига. И погиб здесь в последнем уличном бою 5 августа 1943 года, когда уже полыхал над Москвой праздничный фейерверк первого победного салюта минувшей Отечественной войны.

Белгород обилен ратными памятниками. А на местах новостроек поныне находят при рытье котлованов ржавые снаряды, мины и даже свинцовые пушечные ядра, копья, наконечники стрел. Еще десять веков назад на славянской речке Северский Донец воеводы Переяславского княжества соорудили из дубовых стволов и

мелового известняка острожный кремль — Белгородское городище. Три столетия спустя московский государь Федор Иванович повелел воздвигнуть тут заново крепостной форпост против золотоордынцев. Впоследствии белгородцы защищали Русь от крымских и ногайских ханов, от польской шляхты, от легионов шведского короля Карла XII. Они сражались с войсками Наполеона и германского кайзера Вильгельма II. Завоеватели разрушали, сжигали, вытаптывали героический город, но всем смертям наперекор он воскресал из тлена. После гитлеровского нашествия снова остались лишь руины и пепелища. Поэтому Белгород теперь небогат старинными зданиями. Их заменили современные многоэтажные дома.

В таком доме на проспекте Победы, где в старину была стрелецкая слобода, живут мать и отец Вити Лосева. Для них он по сей день не умер: на стенах квартиры — его фотографии, поверху серванта — бордовый футляр с его посмертным орденом Красной Звезды, в платяном шкафу — его воинский мундир, на книжной полке — его словари языка дари и стопка тетрадок. Екатерина Григорьевна хлебосольно пригласила меня к столу, а Семен Иванович налил нам по чарке в поминовение сына. Разговоры наши затянулись до поздней ночи. Екатерина Григорьевна говорила о Вите уже без слез, так как все их, видно, выплакала. Свое безутешное горе она переносила ныне с извечной женской стойкостью русских матерей.

Когда Лосевы, наговорившись со мною о наболевшем, ушли в спальню, я остался в столовой полистать наедине книжки и тетради Виктора. С их помощью мне хотелось прикоснуться к его духовному миру.

Виктор, прожив всего-навсего 22 года, оставил совсем немного осязаемых свидетельств его идеалов и пристрастий. Он зачитывался Чеховым, Толстым, Достоевским. У него были наивные сочинительские грезы. «Достоевский, — вывел он в тетради, — окончил военно-инженерное училище». Очарованный Есениным, он переписал четверостишье:

О, Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости, до боли
Твою озерную тоску.

Среди его афгано-русских словарей сохранился томик биографии Ленина на языке дари. Карманного формата книжица затрепана столь сильно, словно она прошла через руки сотен читателей. Так, вероятно, и было. Ее многократно давал, наверное, Виктор афганским друзьям-пограничникам. В книгу вложен листок с Витиной записью ленинского завета: «Учиться, учиться и учиться».

В его тетрадке есть строфы Мусы Джалиля:

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенок, хоть продай в рабы.
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!

Ниже Виктор писал: «Главное — не надо ничего бояться. Идти на подвиг не ради славы. Необязательно, чтобы после смерти человека прогремела о нем слава. Главное — внести крупицу своего труда в общее дело».

Еще он записывал свои как бы пробные мальчишеские стихи о боях на границе, о себе, о любви. У него была дома любимая девушка. Однако это — сугубо интимное. К тому же Виктор стеснялся декламировать свои стихи, и я не вправе их цитировать.

Какой-нибудь скептик, предвижу, пожмет плечами: кто не кропал в юности стишков? Кто на своей заре не черпал высокие помыслы из мудрых книг наших классиков? Кто сызмальства не мечтал о подвигах? Что ж, отвечу: а всем ли удалось доказать жизнью и смертью безоговорочную преданность благородным принципам, усвоенным с комсомольских лет? Я никого не хочу обижать из тех моих знакомых, кто честен, отзывчив к товарищам, трудолюбив. Но нам с ними не выпало пройти тот наивысший испытательный экзамен, который под пулями выдержал лейтенант Лосев. А воспитали его духовно хорошие книги, комсомол, путевые предначертания Ленина.

И все же, признаться, я, проштудировав книги и записки Виктора, не сумел так всесторонне разобраться в его характере, как это оказалось доступно покойному полковнику Халику. Почему полковник в критический момент столкновения с басмачами положился именно на Лосева? Ведь тот был лишь военным переводчиком. Но Халик, вне сомнения, твердо верил, что юнец лейтенант ни при каких обстоятельствах не подведет. Что же

неведомое мне знал афганский полковник о младшем советском друге?

Поутру я направился в белгородскую школу-десятилетку, где учился Витя. Пришел туда во время перемены, когда во двор высыпала галдящая озорная ребятня. В учительской директор школы свел меня с преподавательницей русского языка в начальных классах Клавдией Сергеевной Пустовойтовой. Она знала Витю с первого класса.

— Он был прилежный мальчуган, хотя ничем незаурядным не выделялся. В таком возрасте мальчишки частенько дерутся, но он никогда не затевал потасовок, хотя был физически крепок. Встревал в драку только тогда, когда видел, что сильный напал на слабого. Давал сдачи задире, разнимал поссорившихся. Бузотеры его остерегались. Ему были присущи справедливость и врожденная доброта.

Преподавательница математики Луиза Петровна Плюснина вспоминала:

— В девятом классе Витина однокашница Ира Макеева повредила позвоночник и слегла в постель на два года. Учителя занимались с нею на дому. Хотя она жила вдалеке от школы, Виктор постоянно навещал Иру, помогал готовиться к урокам, поддерживал морально. Уговорил одноклассников последовать его примеру. Благодаря Виктору девочка воспрянула духом, окончила десятилетку на отлично, поступила в пединститут. Каким был Виктор чутким и добросердечным — об этом может рассказать наш учитель немецкого языка Игорь Владимирович Пучков. Виктор учил английский, но с Пучковым был очень близок.

Пучков преподавал во вторую смену. Поджидая его, я увидел из окна учительской, как повязанная пуховым платком женщина вкатила на школьный двор передвижное кресло с инвалидом. В учительскую Пучков въехал самостоятельно, вращая руками колеса каталки. У него парализованы ноги. Он сухощавый, хрупкий, бледный. На изможденном лице — поразительно жизнерадостные умные глаза. Телесную немощь он возместил, очевидно, утроенной энергией интеллекта. О Викторе говорил Пучков как о родном человеке, судорожно курил сигарету за сигаретой, роняя спички и окурки на железную подножку своего кресла.

— Виктора считали в школе не слишком одаренным учеником,— сказал Пучков.— Но заблуждались! Этот парень обладал самым драгоценным дарованием — душевной щедростью и теплотой. На школьных переменах он, десятиклассник, не распихивал в коридоре, как его сверстники, колготящихся малышей, не раздавал им подзатыльников и щелчков, а бережно обходил бочком мелюзгу. Я его ни о чем не просил, но он всегда отвозил меня из дома в школу и обратно. Ребята его уважали. Избрали в десятом классе комсоргом. Знали: если кому придется плохо, то Виктор непременно посочувствует и подсобит. Когда он ушел в армию, мы с ним переписывались, а перед его отъездом в Афганистан он провел неделю в Белгороде и пришел ко мне прощаться. Виктор был воодушевлен тем, что ему доверили участвовать в помощи защитникам афганской революции. Вызволять попавших в беду — это было ему по душе. И ради этого он был способен на сознательное самопожертвование.

Слушая Пучкова, я понял, что полковник Халик, будь он жив, высказал бы о Викторе примерно то же самое.

В учительскую зашли повидаться со мною две девятиклассницы из комсомольского комитета школы — Вита Иванова и Лена Суворова. Они внесли фанерный стенд наилучшего по классной успеваемости 5-го А. Его пионерскому отряду присвоено имя Виктора Лосева. На стенде — фотография Вити и выдержка из коллективного обещания пятиклассников: «Мы, пионеры отряда имени Лосева, даем слово держать равнение на Виктора, сверять нашу жизнь с его жизнью и подвигом, укреплять пионерские традиции отряда». Веснушчатая Лена сдвинула белобрысенькие брови, гордо доложила:

— У нас учебный год начинается теперь пионерской и комсомольской линейкой с выносом школьного знамени и портрета Вити Лосева. Мы поклялись хранить память о нем и стараться быть такими, как он.

Портрет Виктора вывешен в фойе школы. Виктор похоронен белгородцами с военными почестями. А с далекой афганской границы меня уведомили из штаба погранкорпуса, что там намерены соорудить обелиск и на нем увековечить имена павших героев. Одно будет российским — Виктор Семенович Лосев.

ГЛАВА IV

ЖИЗНЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Мой давний знакомый москвич, с которым мы встретились после долгой разлуки, успел за прошедшие годы обзавестись полдюжиной вставных зубов и обильной сединою, но не утратил, однако, присущего ему едкого сарказма. После приветственных объятий он иронически спросил:

— Ну, расскажи-ка, как они там, в Америке, здо̀рово разлагаются?

И Костя хитрецки ухмыльнулся. Что означало примерно следующее: мол, не бывал я в Нью-Йорке, но зато про тамошнее житье изрядно наслышался по радио.

И впрямь, некоторые зарубежные радиостанции, вроде «Голоса Америки», заметно усилили свои рекламные передачи о райской вроде бы жизни на капиталистическом Западе. Все тот же заокеанский радиоголос уже многократно применял такую тактику вещания: сперва под сурдинку восхваляют вашингтонские прокламации и поносят советскую политику относительно проблем прав человека, а затем на закуску распинаются о безбедном якобы существовании простого люда в США. Там любая будто бы рабочая семья тратит лишь 300 долларов ежемесячно на всяческие деликатесы, беззаботно меняет модные туалеты по цене 120 долларов за костюм и притом обитает в столь шикарных апартаментах, какие в СССР, если верить «Голосу Америки», никогда не доступны даже маститым профессорам и высокооплачиваемым докторам наук.

Все это, вместе взятое, как я воочию убедился, является несусветным враньем. Но о том, увы, не всегда

вдомек моему знакомому Косте. Получилось так в какой-то мере, наверное, и по моей вине, ибо я, будучи корреспондентом в Америке, к сожалению, предпочитал, подобно моим коллегам, писать преимущественно о текущих и наиболее бурных политических событиях в ущерб менее драматическому отображению будничной жизни рядовых американцев. А чужеземные радиоголоса жульнически манипулируют долларовой и рублевой цифирью цен и зарплат, беспардонно замалчивают невыгодные им статистические сведения о стоимости жизни за океаном и в целом настырно пытаются доказать, что у них, дескать, обеспечены трудящимся и материальное изобилие, и всевозможные права, и гарантированное таким образом счастье.

Между тем не только Костя, но и многие знакомые мне рядовые американцы, разговорившись по душам с приезжим из иного социально-политического мира, довольно быстро начинают расспрашивать обычно о самом практически насущном: что в заморских краях почем, да чем и в каких аспектах дешевле или дороже, лучше либо хуже по сравнению с их бытовыми условиями? Такие прозаически земные вопросы вполне естественны, интернациональны, и игнорировать их никак невозможно. Тем более что по данной части антисоветская пропаганда преуспела настолько, что в Америке мои собеседники, например, просто не верили, когда я им говорил, что месячная плата за мою московскую двухкомнатную квартиру в современном хорошем доме составляет десять рублей. Это казалось им абсолютно невероятным, сказочно фантастическим.

Ведь аренда аналогичной нью-йоркской квартиры на Манхэттене составляет сегодня по меньшей мере 1500 долларов. И сей факт чрезвычайно важен для американского горожанина, так как у среднестатистического квартиросъемщика стоимость жилья поглощает около 40 процентов его заработка. Об этом, кстати сказать, «Голос Америки» старается подробно не распространяться, избегая заодно упоминать и размеры прочих астрономических расходов, съедавших зарплаты моих нью-йоркских соседей: ежемесячная плата за место автомобиля в гараже — 270 долларов, стоимость одной заправки бензобака — 25 долларов, обязательная годовая страховка машины — от 800 до 1 400 долла-

ров, плата за электроэнергию — 50 долларов в месяц, ежедневная плата в случае болезни за больничную койку — 120 долларов, плюс элементарные медицинские анализы — 500 долларов, а само лечение — еще сотни и сотни долларов...

ВИД НА МАНХЭТТЕН С ЦВЕТНОГО БУЛЬВАРА

— Ну, ладно, — прервал Костя мои нью-йоркские воспоминания. — Выходит, значит, что при сопоставлении заработков трудового люда у нас и в Штатах следует вначале сравнить траты на жилье и транспорт. Но коли у них приличные городские квартиры так дорогостоящи, то они, вероятно, значительно лучше наших московских?

Пришлось поведать, как в Нью-Йорке я снимал попеременно три квартиры и побывал гостем в десятках других, стандартно схожих. Внутри они отличаются от московских, пожалуй, тем, что американцы, как правило, покрывают квартирные стены вместо обоев светлой водоэмульсионной краской. Кроме того, ради экономии так называемой «жилой площади» почти во всех квартирах нет прихожих, и посему входная дверь открывается с лестничного коридора прямо в главную комнату, лишая ее тем самым привычного нам, европейцам, домашнего уюта. Ради той же экономии уже лет двадцать не сооружают в городских квартирах отдельных кухонь, а устанавливают газовые плиты, духовки и мойки посуды за тонкой ширменной перегородкой в основной комнате, пропахшей поэтому теми обеденными блюдами, которые готовились тут сегодня.

И еще одна местная особенность: большинство многоэтажных домов, населенных состоятельными жильцами, имеет на все огромное здание лишь один подъезд, охраняемый плечистым, здоровенным привратником. На такую должность женщин нигде не берут. Дежурящих круглосуточно привратников нанимают отнюдь не для помпы, а с целью отражения уличных вторжений грабителей, наркоманов и бездомных бродяг, рыскающих повсюду каждый вечер в отчаянных поисках какого-нибудь укрытия от ночного холода, ветра, дождя.

Что же касается тысяч ньюйоркцев, работающих на Манхэттене, но живущих в его колоссальных одноэтажных пригородах, то там владельцам отдельных домиков, конечно, привольнее дышится и радуют глаз зеленые газоны перед семейными аккуратными коттеджами. Но и на подступах к Манхэттену стоимость жилья, слагаемая из разорительно вздутого налога на крохотную земельную недвижимость, из ростовщических выплат по закладным, из астрономически высоких денежных поборов за отопление, пожирает вкупе опять примерно 40 процентов жалованья рабочего и мелкого служащего.

Оттого-то только толстосумы имеют загородные дома и манхэттенские квартиры. Как же здесь не привести совершенно неизвестный американцам факт: 12 миллионов советских граждан, преимущественно рабочих, живут в городских квартирах и одновременно владеют летними коттеджами с садовыми участками общей площадью в 240 тысяч гектаров, за что хозяин всей этой земли — наше государство — не взымает ни с кого ни единой копейки.

— Между прочим, по части жилищных дел совершенно невероятная для американцев история случилась однажды с тобою, дружище Костя, — напомнил я ему. — Ты тогда жил рядом с редакцией «Литературной газеты»...

А произошло следующее: лет десять назад Костя на некоторое время пристрастился к бутылке, на это у него уходили подчистую заработанные деньги, и он даже перестал расплачиваться за две занимаемые им комнаты в жилом доме на Цветном бульваре. Продолжалось так полтора года. Домоуправление не раз просило Костю возобновить весьма необременительные платежи и погасить свою задолженность, но по-прежнему он ничего не платил, пока не кончилось тем, что администрация его дома договорилась с бухгалтерией по месту службы Кости получать оттуда причитающиеся несколько рублей из жалованья беспечного квартиросъемщика. Примечательно, что в ту пору никаких крупных неприятностей у него не было ни со служебным начальством, ни с домоуправлением. А потом дом Кости по плану столичной реконструкции снесли, и Костя без каких-либо хлопот получил от Московского горисполкома ордер на

въезд в новую прекрасную квартиру близ ВДНХ. Но живи он в Нью-Йорке, там в первый же месяц прекращения им квартплаты его без всяких уговоров немедленно вышвырнули бы на мостовую.

Безжалостное выселение везде грозит американскому квартиронанимателю даже за трехнедельную отсрочку платы за жилье. Такую опасность в Нью-Йорке я сам испытывал иногда из-за опоздания денежных переводов от моей московской редакции. Трижды жестко предупреждали меня владельцы здания, где размещался корпункт «Литературной газеты», что если я не буду точно накануне очередного месяца вносить им арендную плату, то они выгонят меня вон и выбросят из их дома все принадлежащие корпункту вещи: мебель, техническое оборудование. А когда я нервно сообщал о том по телефону нашей московской бухгалтерии и умолял загодя посылать валютные переводы, то в ответ нередко слышал:

— Слишком уж вы паникуете. Неужто из-за сущей ерунды выбросят корпункт на улицу?

Подобная расправа, как я осознавал, казалась на Родине моим коллегам немыслимым произволом. Мы ведь с детских пеленок глубоко впитали гуманистические принципы человеческого общества, чей конституционный свод законов включает неотъемлемое право на кров над головой. С этим правом мы привычно сжились столь издавна и так психологически прочно, что уже нелегко нам представить, как в далеком от нас цивилизованном благополучном государстве, кичащемся на весь свет своими демократическими свободами, хладнокровно и рутинно лишают очага множество семейств с малыми детьми, одиноких стариков, беспомощных инвалидов. Насмотревшись обильно в Нью-Йорке на это трагическое бесправие, полагаю своевременным поделиться своими наблюдениями.

ОБЫКНОВЕННАЯ ТРАГЕДИЯ НА АВЕНЮ БАРКЛАЙ

Знакомая американка из нью-йоркского филантропического общества предложила мне посетить вместе с нею одну из ее подопечных по имени Мэри Филэн. Чтобы

с нею повидаться, мы отправились из Манхэттена через Ист-Ривер в полуокраинный район Флашинг и там среди кварталов небольших домишек отыскали больницу под названием Парсонс. Внутри нас провели к лежавшей неподвижно на госпитальной койке седой хрупкой старушке с несуразно массивными очками на морщинистом костлявом личике. Левая половина ее высохшего старческого тела была парализована инсультом уже свыше года. Но говорить она все же могла. И рассказала, что ей 74 года и что она бывшая телефонистка, а ныне одинокая вдова-пенсионерка, прожила последние 30 лет неподалеку отсюда, на авеню Барклай, в причердачной квартирке, за которую выплачивала ежемесячно половину своей пенсии. Однако сейчас, по словам Мэри Филэн, единственное ее краткосрочное пристанище — больничная койка, а что будет дальше, неизвестно. Вот как это с ней стряслось.

— Был ненастный дождливый день, — говорила несчастная калека, — и я лежала дома в постели, когда прозвучал неожиданно дверной звонок. Мне очень тяжело подниматься, и потому я не хотела вставать, но звонок упорно не смолкал. Трезвонили снова и снова. Затем стали так сильно колотить в мою дверь, будто решили ее выломать. Я подумала: вдруг пожар? Проковыляла к двери, чуть приоткрыла, снаружи ее мгновенно рывком распахнули и оттолкнули меня прочь. В комнату ворвались трое грубых мужланов. Они гаркнули: «Будем тебя выселять!» Я заплакала, просила их сжалиться надо мною, но они, не обращая внимания, принялись бросать мои пожитки в принесенные ими картонные коробки. Туда полетели подушки, простыни, тарелки, фотографии покойного мужа, салфетки, моя одежда, обувь, даже пузырьки с лекарствами. Пришельцы перебрались на кухню и сорвали с окна ветхие занавески, порвав их, смяв и швырнув тоже в коробки. Кроме того, вынесли из моего жилья постель, диван, стулья, телевизор. Посреди опустевшей комнаты я легла плашмя на уцелевший грязный половик, и на нем меня поволокли к двери. Да тут, слава богу, прибежали взбудораженные шумом мои соседи и не позволили выкинуть меня из дому под проливной дождь. Через час отвезли меня сердобольные люди в больницу, но куда мне деваться далее — никто толком не знает.

— За что же, — спрашиваю, — вас выселили?

— Домохозяева утверждают, что две недели назад я недоплатила им десять долларов и двадцать центов...

Наведя справки, я выяснил, что владеет бывшим домом Мэри Филэн под номером 143—16 на авеню Барклай крупная нью-йоркская фирма «Трамп органнзейшн», которой принадлежат еще 15 тысяч городских квартир, десяток весьма доходных отелей и манхэттенских конторских зданий. Глава фирмы — Дональд Трамп — мультимиллионер, личный друг губернатора штата Нью-Йорк, играл закулисно на редкость влиятельную роль в здешних верхах демократической партии и посему ничуть не опасался ни возмущения общественности, ни огласки в прессе его алчности и жестокости. Что же до американской законности, то она целиком на стороне мистера Трампа, так как зеленоватая бумажка достоинством в десять долларов или даже того меньше тут повсюду и всегда перевешивает на весах Фемиды человеческие невзгоды несостоятельных должников. Как метко высказалась знаменитая во всем мире и широко известная в США итальянская журналистка Ориана Фаллачи, «самое страшное преступление в Америке — это не иметь денег».

Помню вторую заурядную трагедию примерно в том же районе, где ютилась Мэри Филэн: чернорабочий Эдвард Грейсон, его жена-домохозяйка и трое детишек подлежали выселению из их жилья, ибо отец семейства по причине хронического безденежья пару раз внес квартплату не накануне очередного месяца, а в его начале или в середине.

Мою соседку на Манхэттене миссис Барбару Нейсон выселили из ее однокомнатной квартиры за недоплату по ошибке всего лишь одного доллара.

В пяти минутах ходьбы от корпункта «Литературной газеты» владелец дома номер 410 на 78-й улице приказал прослужившей там четверть века уборщице выметываться из ее полуподвальной каморки, потому что эта престарелая женщина, Изабелла Куртц, как выразился ее босс, «растеряла с возрастом трудоспособность».

Пожилую негритянскую чету — Федо и Хэтти Кенон — выселили из их пригородного домишки и прода-

ли его с аукциона за недоплату стариками трех долларов и пяти центов в счет налога на недвижимость.

Сей прискорбный перечень я мог бы, листая записную книжку, еще долго продолжать.

Но вернемся к злоключениям бездомной Мэри Филэн. Выйдя из больничной палаты, я заинтересовался: кто конкретно бесчинствовал в ее бывшей квартире и куда дел позже ее бедняцкий скарб? Прежние соседи Мэри Филэн объяснили, что выселяла ее тройка специальных полицейских «маршалов» и они же отвезли ее вещи в пригород Вудсайд на склад управления муниципалитета по уборке мусора. О судьбе имущества обездоленной старушки осведомлен, как говорили соседи, некий городской чиновник Мики Ридлон. А он потом преспокойно сообщил по телефону с удивительной откровенностью:

— Вещи миссис Филэн при перевозке на склад были так сильно повреждены, что ехать туда для их осмотра, по-моему, просто бессмысленно.

— Что же повреждено и каким образом?

— Вся мебель поломана,— засвидетельствовал Ридлон.— Посуда разбита. Одежда порвана, да так, что ремонтировать бесполезно. От стаканов и тарелок остались одни осколки. А то, что осталось от одежды, кишит тараканами. Серебряные подсвечники бесследно исчезли. И кто-то присвоил доставшиеся ей от умершего мужа старинные часы.

— Где же искать виновных?

— Спрашивайте об этом не меня, а муниципальных маршалов.

Но выспрашивать о том нью-йоркских маршалов было бы столь же наивно и безрезультатно, как добиваться публичного покаяния от закоренелых гангстеров местной мафии. Таково в Нью-Йорке всеобщее мнение. И утвердилось оно на веском основании трехсотлетнего горького опыта: еще в 1665 году тогдашние голландские власти колониального поселения на юге Манхэттена наняли первую команду отборных головорезов для насильственной конфискации имущества обанкротившихся должников и изгнания их из арендованных строений. Вышибалам и экспроприаторам не платили никакого жалованья, а взамен вознаграждали их сдельно частью захваченных ими трофеев в домах обреченных на высе-

ление жертв. Та же самая система сохранилась по сей день, и потому сегодняшние 70 маршалов Нью-Йорка — традиционно отборные мародеры, бессовестные хапуги, взяточники, члены официально санкционированной мафии с нагрудными латунными бляхами, увенчанными городским гербом под изображением распростершего крылья хищного стервятника.

С раннего утра до ночи маршалы, разбившись на тройки, выселяют по всему Нью-Йорку должников, развозят чужую мебель и прочее барахлишко по шести отведенным им пакгаузам и спустя пять суток все конфискованное спекулятивно распродают с аукциона. Вместо денежных окладов они получают пять процентов с ими проданного. Плюс за каждую выселенную семью домовладелец премирует маршала гонораром от 25 до 50 долларов.

Походя маршалы разворовывают ценные вещи выселенных горожан — фотоаппараты, антикварные предметы, ювелирные украшения, а грошовое домашнее имущество нарочно ломают и крошат, дабы себя не утруждать его аукционным сбытом. Кары за это они ничуть не опасаются: все маршалы испокон века назначаются по персональному выбору городского мэра, который расплачивается таким манером со своими наиболее преданными и долголетними приспешниками из числа телохранителей, персональных шоферов и прочей челяди. Ежегодный доход маршала составляет в среднем более 100 тысяч долларов. И чем ретивее, злее и подлее маршал, тем выше у него барыши, достигающие у некоторых трехсот тысяч в год.

— Наша система маршалов, — заявил с гордостью советник нью-йоркского муниципалитета Мелвин Миллер, — является старейшим образцом американских устоев свободного предпринимательства.

Эпитет «свободное» в данном контексте намеренно неслучаен: именно так трактуется у них свобода и права человека.

ЛЕНДЛОРДЫ ИГРАЮТ В ДОМИНО

...Грузный седой мужчина сидел в приемной корпункта «Литературной газеты» на Мэдисон-авеню и беззвучно плакал. Стыдливо и неуклюже он утирал слезы

с нездорово пепельных одутловатых щек. Возле него взволнованно суетилась моя жена с таблетками брома и чашкой чая. Но Израиль Семенович Таичер, бывший москвич, а ныне безродный обитатель нью-йоркской ночлежки, никак не мог остановить старческие слезы крайнего отчаяния и жалкую дрожь своих склеротических рук. В такое состояние он впал внезапно, когда я, выслушав этого посетителя, сказал напрямик, что ничем не могу ему помочь.

Эмигрировавший сюда в погоне за беззаботной красивой жизнью, человек без родины, без паспорта и без денег умолял униженно о двойной помощи: неотложной — спасти его от угрозы выселения из ночлежки, долгосрочной — выхлопотать ему прощение отвергнутой им Отчизны ради скорейшего возвращения в Москву к покинутой супруге, которая отказалась, несмотря на любовь к нему, променять свой дом, страну и народ на рекламную «Америкэн дрим» — призрачную «американскую мечту» из зазывных радиопередач «Голоса Америки».

В Нью-Йорке та радиомечта обернулась для бедолаги Таичера безработицей, нищетой и тесной клетушкой за счет прижимистых сионистских меценатов в ночлежном заведении «Вислоу» на углу 55-й стрит и Мэдисон-авеню. В том же клоповнике приютились еще 15 незадачливых искателей заокеанского счастья. Оно преподнесло им новый сюрприз: хозяин ночлежки Куртис Катц решил ее модернизировать и превратить в прибыльный отель, а нынешних невыгодных ему постояльцев прогнать. Они в ответ попробовали протестовать, и тогда вымуштрованные Катцем служители ночлежки и сам он собственноручно принялись кулаками изгонять упрямцев: били нещадно их поодиночке на лестницах и в подъезде, срывали с них шапки, тащили за шиворот на улицу. Катц без тени смущения вслух объявил:

— Эти заморские выходцы досаждают мне хуже тараканов и клопов. Они подрывают мой бизнес! Пора им смекнуть, что при капитализме задаром ничего не получишь.

Куртис Катц — вовсе не уникальный наглый стяжатель, а наитипичнейший нью-йоркский домовладелец. Теперешняя катастрофическая инфляция в Соединен-

ных Штатах вызвала баснословное вздорожание жилья и стоимости гостиничных номеров, чем торопятся воспользоваться домохозяева для максимально стремительного обогащения. Его, однако, частично сдерживает муниципально-административный надзор, согласно которому при заключении стандартного договора на аренду городской квартиры разрешается потребовать с жильца через год оплату на 11 процентов выше предыдущей, через два года — на 14 процентов больше, через три года — на 17 процентов. А если ту же квартиру сдают кому-то заново, то владелец обретает возможность произвольно завысить арендную плату.

В итоге домохозяева, именуемые в Нью-Йорке по старинке лендлордами, спровоцировали по всему городу эпидемию выселений, число которых достигло рекордно беспрецедентной цифры — 20 тысяч в год. Горожан с ограниченными доходами вытесняют из благоустроенных кварталов любыми способами и под любыми вздорными предлогами. Так, один из величайших городов мира, сокращая постоянно свое население, увеличивает одновременно и без того обширные районы трущоб.

«Выселение жильцов стало постепенно неотъемлемым фактором жизни многих среднезажиточных нью-йоркцев, — констатирует поневоле консервативная газета «Нью-Йорк дейли ньюс». — Даже супербогатеи переезжают в апартаменты ординарных богачей. А те арендуют квартиры высших слоев среднего класса. Его же представители опускаются до бывших обиталищ низкооплачиваемых квартиросъемщиков. Повсеместно действует принцип падающего домино».

Домино лендлордов особенно болезненно падает на неугодных им жильцов в зимнюю студеную пору. Неподалеку от корпункта «Литературной газеты» на 97-й стрит владелец пятиэтажного дома под номером 129 решил единым махом выкинуть оттуда всех бедных квартирантов и отключил у них среди зимы теплую воду и электричество. Замерзавшие жильцы тем не менее ему не поддались, и он вслед за тем, навербовав банду уголовников, вломился с ними в здание, приказал выломать двери и сорвать крышу. Перепуганные сперва обитатели перешли впоследствии к самообороне, восстановили двери и починили крышу, так как другого жилья на свои скудные средства не надеялись нигде найти, а

защиты и сочувствия ждать было неоткуда. В заключение их лендлорд Гельмут Стейнер пригрозил, что добьется своего так же, как он доконал строптивцев в соседнем принадлежащем ему доме номер 128: там он всех бедняков выкурил, подстроив целую серию поджогов.

— Мы живем отныне в беспрестанном страхе,— жаловалась квартирантка дома № 129 престарелая Эин Брет.— Лендлордам наплевать на законы и наши гражданские права.

Памятно суровой зимой 1979 года, когда в Москве свирепствовал жуткий мороз, я читал об этом в нью-йоркских газетах, писавших также, как на Манхэттене лендлорд-миллионер Лоуренс Мейнуолд применил пытку холодом к изгоняемым им жильцам восьмиэтажного многоквартирного дома, выключив не только теплую воду, электричество, но и газ, холодную воду, а заодно лифт. В те же дни у нью-йоркского безработного Томаса Фелиси, лишенного отопления квартиры в отместку за его долги, замерзла дома насмерть семимесячная дочурка. И в те же самые дни хорошо знакомый мне нью-йоркский журналист Филип Боноски сообщал из Москвы:

«Здесь очень холодно. Температура опускается иногда до 45 градусов ниже нуля. Прохожие предостерегают друг друга: «Берегитесь, у вас побелел нос». Центральное городское отопление в целом выдерживает стужу, хотя кое-где трубы лопаются и экстренно ремонтируются. Но главное то, что на улицах нет замерзших, бездомных нищих. Никому не отключают газ и электричество. И никого не выселяют».

Сенсация? Да, сенсация для американцев.

ИЗНАНКА ДЕМАГОГИИ

Той же зимою, наведываясь иногда в Колумбийский университет, я проходил мимо солидного кирпичного здания с выбитыми и кое-где залатанными оконными стеклами. В том доме номер 600 на 113-й стрит лендлорд тоже терроризировал и выселял бедноту, чтобы после обновления квартир сдать их втрое дороже. Там отключили, как заведено, воду и отопление, а спартан-

ски стойких упрямцев избивали периодически платные наймиты домохозяина. Один из них для пущего устрашения жильцов появлялся в открытую с автоматическим кольтом 38-го калибра. Стереотипная ситуация имела, впрочем, любопытную особенность: дом купил и предал анафеме нежелательных постояльцев Колумбийский университет—эпицентр американской науки, просвещения, юриспруденции и философского гуманизма.

— Да, мы хотим заставить этих субъектов убраться прочь,— сказал без обиняков о париях со 113-й улицы президент Колумбийского университета Уильям Макгилл.

А всякое слово мистера Макгилла обладало в Нью-Йорке большим весом не только по причине восхищения его научной карьерой и импозантной внешностью холеного аристократа. Учитывалось прежде всего то, что благодаря деловой инициативности Макгилла правление университета стало едва ли не крупнейшим домовладельцем города. Колумбийский университет за время президентства Макгилла скупил десятки домов в колоссальном периметре Бродвея, Амстердам-авеню и от 113-й до 123-й улиц. Из тамошних домов были под руководством Макгилла выселены принудительно десять тысяч бедных ньюйоркцев.

Десять тысяч изгоев! Их участь — на черствой совести Макгилла, который тем не менее часто лицемерно разглагольствовал о сострадании к страждущим, об их правах, о всемирном братстве гонимых и ущемленных. Эта напыщенная риторика адресована, правда, всегда против зарубежной мишени—Советского Союза. Макгилл неустанно призывал к бойкоту советских ученых за несоблюдение нами кодекса прав, которые свято чтит он. А свой моральный кодекс Макгилл с младых лет предельно цинично сформулировал: «Будь я проклят, если не буду среди тех, кто верховодит нашим обществом».

В компании с Макгиллом активно участвовал в его жилищных аферах нью-йоркский мэр Эдвард Коч и двое почетных попечителей Колумбийского университета—издатель газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Сульцбергер и владелец ведущей телевизионной корпорации Си-би-эс Уильям Пейли. Они также распинались о правах человека и инспирировали антисоветскую про-

паганду. Демагогия и власть денег — подлинные основы их жизненного кодекса.

Истинную цену обманного словоблудия о правах продемонстрировала вашингтонская история с американцем арабского происхождения Мансуром Салахудином. Он, канцелярский клерк, задолжал зимой 95 долларов за газовое отопление квартиры, которую арендовал с женой и детьми. У них выключили газ, и мать семейства простудилась. Болезнь ее рискованно обострилась, и муж принялся упрашивать газоотопительную фирму пощадить их семью. Но его челобитным не вняли, и от безысходности он решился послать письмо президенту США, уповая на сочувствие к агонизировавшей жене. Чудотворного отклика из Белого дома не прозвучало. И окоченевшая вконец женщина умерла. Над ее гробом не произносили трафаретных речей о беззаветной преданности вашингтонских златоустов основным правам человека.

Бездомный американец из Нью-Йорка — негр Чарльз Форд — проделал любопытный эксперимент: приехал в столицу и улегся на тротуаре под открытым небом у центральной резиденции государственного департамента США. Незадолго перед тем заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер произнес пылкий спич во славу «фундаментальных прав человека», включая «право на кров». Поймав Кристофера на слове, бывший нью-йоркский торговый служащий Чарльз Форд наглядно намекал своей позой под окнами государственного департамента на актуальную необходимость реально осуществить для него «право на кров». Однако заместитель государственного секретаря никак не прореагировал на поступок бездомного. И так же презрительно обходили его стороной брезгливые дипломаты из созданного государственным департаментом «Управления по правам человека».

Истекло две недели, а настырный Форд все лежал пластом возле порога госдепартамента. Моросили холодные дожди, дули пронизывающие ветры, но промокший и продрогший человек не поднимался с панели. Некоторые горожане равнодушно перешагивали через тело темнокожего, другие приносили ему куски хлеба и бумажные стаканчики с питьевой водой, третьи вызывали автопатрули экстренной медпомощи и полиции. Но,

будто по сигналу свыше, полиция бездействовала, и с нею в унисон не отзывались на тревожные телефонные звонки вашингтонцев муниципальные учреждения и госпитали. Только на 16-й день, когда стало ясно, что Форд полностью истощен своей тщетной уличной вахтой, может умереть перед государственным департаментом и вызвать тем самым политический скандал, его забрали приехавшие санитары и с ходу упекли... в сумасшедший дом! С тех пор о бездомном смутьяне ни слуху ни духу.

Никем наверняка не подсчитано, сколько бездомных бродяг слоняются по Нью-Йорку, просят днем подаяния и выискивают объедки в мусорных ящиках, спят в переполненных ночлежных приютах или на уличных скамьях, на пустырях, под мостами, в трущобных развалинах, в лабиринтах туннелей подземных коммуникаций. Да еще на манхэттенском дне бездомных в Бауэри я видел перед отъездом в Москву странную новинку посреди заброшенного пустыря: похожий на продолговатую конуру пластмассовый оранжевый ящик с открытым лазом в боковой стенке. Удалось разузнать, что это бесплатный дар бродягам от скульптора-модерниста Джона Петерсона. Он соорудил три таких оригинальных одиночных укрытия от непогоды в Нью-Йорке и по три в Лос-Анджелесе и Вашингтоне. Зачем? Ведь девятью конурами не выручишь тысячи бездомных.

— Вообще-то я абстракционист, — сказал Петерсон. — Но временами пытаюсь внести предметно конкретный смысл в мое творчество.

Выходит, что даже американский абстракционист вернее, чем профессиональные политиканы, отображает конкретику окружающей их жизни.

ДНЕВНИК 4-й ЗОНЫ УБИЙСТВ

Однажды зимним утром в нью-йоркском корпункте моей газеты затрезвонил спозаранку телефон. Так иногда на рассвете меня экстренно вызывала московская редакция, но на сей раз разбудил Джерри — ночной сторож здания на манхэттенской 73-й стрит, где тогда обосновался корпункт. Незадолго перед тем на рождество я подарил Джерри бутылку «столичной», и он те-

перь, стремясь в ответ отблагодарить, возбужденно тараторил:

— У меня есть сейчас для вас редкостная репортерская сенсация. Скорее спускайтесь вниз в парадный подъезд!

— А в чем там дело?

— Нет времени рассказывать. Сами увидите. Но если будете медлить, то приедет полиция, и вы все прозевороните. Не мешкайте!

Быстро последовав его совету, я встретил Джерри у подъезда на мостовой возле только что подкатившего сюда полицейского автомобиля. Из него вылезли двое патрульных, и Джерри подвел их и меня к обнаруженной им уличной находке — лежавшему на тротуаре целлофановому прозрачному мешку, внутри которого желтело нечто бесформенное в кроваво-бурых подтеках. Один из полицейских приоткрыл мешок, взглянул на его содержимое и хмуро буркнул напарнику:

— Ну, вот и вторая часть ее торса...

Лишь тут я осознал, что прямо передо мною валяется на заснеженном асфальте окровавленный обрубок человеческого тела. Опасаясь, что мне на людях станет дурно, я ватными ногами отступил в сторону. Однако невозмутимое поведение полицейских и будничное выражение их равнодушных физиономий помогли мне сохранить внешнее самообладание. Тем временем полицейские обследовали тротуар вокруг найденного мешка, ничего примечательного не обнаружили и включили в своей машине портативный радиопередатчик, рапортуя рутинно об очередном нью-йоркском убийстве. Их за сутки здесь случается в среднем от четырех до пяти.

— Кого убили? — спросил я.

— Какую-то молодую женщину, — ответил полицейский. — Час назад нашли другую часть ее торса в шести кварталах отсюда, на углу Бродвея и 79-й улицы. А поблизости на Бродвее были брошены в мешках ее отрубленные руки и ноги. Коли отыщется ее голова, то сможем, вероятно, установить личность жертвы...

47 убийств в соседних кварталах насчитал я по газетной полицейской хронике за первые три года нью-йоркского житья. Но потом настолько приелась уголовно-кладбищенская статистика, что я ее забросил. И впредь в свой блокнот заносил вслед за описанным

выше происшествием только аналогичные злодеяния, именуемые на жаргоне криминалистов «расчлененками». Помню, как рядом с корпунктом опять на 79-й стрит полицейские нашли еще два мешка с останками их сослуживца, чей труп был разрезан на семь частей. Затем вблизи на улице подобрали три пластиковых пакета с кусками тела неопознанного мужчины. Неподалеку двоих американок таким же манером растерзали ночью в отеле «Трэйвел инн», а третью — в гостинице «Севил». Подобное, впрочем, отныне уже не составляет никакой сенсации в Нью-Йорке.

«Четвертая зона убийств» — под таким названием официально значится у полиции Нью-Йорка манхэттенский микрорайон в периметре между 59-й и 110-й улицами. А в целом Нью-Йорк разделен на пятнадцать «зон убийств». Причем четвертая зона — отнюдь не самая худшая, весьма благоустроенная в бытовом отношении и многократно менее рискованная по части преступности, чем трущобные кварталы Манхэттена, Гарлема, Южного Бронкса. В общем, четвертая зона, где я трижды снимал жилье в разных ее местах, кажется мне весьма стандартным образцом урбанистической Америки. И потому речь идет тут о сугубо типичном, заурядном, повседневном.

НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ ВЕЧЕРОМ К ДИНОЗАВРАМ

Приехав в Нью-Йорк, я сперва обосновался в полутемном номере отеля «Эксельсиор» на углу 81-й стрит и авеню Колумба. Гостиница «Эксельсиор», несмотря на ее претенциозное название, является весьма убогим, грязноватым и потому сравнительно дешевым заведением, что и прельстило меня сначала. Войдя в снятый там номер, выходивший окном во двор-колодец, я бросил на кровать свой чемодан, а на него мгновенно забрался и нагло уставился на меня, шевеля длинными усищами, огромный коричневый таракан. Прихлопнув его, я спустя минуту понял абсолютную бесмысленность моего опрометчивого поступка. Ибо все вокруг — стены, потолок, пол, мебель — кишело такими же нахально резвыми и непривычно крупными тараканами.

Впоследствии, где бы ни жил я в Нью-Йорке, повсюду меня окружали неистребимые тараканьи орды, для которых, как утверждают старожилы, местный климат очень благоприятен. Постепенно у меня исчезла былая гадливость по отношению к тараканам, и никогда больше я их не убивал. Ведь по манхэттенским меркам они — твари совершенно безобидные.

В отличие от них более опасные существа собирались по вечерам перед отелем «Эксцельсиор» в чахлом сквере под названием «Парк динозавров». Так окрестили этот сквер потому, что в глубине его высится массивное здание городского «Музея истории естествознания», а там внутри выставлены гигантские скелеты клыкастых доисторических чудищ. Но отнюдь не любознательная публика заполняла в сумерках «Парк динозавров». Под тенистыми деревьями на скамейках располагалось кучками окрестное жулье — воры, карточные шулера, сутенеры, налетчики, продавцы и покупатели контрабандных наркотиков, перекупщики краденого, громилы-рецидивисты. Они втихую заключали темные сделки и договаривались о предстоящих аферах.

Длительное время мишенью их гангстеризма был расположенный наискосок от «Эксцельсиора» отель «Эндикот» — нищенская трущоба, заселенная в основном дряхлыми пенсионерами и бедняками. Беспомощные, старые, больные и вконец затравленные бандюгами, обитатели тараканьих клетушек «Эндикота» тщетно уповали на защиту его единственного штатного стража — толстенного здоровяка Рафа Аккосты, простреленного дважды и угодившего четырежды под ножи профессиональных взломщиков. Когда я свел знакомство с Рафом, то он продемонстрировал мне свои боевые шрамы на щеках, на руках, на плечах. Однако признал, что никак не сумел предотвратить в отеле восемнадцать грабежей и шесть убийств. Все погибшие — пять женщин и пожилой мужчина — были обобраны до нитки, раздеты догола и зверски зарезаны с явной целью, по словам Рафа, гарантировать наверняка инкогнито убийц.

Основательно выпотрошив постояльцев «Эндикота», душегубы переключились на соседний отель-пансионат «Парк плаза». В нем постоянно жили две сотни пенсионеров, преимущественно одиноких вдов. Стоило кому-либо из них скопить немного деньжат и об этом

проболтаться по оплошности, как сразу же вламывались в «Парк плаза» ночные незваные гости. Напрасно перепуганные старухи запирались в своих комнатенках на множество замков и засовов. Заметив по утрам у подъезда «Парк плаза» полицейскую машину и автофургон медпомощи, я регулярно туда наведывался и насчитал в итоге за несколько недель 24 вооруженных ограбления плюс девять убийств престарелых пенсионерок. Их, зарезанных либо задушенных, выносили наружу в специальных покойницких чехлах, запихивали в автофургон и увозили в морг. А вечером возле обреченного отеля в «Парке динозавров» я заново наблюдал издали за ритуальными сходками кровожадных мародеров.

Под конец у меня сдали нервы, и я решил подобру-поздорову убраться из моего «Эксельсиора», пока не пришел его роковой черед. Переехать рекомендовал и навещавший меня корреспондент ТАСС, которого между тем ограбили под дулом револьвера двое уличных громил. Подобная участь постигла также второго моего визитера — корреспондента московского радио. Да вдобавок головорезы из «Парка динозавров» двукратно атаковали и обчистили подвернувшихся им прибывших на гастроли советских танцоров. После этого я спешно распростился с тараканами «Эксельсиора» и снял помещение для корпункта в многоквартирном доме на 73-й стрит, показавшейся мне довольно респектабельной и вроде бы безопасной.

«ЗАПИРАЙТЕСЬ, ЧТОБЫ ОТСРОЧИТЬ ВАШ НЕКРОЛОГ»

Округа 73-й улицы на манхэттенском Вест-Сайде обладают, по-моему, существенным преимуществом: там расположен театральный «Линкольновский центр» с его оперой, филармонией, драматическими труппами. Вокруг немало книжных лавок и газетных киосков. Здесь издавна селится нью-йоркская интеллигенция, включая маститых писателей, актеров, живописцев. В прошлом тут подолгу гостили Чайковский, Шаляпин и Рерих, картины которого до сих пор выставлены в музее его имени на 107-й стрит. А на углу 77-й

улицы и Бродвея в гостинице «Белклэйр» останавливался Максим Горький.

Теперь же через улицу от меня, как выяснилось, жил знаменитый американский певец Гарри Белафонте. Я узнал об этом из заметки в «Нью-Йорк таймс», сообщившей лаконически бесстрастно всего пятью строками, что воры забрались в квартиру Беллафонте и подчистую загребли все ценное на общую сумму 80 тысяч долларов.

Потом я стал очевидцем переполоха на 73-й стрит в соседнем престижном отеле «Ансония»: там средь бела дня ограбили и изнасиловали известную музыкантшу. Преступление получило огласку, так как фешенебельная с фасада в стиле французского барокко 17-этажная «Ансония» издавна прозвана «Меккой искусства», а населяющие ее творцы, подвергавшиеся и раньше нападениям уголовников, громко взывали ныне к помощи полиции. Властям напоминали, что в числе постояльцев «Ансонии» были прежде Энрико Карузо, Артуро Тосканини, Игорь Стравинский, Теодор Драйзер. И посему отель официально объявлен «исторической достопримечательностью под охраной муниципалитета». Однако городские власти и полиция бросили «Ансонию» на произвол вооруженной шпаны точно так же, как отдали ей преспокойно на разбой остальные бывшие пристанища творческой интеллигенции на Вест-Сайде.

Вот собранная мною двухлетняя полицейская хроника преступности в прилегающих к 73-й стрит кварталах: отель «Опера» — два убийства и 86 грабежей; отель «Вест-Сайд Тауэрс» — три убийства, четыре изнасилования и 52 грабежа; отель «Монтеррей» — два убийства и ограбление; отель «Риджфилд» — три изнасилования и девять грабежей; отель «Ванкувер» — убийство и пять грабежей; отель «Империал корт» — убийство и ограбление; отель «Йейл» — два убийства. Да еще десятки ночных убийств уличных прохожих ради захвата их кошельков, колец, часов, дамских сумочек...

Переехав подальше от смертоносного «Парка динозавров», я теперь ежедневно проходил по 73-й улице мимо «Сквера Джузеппе Верди», где высилась статуя великого композитора посреди замусоренных газонов, а по ним понуро слонялись оборванцы-наркоманы. Тут

они устроили своеобразную черную биржу: обменивали из-под полы наворованное накануне на морфий и героин. В сквере можно было втихую купить финку или револьвер, а также шприц для инъекции героина. Поэтому здешние жители переименовали сквер вокруг памятника Верди в «Парк иглы». О нем отсняли даже нашумевший кинофильм «Паника в Парке иглы». Прославленный голливудский актер Эл Пачино сыграл отъявленного наркомана, вынужденного беспрестанно воровать и грабить из-за неизлечимого пристрастия к героину. Все персонажи фильма были скопированы с живых прототипов 73-й стрит. И на ней не потребовалось никаких декораций для кошмарно натуралистических киносъемок.

Голливудские охотники за жуткими сюжетами экранизировали вскоре вторую вест-сайдскую историю — садистское убийство молодой учительницы Розан Куин почти у порога своего дома. Ее агонию под разящими ударами кинжала смачно воспроизвели в киноленте «В поисках мистера Гудбар» и в одноименной книжке-бестселлере.

Съемки третьего фильма — «Жажда смерти» — мне довелось лицезреть близ корпункта на 82-й стрит. А затем уже на экране передо мною промелькнули достоверные кадры знакомых вечерних улиц, одиночных боязливых прохожих, крадущихся за ними подонков с ножами наготове. Сперло дыхание от реалистически ужасной сцены: наркоманы врываются в квартиру на 82-й стрит, грабят там двух женщин, насилуют, убивают. Вернувшийся домой почтенный нью-йоркский архитектор натыкается на изуродованные распростертые тела жены и дочери. Вызванные полицейские, как всегда, бессильны отыскать убийц, хотя ими кишит весь район, все его ночлежки, отели, скверы, станции подземки. И тогда разъяренный архитектор, былой противник всяческого насилия, обзаводится револьвером 32-го калибра и сам по ночам вершит возмездие. Достаточно ему с наступлением темноты прогуляться по опустевшим тротуарам, как за ним увязываются грабители, а он, подпустив их вплотную, безжалостно расстреливает в упор. И так полтора часа подряд гремят с экрана его выстрелы, корчатся его супостаты в лужах крови, хрипят, стонут, издыхают. Фильм откровенно под-

стрекал кинозрителя: своими руками твори бешеный самосуд, стреляй, линчуй, убивай!

«Жажда смерти» имела колоссальный кассовый успех. Бесполезно некоторые солидные кинокритики справедливо упрекали создателей фильма за безмерное воспевание вакханалии насилия. Постановщик «Жажды смерти» Майкл Уиннер оправдывался: «Мое искусство — всего лишь зеркало нашего сегодняшнего общества». На киносеансах по всему Нью-Йорку горожане аплодировали пальбе самозваного палача. Их овации просто отражали эмоциональное состояние публики, терроризированной преступниками и неизбежно заразившейся тоже ядовитыми бациллами насилия. Да и я к третьему году моего пребывания на Вест-Сайде уже не мог беспристрастно рассуждать — как поступить и как не потерять голову с горя, если бандитский нож полоснет вдруг по твоей семье?

В нашем доме на 73-й стрит общественный комитет жильцов роздал всем квартирантам такую памятку: «Покрепче запирайтесь, чтобы отсрочить ваш некролог в газетах. Обязательно установите два дверных замка со специальными мощными болтами. Не забывайте о дверном глазке. На нижних этажах прикройте окна железными решетками. Помните о повсеместных грабежах. У нас в доме недавно произошло шесть ограблений и четыре нападения злоумышленников на квартиросъемщиков. Всех касается вопрос: кто из нас следующий?»

Тем «следующим» оказался мой сосед Луис Робинс, 76-летний бизнесмен. Около лифта его подстерег грабитель и пять раз пырнул финкой в сердце. Видели, как убийца выбежал на улицу, но поймать его полиция, конечно, не удосужилась. И остался опять тот же тревожный вопрос: кто следующий?

КОГДА ВАС ГРАБЯТ — НЕ ШЕВЕЛИТЕСЬ

«Справочник для приезжих: как им уцелеть в Нью-Йорке» — такую брошюрку с изображением черепа на обложке издал профсоюз городских полицейских. Листая справочник, я вначале прочел главную рекомендацию: «Преступность в Нью-Йорке шокирующе высока, и по-

тому, если вы можете, держитесь подальше отсюда». Совет был весьма разумным, но для меня лично запоздалым. Далее полицейская брошюра предостерегала:

«Не выходите на улицы после шести часов вечера. Даже в центре Манхэттена все больше грабят и убивают с наступлением сумерек. Не передвигайтесь по улицам пешком. Избегайте общественного транспорта, особенно метро. В крайнем случае пользуйтесь такси».

Мне, увы, это тоже никак не подходило: ежесуточно незадолго до полуночи требовалось пройти полтора квартала от корпункта до перекрестка Бродвея и 72-й стрит, куда в эту пору доставляли к газетному киоску первые завтрашние экземпляры «Нью-Йорк таймс» и «Дейли ньюс». Шел я туда обычно под истошный вой проносившихся полицейских автомобилей. Нередко поблизости раздавался сухой треск пистолетных выстрелов. Улицы были безлюдны. А если кто-нибудь шагал мне навстречу, то я напряженно следил за каждым его движением, потом оглядывался и видел, как уходящий прочь пешеход тоже встревоженно озирается. Вынужденные ночные прогулки развили обостренный слух, особую цепкую наблюдательность, утроенную настороженность.

Некоторые мои соседи ради безопасности держали овчарок, а у жившей рядом вдовы Розы Андерсон была пара таких защитников, но это ее не уберегло: вдову ограбили и убили. Возле нашего дома пользовалась популярностью частная школа карате, однако обращаться туда я счел никчемным, когда на 103-й улице двое наркоманов напали вечером на гостившего в Нью-Йорке эксперта по карате и дзю-до Аташи Курахара, застрелили японца и похитили его кошелек с сорока долларами.

Умудренные горьким опытом американцы поучали меня: при ограблении нельзя оказывать никакого сопротивления и надо всегда иметь в кармане хоть десять долларов, чтобы бандит не прикончил вас с досады на полное отсутствие добычи. И еще говорили, что пусть грабитель сам вас обыщет, а вы стойте неподвижно, не шелохнувшись, и упаси вас, отдавая спасительную десятку, сунуть руку в карман! Тогда гангстер мгновенно вас укокошит, думая, что вы собираетесь вытащить револьвер или кастет.

Не ведал об этом, к сожалению, мой земляк Сергей Степанов, завхоз нашего советского посольства в США. Воскресным днем в шесть часов вечера он зашел в продуктовую лавку, чтобы купить чего-нибудь к ужину, а выходя, очутился перед тремя налетчиками. Они скомандовали: «Замри! Где у тебя деньги?» Застигнутый врасплох, Степанов сделал неосторожное движение, ибо пробыл в Америке лишь два месяца, не знал ее уголовных нравов и плохо понимал по-английски. Бандиты сразили его двумя пулями в голову и бросились наутек. При этом присутствовали несколько посетителей лавки. Никто из них не попытался выручить Степанова, не позвал криком ему на подмогу, не погнался за убийцами и вообще слова не вымолвил до прибытия полиции к месту преступления. Его свидетели со страха позже настояли на гарантировании им секретной анонимности.

«Скованный страхом город» — так метко сказано о Нью-Йорке в упомянутом выше полицейском справочнике. Никто среди горожан не надеется там ни на пощаду, ни на помощь. Помню, как буквально под окнами корпункта «Литературной газеты» внезапно затормозил рейсовый автобус и все пассажиры бросились из него врассыпную. Внутри остались только водитель и труп мужчины с перерезанной глоткой. Шофер сообщил полиции, что погибшего атаковал какой-то дебошир на глазах молча созерцавших убийство тридцати людей, которые поспешно разбежались с явной целью уклониться от свидетельских показаний.

На станции метро у Колумбийского медцентра прямо на платформе преступник набросился в густой толпе на молодую женщину, повалил, надругался над нею, а полсотни окружающих ничего абсолютно не предприняли. В метропоезде на другой станции вор рванул сумку у старухи, она закричала, а он проломил ей голову и исполосовал ее ножом, но 20 находившихся в вагоне американцев не сдвинулись со своих мест. Подобравший полуживую жертву полицейский сержант сетовал: «Все у нас нынче потеряли совесть». Что ж, им всем можно посочувствовать: ведь совесть они растеряли от круглосуточного панического страха.

В заключение я предпочел расстаться с манхэттенским Вест-Сайдом и перебазировался с корпунктом на

Ист-Сайд, где усиленные наряды полнции охраияют резнденцнн множества дипломатическнх мнссий, аккреднтованных прн ООН. Но и в том районе вездесущне громилы зверски избили н ограбили по соседству со мною австрийского делегата в ООН Ганса Эйнхауса, мексиканского представителя Лун Векмана, жену ганского дипломата Эгиас Аниньягей. А ограбленному дипломату из ФРГ Артуру Охенвальду воизили клинок в живот. Короче говоря, повсюду в Нью-Иорке одинаково. И продолжается все по-прежнему...

Вернувшись в Москву, я прнвыкал заново к своей улице. По нью-йоркским стандартам она слабовато освещена вечерами. Но даже в самое позднее время жители ходят тут безбоязненно, никто прн встрече в полночь не шарахается, не озирается, не следит выжидающе за мною. А мне все еще удивительно, что можно войти в подъезд вслед за женщиной, и она без страха отвернется безразлично от незнакомца. И в лифте, вместо того чтобы наблюдать с опаскою за мною, копошится в сумочке, достает прн мне квартирные ключи н беспечно поворачивается спиной. Поначалу все это казалось мне столь же необычным, как исчезновение ночных завываний полицейских сирен с револьверным аккомпанементом. Вам смешно, вероятно, дорогой читатель? Значит, не доводилось ходить на чужбине по лезвию ножа.

ГЛАВА V

БЕРЕГИТЕСЬ: ГАЗЫ И ЯДЫ!

Солсбери — крошечный городишко на юге американского штата Пенсильвания. Солсбери так мал и настолько вроде бы ничем не примечателен, что о нем нет никаких сведений в самых подробных путеводителях по США. Тем не менее государственный департамент Соединенных Штатов четырежды в 1980 году запрещал мне, корреспонденту «Литературной газеты», посетить хотя бы проездом, хотя бы ненадолго пенсильванский Солсбери. А между тем этот пункт был официально причислен государственным департаментом США к тем районам их страны, куда допускают советских журналистов...

Загадочная недоступность Солсбери — прямое следствие небезызвестного инцидента 25 марта 1980 года в далеком от Пенсильвании афганском городе Герат. Тогда на окраине Герата произошла перестрелка между патрулем местного гарнизона Народной армии Афганистана и шайкой басмачей, оснащенных контрабандным американским оружием. В той стычке несколько басмачей были убиты, двое взяты в плен и захвачено все их оружие, включая американские гранаты с отравляющим газом «Си-Эс-517». Позже эти гранаты были публично продемонстрированы в Кабуле на пресс-конференции для иностранных журналистов и представителей Международного Красного Креста. Трофейные гранаты, похожие внешне на консервные банки, имели фабричную маркировку: «Изготовлено в федеральной лаборатории в Солсбери. Пенсильвания. Соединенные Штаты».

Месяц спустя другая шайка басмачей снова пыталась проникнуть в Герат и применила в уличном бою химические гранаты пенсильванского производства.

А затем еще одна банда, просочившись в Кабул, забросала химическими гранатами две столичные школы и городскую типографию. Ядовитые газы поразили 480 школьников и тридцать типографских рабочих. Семеро скончались в мучительных предсмертных конвульсиях. Тем временем американская газета «Крисчен сайенс монитор» злорадствовала: «Мятежники в Афганистане увеличивают, очевидно, применение отравляющих газов и прочих токсических веществ, жертвами которых становится тамошнее мирное население».

Федеральная лаборатория в Солсбери, а вернее, военный химический завод, работала, видимо, полным ходом. Попасть на территорию сего заведения я, понятно, не рассчитывал, но предполагал, что окрестные жители наверняка осведомлены о производстве у них под боком преступного химического оружия, обеспокоены этим и потому, быть может, поделятся своими тревогами с приезжим корреспондентом. Этого же явно опасался госдепартамент США, руководство которого планировало раздуть глобальную клеветническую кампанию против Советского Союза, обвинив его якобы в применении химической и бактериологической отравы в Афганистане и в джунглях Индокитая, где ранее американские ВВС распылили сотни тонн смертоносных химикалиев.

Вскоре после запрета государственного департамента на мой визит в Солсбери раздался телефонный звонок в нью-йоркском корпункте «Литературной газеты».

— Приезжайте поскорее сюда в Мемфис,— звучал в телефонной трубке взволнованный женский голос.— Я не могу более беспомощно наблюдать, как умирают мои дети...

С этими словами обратилась ко мне жительница города Мемфис миссис Ивонда Паундс, мать троих малолетних ребятишек. Она сообщила, что таинственная болезнь поразила всю ее семью: мужа, трехгодовалую дочку Сабрину и двух сыновей — пятилетнего Томми и восьмилетнего Тони. Симптомы загадочного недуга были многообразны: кожная сыпь и волдыри, мучительные головные боли, острые желудочные спазмы. У маленького Томми вдобавок возникла опухоль на ноге. А крошка Сабрина страдала от приступов удушья и уже трижды побывала в местной больнице.

— Таким же образом хворает большинство моих соседей в нашем районе, — говорила мне по телефону миссис Паундс. — Мы подозреваем, что причина заразы — зарытые здесь ядовитые химикалии или отравляющие химические газы.

Рядом с мемфисским районом Фрейзер, где живут Паундсы, находятся шесть крупных химических заводов. Тамошняя городская газета устроила медицинский опрос 72 соседей Паундсов и обнаружила, что среди них 36 больны раком, семерых он свел в могилу, а остальные лечатся безуспешно от лейкемии, опухолей и припадков удушья. В целом при всей трагичности данной истории она выглядела на первый взгляд вроде бы весьма заурядным американским происшествием, ибо теперь почти повсюду в США есть сотни подобных населенных пунктов, зараженных смертоносными отходами с близлежащих химических предприятий.

Однако обитатели мемфисского района Фрейзер считали постигшее их несчастье необычайным по крайней мере в одном аспекте.

— Влиятельные персоны в Мемфисе стремятся предотвратить огласку причины заболевания наших детей, — жаловалась мне Ивонда Паундс. — Я не могу добиться удовлетворительного лабораторного анализа крови моей дочери и сыновей. Их состояние между тем явно ухудшается. Сейчас моя последняя надежда — попросить советских докторов сделать анализ крови моим детям. Я много наслышалась об отзывчивости, бескорыстии и высоком мастерстве медиков Советской России. А вас умоляю срочно приехать и взять у меня накопившиеся за три года врачебные документы насчет заболевания моих малышей.

Но государственный департамент США категорически запретил корреспонденту «Литературной газеты» навестить семью Паундсов в Мемфисе. Когда же вслед за тем миссис Паундс условилась о встрече со мною в Вашингтоне и купила уже авиабилет от Мемфиса до столицы США, то сразу государственный департамент вовсе лишил меня законного права на какие-либо журналистские поездки. А несчастную Ивонду Паундс припугнули, заявив, что лишат навсегда ее детей врачебной помощи. Напоследок она по телефону возмущалась:

— Это безобразное происшествие демонстрирует заново стремление наших властей скрыть причины постигшего нас бедствия. Власти боятся, что я могу поспособствовать их разоблачению!

И кое-что постепенно прояснилось. Стало известно, например, что в 1953 году там, где возникли позже жилые кварталы района Фрейзер, были зарыты 25 тысяч тонн отравляющих химических веществ с оружейных складов ВВС США в Мемфисе. Эту преступную акцию признало армейское командование Пентагона.

Кроме того, осведомленный мемфисский журналист Леонард Наварро подтвердил мне лично, что второй засекреченной причиной эпидемии могли быть не распознанные до сих пор газы из трубопроводов окрестных химзаводов. Не зря же к ним не подпускают на пушечный выстрел иностранных газетчиков. Ибо химическая промышленность США по заказам Пентагона наращивает военные запасы отравляющих газов «табун», «зоман», «зарин». Все это делают вопреки подписанному правительством США международному протоколу, воспрещающему употребление удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств.

Между тем неподалеку от Мемфиса, в городе Атланте, двое правительственных экспертов оказались жертвами их собственных рискованных опытов с вирусами губительной бактерии «ласса фивер». Специальный исследовательский центр в Атланте издавна был причастен к разработке различных видов бактериологического оружия. Продолжаются ли там втайне запретные эксперименты с чумными бактериями? Лишенный возможности попасть в бактериологический центр Атланты или в Солсбери и Мемфис, я все-таки за три месяца до того разузнал нечто весьма важное в городе Денвер.

БОМБА «МОКРЫЙ ГЛАЗ»

Денвер, столица штата Колорадо, широко раскинулся по плоской равнине, обрамленной цепью горных кряжей. В деловом центре города — дюжина небоскребов, а вокруг них — море одноэтажных жилых построек и множество закопченных корпусов заводов и фабрик. Достопримечательностей тут маловато: один захудалый

театр, пара посредственных музеев, пропылённый зоопарк да чахлый ботанический сад. Знакомя меня с Денвером, его старожил и здешний руководитель колорадского отделения «Американского совета мира» Роберт Прис рассказывал:

— Путеводители по Денверу умалчивают о главном: наш город — оружейная кузница и ракетно-бомбовый арсенал Пентагона. К северу от Денвера тянутся до штата Вайоминг стартовые площадки термоядерных ракет «Атлас». За восточными окраинами — военные авиабазы. В шестнадцати милях к западу — крупнейший завод Роки Флэтс по сборке водородных и нейтронных бомб. Их снаряжают в Роки Флэтс плутониевыми детонаторами, и мы, денверцы, поэтому постоянно сидим как бы на гигантской пороховой бочке: если в Роки Флэтс вдруг произойдет катастрофа, то мгновенно погибнут полтора миллиона горожан. Пока же установлено, что цеха Роки Флэтс источают радиацию. Ею было уже заражено 380 рабочих. Она отравила также 11 тысяч акров прилегающих к заводу земельных участков. Чтобы спасти Денвер от нависшей угрозы, сторонники мира устраивают демонстрации и марши протеста на подступах к Роки Флэтс. Эти бурные выступления прогремели по всем Соединенным Штатам. Но власти по-прежнему отвечают нам массовыми арестами и судами.

— А теперь денверцы вдвойне встревожены, — продолжал Роберт Прис. — На северо-востоке нашего города обнаружена утечка газа из 70 авиационных химических бомб, хранящихся в армейском арсенале «Роки Маунтин». Всего их там накоплено 888 штук. Каждая содержит огромный заряд отравляющего газа «Джи Би». Название этой бомбы — «Мокрый глаз». При ее разрыве газ поражает нервную систему человека, у него сперва выступают слезы, потом начинается удушье, затем — конвульсии и смерть. Накапливать такое дьявольское оружие абсолютно аморально. И недопустимо сосредоточивать его вплотную к огромному городу. «Американский совет мира» направил президенту и министру обороны США послание с требованием убрать арсенал «Мокрых глаз» из Денвера и уничтожить вообще эти химические бомбы...

После беседы с Присом я, сверив свой маршрут с картой Денвера, взял такси и поехал на 56-ю авеню

к арсеналу «Мокрых глаз». Но там я обнаружил, что так называемая «авеню» — всего лишь пустынное шоссе, от которого по одну сторону виднелись взлетно-посадочные полосы городского аэропорта, а по другую — лежал голый полигон, огороженный колючей проволокой. У въезда на полигон стояло приземистое бетонное сооружение с большими застекленными окнами. Внутри темнела фигура постового. На фасадной стене будки издали просматривались метровые буквы надписи «Армия США. Арсенал Роки Маунтин».

— Нельзя ли потолковать с каким-нибудь представителем администрации арсенала? — спросил я постового и предъявил ему мое журналистское удостоверение.

Он с недоумением оглядел меня и принялся звонить по внутреннему телефону своему начальству. Повесив трубку, сказал:

— Придется вам подождать их решения.

С обоюдным любопытством мы рассматривали друг друга. Стражник промолвил, что он впервые встречается с «живым русским». Я заметил, что тоже в первый раз разговариваю с американским военным полицейским.

Он был молод и явно любознателен. Принялся расспрашивать меня о жизни советских людей, об их будничном быте, о размерах заработков, о стоимости жилья и продовольствия. В общем, получился бы вполне непринужденный разговор, если бы не мешал тому вороненый пистолет на ремне охранника и прицепленные сбоку от кобуры стальные наручники. Да еще возле его телефона висели каска и зачехленный противогаз. Я поинтересовался:

— Зачем вам противогаз?

— На случай, если опять вырвется отрава из «Мокрых глаз».

Раздался телефонный звонок. Выслушав очередную инструкцию, стражник сообщил:

— Скоро за вами приедут. — Смущенно усмехнулся: — Они мне приказали держаться с вами настороже, а то вы, дескать, можете на меня внезапно напасть.

Возникла неловкая пауза. Чтобы успокоить часового, я отошел от него в сторону и занялся чтением объявления на придорожном фанерном щите справа от проходной арсенала.

В АРСЕНАЛЕ ПОД КОНВОЕМ

Объявление гласило: любые посетители перед вступлением в арсенал подлежат обыску, а всем посторонним категорически запрещается под страхом шестимесячного тюремного заключения устраивать поблизости митинги протеста, демонстрации, пикетирования либо произносить политические речи. Дабы переписать это дословно, я вытащил блокнот, но секундой позже увидел подъезжающий ко мне зеленый автомобиль военной полиции. Из него выскочили двое вооруженных полицейских. Один крикнул:

— Не смей ничего записывать!

— Почему? — возразил я. — Ведь это объявление установлено вне ограды арсенала для сведения гражданской публики.

— Спрячь свой блокнот и помалкивай! — рявкнул ретивый вояка.

Второй обернулся к постовому:

— Эй, сержант Вилларил, веди этого субъекта к нашей машине.

Подчинившись, постовой тихо мне шепнул:

— Не спорь с этими параноиками, а то будет тебе худо.

— Ладно, — произнес я. — Но мне никак не положено ехать с ними в арсенал без соответствующего пропуска.

Тем не менее полицейские бесцеремонно впихнули меня в их машину на переднее сиденье, взгромоздились по бокам, стиснули меня своими плечами и повезли куда-то через полигон. Автомобиль несся на бешеной скорости, но путь в щемящую неизвестность почудился мне томительно длинным, а колорадское голубое небо показалось, как говорится, с овчинку. Так втроем мы стремительно катили по пустырям, далее мимо каменных складских зданий, мимо железных цистерн, мимо странных шлемовидных бункеров. И подлетели наконец к дверям штабной конторы арсенала. Там полицейские передали меня двум офицерам и рыжему джентльмену в штатском по имени Арт Уитни. Он изумился:

— Как вы к нам сумели попасть?

— Только по принуждению силой вашей доблестной стражи.

Уитни и офицеры озадаченно переглянулись. Повели меня в отдельный кабинет. Пригласили стенографиста. Уитни насупился:

— Итак, чего вы добиваетесь?

— Вашего ответа на несколько простейших вопросов.

— Каких?

— Хотелось бы узнать,— начал я,— как вы реагируете на выступления общественности Денвера против дислокации рядом с городом арсенала бомб с отравляющими химическими газами. Почему из ваших «Мокрых глаз» происходит утечка газов? Сколько людей могут погибнуть от разрыва хотя бы одной вашей бомбы? Не может ли взрыв бомбы вызвать детонацию и тем самым поголовно задушить газами население Денвера?

— Что еще?

— Да больше, пожалуй, ничего.

— Тогда сделаем так,— заявил он.— Ваши вопросы я переправлю верховному командованию. И оно пусть решает, что и как вам отвечать. А сейчас военные полицейские доставят вас немедленно к тем же воротам арсенала, откуда их угораздило притащить ко мне незваного гостя. И считайте, что вы легко отделались.

Он тоже по-своему отделался от советского репортера: на заданные ему вопросы нет ответа Пентагона по сей день.

СЕГОДНЯ МРУТ КРОЛИКИ, ЗАВТРА — ЛЮДИ?

Зато получены мною четкие ответы относительно «Мокрых глаз» из уст их наиболее активных противников в Денвере. Тамошний деятель демократической партии Гэри Мант высказался следующим образом:

— По мнению моих земляков, бомбу «Мокрый глаз» надо ради точности переименовать в бомбу «Глаз смерти».

Общественная деятельница Шэрон Триоло согласна с Мантом:

— Если вспыхнет пожар или произойдет взрыв в денверском арсенале «Мокрых глаз»,— говорит она,— то лить слезы нам предстоит совсем недолго. Город мгновенно охватит агония. Какая разница—заплачешь

ты или нет, когда тебя обрекут на зверское уничтожение.

Триоло и Мант тесно сотрудничали с избранной денверцами в конгресс США членом палаты представителей Патрицией Шродер. Она от имени горожан предложила Белому дому и Пентагону упразднить колорадский арсенал химического оружия. Того же требовал выдвинутый от Колорадо вашингтонский сенатор Гэри Харт.

— Мы не прекратим нашу борьбу против проклятых «Мокрых глаз»,— настаивал Мант.— Мы особенно подчеркиваем в наших петициях правительству, что хранилище химических бомб устроено прямо на границе городского аэропорта с очень насыщенным авиадвижением. Ежесуточно десятки самолетов взлетают и заходят на посадку непосредственно над арсеналом «Роки Маунтин». Упади на него авиалайнер, и сразу же взорвется арсенал, превратив весь Денвер в братскую могилу. Между тем периодические утечки ядовитого газа из «Мокрых глаз» тоже угрожают прежде всего нашему аэропорту и тысячам авиапассажиров.

По свидетельству моих собеседников, у части химических бомб арсенала подверглись коррозии запальные устройства. Дошло до того, что почти все сигарообразные газовые бомбы, похожие по форме на торпеды, рискованно сдвигать с места или куда-либо перевозить. Как выяснила Шэрон Триоло, командование ВВС и военно-морского флота США опасается транспортировать и грузить «Мокрые глаза» на корабли и бомбардировщики. А в арсенале «Роки Маунтин» перепуганные военнослужащие держат на складе бомб подопытных кроликов и неусыпно наблюдают за состоянием зверюшек: как только кролики, нанюхавшись газа, начинают корчиться в судорогах и околевать, сразу же по радиопередатчикам арсенала панически гремит тревога: «Берегись! Всем надеть противогазы!»

По словам Гэри Манта, денверцы сперва настаивали на перемещении склада «Мокрых глаз» в другой пентагоновский арсенал под городом Туили в штате Юта. Но обитатели Туили и окрестных городов коллективно запротестовали: не желаем, мол, разделить участь денверских кроликов. Поддержанный населением Юты губернатор штата Скотт Мэтисон отважился на сенсаци-

онную конфронтацию с федеральными властями. В этом столкновении козырную карту на пользу жителей Юты сыграл выдвинутый ими очень веский аргумент о том, что они без «Мокрых глаз» достаточно наглотались иных отравляющих газов. Дело в том, что армейский арсенал в Туили уже переполнен химическим оружием, а администрация арсенала признала факт утечки газов из 670 бомб.

Всего за последние годы 955 раз просачивались в атмосферу удушливые газы из бомб и снарядов на складах химического оружия в Денвере, Туили, Лексингтоне (штат Кентукки), Пуэбло (штат Колорадо), Гермистоне (штат Орегон), Пайн Блаф (штат Арканзас), Эмнистоне (штат Алабама). Хранилища химического оружия созданы также Пентагоном в штатах Невада, Вашингтон, Северная Каролина, Нью-Йорк, Вирджиния, Джорджия, Аляска, Гавайи.

— Вместо перевозки газовых бомб из Денвера в другие края мы теперь выступаем за окончательное упразднение этого оружия, — сказал в заключение Мант. — Но вопреки призывам общественности Пентагон расширяет производство новых боевых газов и конструирует новые сверхубойные химические снаряды.

Военное ведомство США расходует сотни миллионов долларов на строительство новейших артиллерийских заводов химического оружия. В составе американских вооруженных сил сформирован «Армейский химический корпус». Каждой пехотной дивизии придана особая «рота ведения химической войны». Штабные службы Пентагона укомплектованы двумя тысячами «экспертов по ведению химической войны». Вашингтонский генералитет уже настырно навязывает свои переизбыточные яды и газы западноевропейским войскам НАТО.

А пока в Денвере мерли лишь кролики, в Мемфисе задыхались и чахли малые дети.

ФОКУСНИКИ ИЗ ЛАХОРА

...Прошло два года. «Литературная газета» командировала меня в Пакистан. Сперва я достиг Карачи. А оттуда перенесся за полтора часа в древний Лахор на китообразном гиганте «Боинг-747», раскрашенном

по фюзеляжу зелеными инициалами пакистанской авиакомпании. Вместе со мною еще около трехсот пассажиров спустились по трапам на солнцепек лахорского аэродрома. И вот уже иду налегке в летней рубашке под жарким безоблачным небом, вступаю в зал аэровокзала и жду беспечно с толпою попутчиков, когда доставят из самолета наши чемоданы. Вскоре их проворно разбирают с ленточного конвейера, а моего чемодана почему-то нет. Где же мои пожитки? Спрашиваю об этом служащего аэропорта, он куда-то исчезает навести справку, потом возвращается и смущенно изрекает:

— «Боинг» был, как мне сообщили, настолько перегружен, что пришлось оставить ваш чемодан в Карачи.

Вижу, что ему стыдно пересказывать явное вранье. Мелькает догадка: в Карачи приютил меня на сутки гостеприимный земляк из советского консульства, и посему, очевидно, только сейчас кто-то обрел возможность удовлетворить полицейское любопытство к багажу иностранного журналиста. А между тем служитель аэропорта опять, видимо, по чужой подсказке рекомендует мне добраться на такси до какой-нибудь лахорской гостиницы и потом снова навестить аэропорт в два часа после полудня, когда прилетит из Карачи второй авиалайнер — на сей раз вроде бы достаточной грузоподъемности для моего командировочного бельишка.

Покинув злополучный для меня лахорский аэропорт, я отыскал сведущего таксиста, который помог найти недорогой отель на пыльной неказистой улочке Дэвис-роуд. Да, впрочем, и там в гостиничном холле произошло недоразумение: дежурный администратор крайне недоверчиво встретил зарубежного визитера, не имевшего при себе хотя бы дорожной сумки или портфеля. Но тут вслед за мною вошел в холл чернявый усатый господин, шепнул что-то администратору, и тот вдруг с подчеркнутой любезностью предоставил мне комнату.

А чернявый остался в вестибюле и позже ходил везде за мною по пятам: в соседний с отелем кафетерий, уличный газетный киоск, книжную лавку возле гостиницы. Так мы вдвоем провели часа полтора. Затем я вернулся в свою комнату, решив дозвониться в Карачи до нашего консульства в надежде попросить моего

приятеля дипломатически намекнуть кому следует, что я из-за лахорского тропического зноя срочно нуждаюсь в похищенных у меня свежих рубашках, мочалке, мыле, одеколоне.

— Не могу выполнить ваш заказ, — прозвучал из трубки голос телефониста коммутатора отеля. — Названный вами номер в Карачи не существует.

Как же так? Ведь ранее по тому же номеру меня трижды соединяли из Москвы с советским консульством в Карачи. Тем не менее телефонист отеля упорствовал: «Такого номера не существует». Тогда я предложил ему набрать известный мне номер торгпредства СССР в Карачи. А он в ответ: «И этого номера не существует». Что за чертовщина!

Рядом с телефонным аппаратом лежал городской справочник Лахора, и я вспомнил, что намеревался посетить здесь редакцию местного еженедельника «Вьюпоинт». Назвал его номер телефонисту и услышал:

— Этого номера тоже нет. И вообще больше не звоните!

Озадаченно подытожил я загадочную ситуацию: пропажа моих вещей, нарочито откровенная слежка, попытка принудительной изоляции. А в чем первопричина и конечная цель? Сколько ни ломал голову, ничего не прояснил. Взглянул на часы: скоро полдень. До прилета очередного авиалайнера из Карачи — свыше двух часов. Что проку сидеть в отеле, будто в осаде. Если не помешают мне добраться загодя до аэропорта, то там по крайней мере воочию смогу установить, что приземлился карачинский самолет. С таким замыслом выскользнул я беспрепятственно из отеля, но на ступенях его крыльца замер в изумлении...

К отелю в ту минуту подкатил легковой автомобиль, из него вылез офицер в хаки с голубыми погонами, за ним — шофер в долгополой рубахе, а еще через секунду водитель вытащил наружу мой чемодан.

— Эй, вы! — бросился я к ним. — Отдайте мой чемодан!

— Получайте его, мистер Эндроноф, — сказал по-английски офицер с издевательской ухмылкой.

И он вдобавок плутовски подмигнул, но отнюдь не мне, а возникшему из-за моей спины чернявому филеру, который тоже, глядя на меня, нахально усмехался

и пошевеливал своими усищами, словно кот при виде попавшейся ему мыши. Знай, мол, что отныне никуда в Лахоре не ушмыгнешь.

Ретировавшись в свою комнату, я поспешно открыл чемодан и убедился, что из него ничего не изъяли. Только лежавшая на чемоданном дне тонкая папка очутилась теперь наверху. В ней я хранил несколько листков с лета 1980 года, когда в Соединенных Штатах вашингтонский журналист Луис Волф ознакомил меня с разглашенной им публично документацией ЦРУ о преступной подготовке так называемой бактериологической войны. Один рассекреченный меморандум ЦРУ описывал некий лабораторный агрегат «Биоген» для массового производства микроскопических разносчиков эпидемий за пределами США. Эта дьявольская машина, вопреки официальному обещанию американских властей прекратить разработку бактериологического оружия, продолжала функционировать в Балтиморе при содействии медицинской лаборатории Мэрилендского университета. Другая бумажка в моей папке — вырезка из нью-йоркской газеты «Дейли уорлд» — содержала следующую информацию:

«Мэрилендский университет приступил к серии бактериологических экспериментов в пакистанском городе Лахоре с целью спланировать методику наиболее эффективного отравления максимального числа людей в ходе бактериологической войны. В районе Лахора тридцать человек заразились желтой лихорадкой от неведомой там прежде разновидности москитов».

А на третьем листке излагались полученные мною в Кабуле сведения о нацеленности москитной авантюры ЦРУ против Афганистана.

ИНКУБАТОР СМЕРТИ

— Нам удалось разоблачить план вашингтонской разведки вызвать среди афганцев катастрофическую вспышку инфекционных заболеваний, — рассказывал мне в 1981 году главный редактор газеты «Кабул нью таймс» Абдул Азиз Данишьяр. — Завербованные ЦРУ американские биологи под видом борьбы с малярией разводят в Лахоре особо ядовитых москитов, поражаю-

щих свои жертвы смертоносными вирусами. Заморские отравители предполагают использовать сезонную миграцию из Пакистана в нашу страну кочевников-скотоводов, чтобы, заразив пришельцев и стада, инспирировать в Афганистане эпидемию энцефалита. А пока что москиты ЦРУ необузданно атакуют жителей Лахора, о чем панически оповещает тамошний журнал «Вьюпоинт».

...Перечитывая теперь в лахорской гостинице запись беседы с кабульским коллегой, я смекнул наконец, чем объясняется спецнадзор за мною и отказ, в частности, телефониста отеля набрать номер редакции «Вьюпоинт». Но на мою удачу в городском справочнике Лахора значился адрес того журнала: Лоуренс-роуд, дом 4. Запомнив это, я вышел как бы скучающе на улицу перед отелем, потоптался по ней туда-сюда, побрел вдоль вереницы лавок и харчевен медлительной походкой иноземного зеваки и разгуливал таким бессмысленным манером, пока внезапно не остановил проезжавшее мимо такси. За двойную плату старенькое такси с реактивной скоростью примчалось на Лоуренс-роуд.

Популярный в Пакистане еженедельник «Вьюпоинт» скромно разместился в двух занятых редакцией ветхих бунгало и сарайной пристройке, где оборудована типография. Из ее шумного цеха попадаешь через распахнутую дверь прямиком в кабинет заместителя главного редактора Ахтара Рахмана. Пожилой седовласый Рахман утомленно водил пером по разложенным перед ним гранкам, когда я переступил порог его помещения. Поздоровавшись и назвав себя, я попытался вкратце ознакомить его с тематикой «Литературной газеты», однако он, снисходительно улыбнувшись, прервал меня:

— «Литературная газета» нам хорошо известна.

Рахман проводил меня к главному редактору Мазхару Али Хану и познакомил также с ведущим репортером журнала Икрамулом Хаком. Они сообща обрисовали мне зловещие эксперименты в их городе бактериологов Мэрилендского университета.

Филиал Мэрилендского университета в Лахоре именуется «Пакистанским медицинско-исследовательским центром» (ПМИЦ). Директором центра состоял американец Дэвид Нэлин. Вместе с ним административный совет центра возглавляли консул США в Лахоре и ме-

стный резидент вашингтонского «Управления международного развития», чей персонал издавна укомплектован офицерами ЦРУ. Остальные администраторы ПМИЦ—пятеро пакистанских генералов—слабо разбираются в медицине, но зато небесполезны в качестве военных экспертов. Высшие опекуны ПМИЦ—посол Соединенных Штатов в Пакистане и мэрилендский научный комитет в Балтиморе, где апробируются средства ведения бактериологической войны. Деятельность ПМИЦ финансирует «Управление международного развития», то есть, по сути, ЦРУ.

Десятки лахорцев, живущие неподалеку от городской лаборатории ПМИЦ, подверглись нападению комариных стай необычной в этих краях породы крылатых кровопийц. Ужаленные ими люди заболевают желтой лихорадкой, гепатитом, желтухой, сходят с ума. Обреченных не спасают никакие лекарства либо противоядия. Лахорские врачи лишь определили источник неожиданного бедствия: это были африканские москиты Аидес Эджипти. Как оказалось, их многотысячный инкубатор—лаборатория ПМИЦ.

В оправдание американские хозяева ПМИЦ открыли в лахорском пригороде Гринтаун диспансер для пострадавших. Им вводили таинственный препарат «антибе», от чего одиннадцать госпитализированных пациентов потеряли рассудок. Начался всеобщий переполох, усиленный слухами, что американцы испытывают непосредственно на людях ту же самую отраву, которую они впрыскивают своим москитам. Открылось, что двое сотрудников ПМИЦ тоже подцепили желтуху. А третий — пакистанский лаборант Аслам Хан — уличил вслух своих нанимателей в разведении зараженных ими насекомых ради подготовки бактериологической войны.

В итоге власти, успокаивая общественность, возбудили против администрации ПМИЦ следственное дело, которое немного погодя втихую законсервировали. Так же беззвучно заткнули рот обличителю ПМИЦ Асламу Хану и заставили его вовсе уехать из Лахора. А в ответ на три статьи «Вьюпоинт», заклеймившие москитный инкубатор, директор ПМИЦ строжайше запретил подчиненным разговаривать с посторонними, отвечать на неслужебные телефонные звонки, подпускать к лаборатории чужаков.

— Американцы все еще замышляют москитную диверсию против Афганистана, — говорил мне в редакции «Вьюпоинт» Икрамул Хак. — Но прежде всего из США им приказано обеспечивать зараженным комарьем подрывные акции ЦРУ на Кубе. Таково происхождение тамошних недавних эпидемий. И эта угроза сегодня касается наряду с кубинцами, афганцами, лахорцами абсолютно всех.

ПОВЕЛИТЕЛЬ КРОВОПИЙЦ

В южной части Лахора есть малоприметная короткая улочка Бердвуд. Там под номером 6 числится группа сомкнутых воедино одноэтажных домов, укрытых в глубине большого двора за кущей деревьев. Миновав их, я столкнулся с двумя смуглолицыми сторожами, охранявшими дверь с прибитой к ней табличкой, на которой по-английски возбранялся доступ внутрь посетителей без разрешения администрации. Тем не менее преграда, как я сообразил, была, пожалуй, преодолимой: ведь тут администрация — американская, сторожа — пакистанцы, и они, значит, наверняка приучены к безропотному послушанию белокожим янки. Так и случилось: сторожа отступили от белого, когда я, выпятив по-техасски подбородок, шагнул нахрапом к запретной двери.

Позади нее в коридоре меня остановил третий охранник:

— Вы куда?

— К боссу.

— Зачем?

— Сугубо конфиденциальное дело.

— Следуйте за мной.

Он привел меня в комнату с открытой боковой дверью в прилегающий кабинет, где громоздился за столом на редкость толстенный мужчина. Обращаясь к нему, мой провожатый почтительно промолвил:

— К вам, профессор Нэлин, пришли по важному делу.

— Кто вы? — спросил меня толстяк.

— Корреспондент московской «Литературной газеты».

— Что?!

Немая сцена почти воссоздавала театральный финал гоголевского «Ревизора». Да только взамен аплодисментов под занавес меня в тот миг могли вытолкать тумаками из американского москитного учреждения. Деликатность начисто отсутствовала во внешнем облике Дэвида Нэлина: кулаки у него—пудовые, сорочка едва не лопается на пузырях жирных плеч и безобразно вздутом колоссальном животе. Но зато на расплывшейся сальной физиономии жуликовато бегающие глазки светятся острым умом, хитростью, изворотливостью. И это он с ходу доказал, избрав вместо чреватой скандалом грубой стычки с представителем прессы более искусный контрприем:

— Интересуетесь, полагаю, нашими москитами? — язвительно проговорил Нэлин и приподнял со стола порожнюю поллитровку из-под виски. — Я ничего не таю, за исключением секрета этой бутылки.

В ней тарахтела запихнутая как-то туда игрушечная жестяная кровать. А рядом на столе лежал увесистый том с заглавием на обложке — «Годовой отчет». Указав на него, я подразнил Нэлина·

— И это не секрет?

— Что же, — хмыкнул он, — можете полистать.

Его уступчивость была, несомненно, обманной: журналист не сумеет, дескать, расшифровать понятную лишь узкому научному кругу сложную терминологию трактата профессора Нэлина, а он тем временем окончательно собьет с толку профана. Учуяв этот подвох, я попытался обернуть против Нэлина его же убежденность в бесспорном, действительно, научном превосходстве: задавал ему наивные на первый взгляд вопросы и внимал ответам с миной обескураженного простофили. Взирая свысока на меня, комариный профессор удовлетворенно посмеивался. Держу пари, что повелитель ядовитых москитов никудышный игрок в покер.

— Нашей задачей является выведение новых супермоскитов, разглагольствовал Нэлин. — Ради того мы скрещиваем различные виды москитов, подвергаем их радиации, используем химикалии, применяем изобретения генной инженерии. Наши супермоскиты призваны вытеснить в Пакистане здешних разносчиков малярии. Наши питомцы будут самыми сильными, плодовитыми, живучими.

Под аккомпанемент его гимна высшей расе кровососов я узрел в фолианте отчета Нэлина на страницах 272—286 реляцию о том, как были заражены вирусом энцефалита ради сравнения несколько сотен самок африканских москитов Андес Эджипти и пакистанских Кулекс Тританиоринчус. В результате посменного нагрева и замораживания подопытные Андес Эджипти продемонстрировали наилучшую выносливость, плодовитость и агрессивность, что сполна испытали на себе лахорцы, искусанные отравленными тварями. Вот на какую супернечисть делает ставку лгун-профессор!

— Рассказывают, — заметил я, имея в виду Афганистан, — что вы вплотную изучаете москитов, паразитирующих на скоте.

— Изучаем? Да мы сделали в данной сфере ценнейшее открытие! — заявил самодовольно Нэлин. — Мы выявили разновидность москитов, которые питаются кровью людей, домашних животных и птиц.

— Вы, выходит, располагаете подопытными людьми?

— Таких людей легко подобрать за небольшое вознаграждение в бедных деревнях вокруг Лахора, — цинично отозвался профессор. — Мы их обычно размещаем вне сельских хижин на подстилках, и на тех крестьян, как на живую приманку, слетаются исследуемые нами москиты. Здесь же отлавливаем сачками насекомых, берем пробы крови у ужаленных ими людей, а после анализов крови отбираем нужных нам москитов.

В отчете лаборатории Нэлина зафиксировано, что за истекший год 325 пакистанцев в окрестностях Лахора были низведены до подопытных существ. После чего им не оказали никакой медицинской помощи от инфекционных укусов москитов.

— Вас, профессор, обвиняют, — сказал я, — в сопричастности к изготовлению бактериологического оружия.

— Нет, мы занимаемся чистой наукой, — отмахнулся он. — Хотя теоретически наши эксперименты, конечно, можно использовать в целях ведения бактериологической войны.

ФАБРИКА ВИРУСНОЙ ВОЙНЫ

Незадолго до завершения моей беседы с директором ПМИЦ к нему в кабинет зашел его сослуживец— профессор Мэрилендского университета Ричард Сэкей, низкорослый, сухощавый человечек. На фоне его шефа он выглядел карликом. Поначалу Сэкей помалкивал, а под конец вежливым тоном пожурил меня:

— Вы относитесь к москитам с негативной предвзятостью. Это несправедливо. Они ничуть не хуже других насекомых и даже по-своему красивы.

Змеиная улыбка тонких губ на костистом аскетическом лице Сэкея показалась мне полубезумной. Уж не свихнулся ли он от поражающих мозг вурдалачьих поцелуев Аидес Эджипти?

— Было бы полезно,—продолжал Сэкей,—показать гостю фотоснимки наших наиболее замечательных москитов.

— Да, пожалуйста,—откликнулся Нэлин и посмотрел на ручные часы, намекая на то, что аудиенция окончена.

Сэкей вывел меня в коридор и проводил в комнату, заполненную канцелярскими шкафами. Порывшись в одном из них, профессор вручил мне дюжину цветных фотографий пучеглазых монстров с длинными присосками-рогами над щекастыми мерзкими рылами. Сладким голоском Сэкей сюсюкал:

— Видите, какие они милашки—пурпурные, серебристые, синенькие, вороные, малиновые.

— Где вы их содержите?

— Тут же на фабрике.

— На фабрике? Покажите ее. Ваш директор заверил, что у него нет от меня секретов.

— Тогда все отлично,— поддакнул Сэкей.—Вам надо избавиться от вульгарной предубежденности против москитов.

Вышли опять в коридор и оттуда попали в лабораторию, увешанную по стенам тысячекратно увеличенными снимками клеточных хромосом супермоскитов. За расставленными полукругом столами четверо безмолвных лаборантов сосредоточенно возились у микроскопов и миниатюрных скляночек. Посреди лаборатории на алюминиевой подставке стоял главный объект их мани-

пуляций — прозрачный сосуд с желтоватой жидкостью. Там под плотно прижатой крышкой бултыхались примерно сотни три комарных самок — летучих разносчиц вирусных эпидемий.

Следующий зал занимали массивные ящики неизвестных мне приборов, опутанных паутиной проводов. И далее — еще два обширных зала, где к потолку привинчены овальные баки с отводными трубками, а все прочее пространство забито стеллажами с тесными рядами банок и плоских мисок. Аппаратура потолочных баков, пояснил Сэкей, обеспечивает здесь точную регуляцию тепла и влажности для интенсивного размножения москитов в посудинах на стеллажах.

Он снял с полки банку, закупоренную сверху металлической сеткой. И сквозь нее я увидел плотную шевелящуюся кучу комарья, снабжающего «фабрику», как выразился Сэкей, личинками-яйцами отборных москитов. Их подрастающих детенышей он продемонстрировал в плоской миске, где они лихорадочно сновали в болотно-мутной лужице.

— Каждая самка нашей фабрики, — прокомментировал горделиво профессор, — рожает за день 120 москитиков. Наша суммарная производительность — 20 тысяч москитов в сутки.

Зачем такая рекордная производительность? Увиденные мною лаборанты вряд ли успевают обработать за день отобранные ими три сотни насекомых. Остальных, как видно, перебрасывают отсюда на карибские диверсионные базы ЦРУ близ Кубы.

Осмотр фабрики ПМИЦ вызвал у меня нервно-чесоточный зуд по телу и натолкнул в заключение полюбопытствовать:

— Коли вы, профессор, экспериментируете со смертельно опасными вирусами, то обнаружили, быть может, действенные способы вылечиться от желтой лихорадки, гепатита, бактериологических мозговых заболеваний?

— Нет таких лекарств! — воскликнул ликующе Сэкей. — В этом медицина бессильна.

Кто же он и его начальники — умалишенные садисты? Но ведь духовно сродни им как бы психически нормальный американский профессор Самуел Кон, который сконструировал нейтронную бомбу для превра-

щения Западной Европы в безжизненный плацдарм Пентагона. И таков же американский профессор Эдвард Теллер, «отец водородной бомбы», призывающий испепелить термоядерным градом социалистические страны. Все эти профессора, однако, не сумасшедшие с медицинской точки зрения. Они военные преступники.

Из москитного питомника я выбрался снова на улицу Бердвуд и поразился невольно ее безмятежному спокойствию. Под щедрым солнцем зеленели пышные кроны деревьев. Звонко чирикали птицы. На трехколесной автоколяске проехал моторикша. Навстречу мне по тротуару шагала женщина, держа за руку мальчугана. Вывернул из-за угла автобус и высадил стайку весело галдевших девушек и юношей. Потом неспешно прокатил велосипедист. И никто не обернулся туда, откуда я вышел, никто не знал, что там происходит.

Мудрый наказ завещал нам Юлиус Фучик: «Люди, будьте бдительны!».

ОТРАВИТЕЛИ ИЗ ФОРТ-ДЕТРИКА

Репортаж «Литературной газеты» из комариного питомника ЦРУ в Лахоре получил впоследствии широкий международный резонанс. Было много одобрительных откликов в печати Индии и особенно Кубы, чьи ученые-биологи уже неоднократно уличали ЦРУ в преступном распылении с американских самолетов-лазутчиков над кубинскими приморскими районами разносчиков эпидемий — москитов Аидес Эджипти.

А в Пакистане тамошние власти приказали полиции допросить комариного профессора Дэвида Нэлина и поспешно выслали из страны оскандалившегося янки. Он же в ответ с помощью газеты «Нью-Йорк таймс» принялся яростно бранить и пакистанцев и советскую печать. Все это, вместе взятое, детонировало словесный обстрел «Литературной газеты» западными радиостанциями и ведущими американскими, британскими, французскими газетами. В итоге возникла необходимость документально указать зарубежным оппонентам, что лахорские эксперименты ЦРУ — явление отнюдь не единичное, не случайное, не периферийное.

...Еще находясь в Соединенных Штатах, я частенько посещал вашингтонскую организацию «Американские граждане за честное правительство». Несбыточный девиз объединил добропорядочных простаков, которые сумели, однако, выявить некоторые бесчестные аферы правящей элиты. Однажды активистка этой организации Сюзен Тейлор ознакомила меня с добытой из государственных архивов депешей штаб-квартире ЦРУ от ее шпиона-резидента в африканской Танзании. Вот эта анекдотически незаурядная депеша:

«Мы двояко отрабатываем поставленную задачу доставки вам желчного пузыря танганьикского крокодила. Первый вариант: поручить одному из наших агентов выследить, поймать, выпотрошить туземного крокодила и затем доставить его желчный пузырь и прочие ядовитые внутренности в Соединенные Штаты. Второй вариант: выловить крокодила и живьем привезти в США. Двое наших людей составят по рецептам здешних шаманов детальную инструкцию, как изготовить яд. Они также могут обеспечить дополнительную информацию об изготовлении других ядов из внутренностей пресмыкающихся».

Дурацкий розыгрыш? Ничего подобного. На документе — подлинный штемпель ЦРУ и дата: 7 февраля 1962 года. А второй показанный мне документ ЦРУ был помечен 1966 годом и резюмировал рапорт полковника ЦРУ Дж. С. Кинга о его успешной экспедиции в джунгли Амазонки за ботаническим ядовитым веществом «хондодендрон токсикоферум». Из Латинской Америки ЦРУ импортировало также яд кураре и «венесуэльский конский энцефалит». С Аляски заполучило сильнейшее бактериологическое оружие — «устричный токсин»: его десять граммов при распылении над населенной территорией мгновенно убивают 14 тысяч человек. Все перечисленные адские боеприпасы хранились в бункере № 459 арсенала Форт-Детрик в штате Мэриленд.

Уже сорок лет армейский городок Форт-Детрик отгорожен от внешнего мира многорядным проволочным оцеплением и круглосуточными постами стражи. Внутрь допускают лишь избранных военнослужащих и сотрудников ЦРУ по спецпропускам и только при наличии

медицинских сертификатов о 20 различных прививках против черной оспы, бубонной чумы, тропических лихорадок, сибирской язвы и всевозможных смертельных инфекций, которые апробировали тут долгие годы биохимики вашингтонской разведки и Пентагона.

Трое ядопоклонников умерли от сибирской язвы. На старте 50-х годов в разгар корейской войны отравители из Форт-Детрика уморили десятки отданных им подопытных пленных. В 1955 году они свели в гроб дюжину американцев из Флориды, испытывая там на своем полигоне бациллы коклюша. В 60-х и 70-х годах они распыляли над странами Индокитая и над Кубой бактериологическую потраву посевов. А теперь, как объявил центральный комитет профсоюзов Сальвадора, районы дислокации сальвадорских повстанцев подвергаются американским порошковым авиабомбежкам геморроидического конъюнктивита.

37 видов бактериологического оружия изобрели в Форт-Детрике ученые бесы из лаборатории в бункере 459. Ею заведовал начальник отдела технического обслуживания ЦРУ биохимик д-р Сидней Готтлиб. Этого засекреченного злодея позволили журналистам увидеть мельком единственный раз в 1977 году, когда его вызвали в сенатскую комиссию по расследованию беззаконных акций ЦРУ. Внешне казался Готтлиб вполне респектабельным: седой, элегантно одетый, пьющий, как он изрек, исключительно одно молоко. Походя он заметил, что имеет невинное хобби — изучает хореографию старинных народных танцев. Но в сенате его расспрашивали, обещав наперед не наказывать, о том, какими способами ЦРУ собиралось отравить Фиделя Кастро и Патриса Лумумбу.

Опрос Готтлиба установил: трижды ЦРУ пыталось подослать к Фиделю Кастро визитеров с «дружескими подарками» — начиненными токсином ботулина сигарами, пропитанным бациллами туберкулеза костюмом аквалангиста, стреляющей ядом «черный лист» авторучкой. А для убийства Лумумбы, как сказал Готтлиб, он изготовил в Форт-Детрике бактериологический яд «по африканской рецептуре» и с ним лично прибыл в Конго, но к тому времени тамошние агенты ЦРУ уже успели подстроить кровавую физическую расправу с ненавистным им вождем конголезцев. И тогда Готтлиб отыграл-

ся на другой жертве ЦРУ: послал под видом презента в Багдад одному иракскому военачальнику набор шелковых носовых платков, пропитанных бациллами бруцеллеза...

Сенатская индульгенция Готтлибу настолько взбодрила его помощника Чарльза Сенсени, что он, входя в переполненный вашингтонской публикой Капитолийский зал разбирательства злодеяний ЦРУ, цинично иронизировал:

— Достаточно одной щепотки моего снадобья, чтобы угробить здесь всех сенаторов, их клерков, полицейских и зрителей, включая сотню журналистов!

А на первый взгляд и Сенсени тоже выглядел безвредным: улыбчивый очкастый коротышка, лысый, толстощекий и пузатый, облаченный в шутовской клетчатый пиджак. Но стоило ему раскрыть рот, и зал застыл от ужаса. Сенсени невозмутимо рассказывал, как запросто он, обронив неприметно щепоть биологической отравы в метро на рельсы перед приближающимся поездом, может вызвать разнос инфекции по множеству подземных станций огромного города. Или может, проткнув магистральную водопроводную трубу, впрыснуть яд, который загубит десятки тысяч жизней. Или ради того же может рассыпать свою отраву на шоссе с насыщенным автодвижением.

— Я главный инженер экзотического оружия для поражения мишеней отравляющими веществами, — бахвалился Сенсени.

Он сконструировал стреляющие зарядами «устричного токсина» авторучки, зонты, трости и бесшумные пистолеты с оптическим прицелом. Таких пистолетов, как откровенничал Сенсени, «ЦРУ заказало пятьдесят штук и применяло их оперативно». То есть использовало для политических покушений за границей.

НОВОСЕЛЬЕ СИБИРСКОЙ ЯЗВЫ

Воспроизведем внутрислужебный меморандум ЦРУ, озаглавленный «План на чрезвычайный случай относительно склада микроорганизмов биологической войны». Этот документ датирован 16 февраля 1970 года. Упомянутые в нем токсины в отличие от микроорганизмов

неспособны к воспроизводству. При переводе документа на русский язык малозначительные подробности опущены:

«Директору ЦРУ.

25 ноября 1969 года президент Никсон приказал министерству обороны заготовить проект ликвидации существующего запаса бактериологического оружия. (К этому он добавил 14 февраля 1970 года все токсинное оружие).

По существующему соглашению с министерством обороны ЦРУ владеет ограниченным количеством биологических микроорганизмов и токсинов, хранимых в отделе специальных операций в Форт-Детрике. Этот запас не включен в общий список инвентаризации. Имеются следующие микроорганизмы и токсины: сибирская язва, туляремия, венесуэльский конский энцефалит, кокцидиозная гранулема, бруцеллез, туберкулез, салмонелла тифимуриум (пищевой яд), оспа, стафилококковый энтеротоксин (пищевой яд), клостридиум ботулин типа А (смертельный пищевой яд), параличный устричный яд, крейт (смертельный змеиный яд), кишечный грипп, токсиферин (парализующее средство).

В случае решения министерства обороны ликвидировать нынешний запас бактериологического оружия не исключено, что даже ограниченный арсенал ЦРУ будет уничтожен. Если директор ЦРУ желает сохранить этот особый резерв, то рекомендуем на случай вышеуказанного решения министерства обороны перебазировать существующий запас ЦРУ в Хантингдонский исследовательский центр фирмы Бектон-Дикинсон в Балтиморе, штат Мэриленд. Для этого уже достигнута договоренность с потенциальным партнером и получена от него гарантия о надзоре за арсеналом ЦРУ с выплатой подрядчику не более 75 тысяч долларов ежегодно.

Заместитель директора ЦРУ по планированию Томас Карамессинес».

Вот чем обернулась в ту пору всемирно громогласная декларация правительства США о присоединении к международному запрету бактериологического оружия! Лишь пять лет спустя прояснилось, что в 1970 году директор ЦРУ Хелмс, его заместитель Карамессинес и

главный их алхимик-отравитель Готтлиб условились втихую перепрятать свои яды по разным тайникам. Помимо конспиративной аренды склада у балтиморской фирмы, Готтлиб оборудовал в Балтиморе новую лабораторию, где соорудили агрегат под названием «Биоген», обеспечивающий массовое производство микровозбудителей эпидемий. Об этом документальные улики раздобыли мои знакомые из организации «Американцы за честное правительство».

До лета 1975 года ЦРУ имело в принадлежащем ему вашингтонском здании рядом с государственным департаментом США еще одну лабораторию и склад «устричного яда», стрихнина, яда кобры и токсинов, поражающих мозг, почки, кровеносные сосуды. Всего там хранилось 19 разновидностей отравляющих веществ. Ими распоряжались трое подручных Готтлиба во главе с завербованным ЦРУ доктором Натаном Гордоном. Он, уйдя на пенсию, разболтал сенсационный секрет: одновременно с перевозкой ядов ЦРУ из Форт-Детрика оттуда же почти все бактериологические боеприпасы армии США были вместо их ликвидации переданы мэрилендскому военному арсеналу Иджвуд! Причем данную операцию конфиденциально санкционировал... Белый дом. И потому осенью 1975 года официальный представитель Пентагона преспокойно признал:

— Эксперименты с токсинами проводятся в Иджвуде с 1970 года и эффективно продолжаются.

СЕКРЕТЫ АРСЕНАЛА ИДЖВУД

Арсенал Иджвуд — двойник близлежащего Форт-Детрика: армейские бункеры и испытательный полигон ощетинились колючей проволокой и вооруженной охраной. Среди двухсот биохимиков арсенала и 4700 военно-технических сотрудников насчитывается полтысячи пострадавших от инфекционных заболеваний. В морской бухте, примыкающей к территории арсенала, передохла рыба от сосредоточенных в Иджвуде бактериологических токсинов. К здешним рискованным экспериментам, по сведениям газеты «Вашингтон пост», издавна причастен факультет Мэрилендского университета, именуемый «медицинской школой». Это та самая «медшкола», ко-

торая непосредственно руководит в далеком Лахоре «Пакистанским исследовательским центром».

Д-р Джеральд Кли из «медшколы» Мэрилендского университета бахвалится нынче в открытую, как он по заявке ЦРУ извлек токсинную субстанцию из кактусов, марихуаны и ядовитых мексиканских грибов. Его университетский коллега фармаколог Джон Крантц получил от ЦРУ щедрое долларовое вознаграждение за изобретенный им препарат для воздействия на кровообращение человеческого организма. А профессор медицины Мэрилендского университета Ричард Хорник три года занимался тем, что испытывал на тюремных узниках микродозы холеры, тифа, гриппа, дизентерии, малярии. Возьмите на заметку малярию! Ибо в 1979 году, когда пакостные дела Хорника вызвали скандал в прессе, он заявил, что прекращенные опыты переносятся впредь «в другие страны». В том же году облюбованная ЦРУ «медшкола» командировала комариного профессора Нэлина в Лахор. Вскоре в окрестных деревнях сотни несведущих бедняков за грошовую мзду стали его подопытными существами.

Накануне отбытия Нэлина в Пакистан нью-йоркский журнал «Нью таймс» сообщил, ссылаясь на высказывания офицеров американской разведки, что «некоторые университеты США» интересуются влиянием биохимических «фермонов» на африканских комаров типа Аидес. На сей счет журнал процитировал наукообразный меморандум разведки:

«Можно использовать фермон таким манером, что насекомые слетятся в предназначенное место, например к вражескому лагерю. Второй фермон может возбудить у насекомых агрессивность и обратить их против воинской части, которая понесет в итоге ощутимый урон».

Так что следует воздать должное тем пакистанцам, которые прервали опасные манипуляции у них мэрилендского комароведа и прогнали его прочь.

Однако оруженосцы вирусной войны по-прежнему заняты своими подлыми делами. В упомянутом выше арсенале Иджвуда американские биологи по заданию Пентагона испытывают сейчас на собаках, кроликах, свиньях новейшие яды и газы, но предназначают их для истребления людей. Директор арсенала полковник Уол-

тер Кэстенмейер расхваливает порученные ему «биологические исследования оборонного предназначения». Тем временем в Англии тридцать вирусологов в лаборатории британского «Микробиологического отдела обороны» создают токсины массового уничтожения под руководством профессоров бактериологии и химии Лоутера, Гардинера, О'Грэди. Не унимаются и убийцы из ЦРУ: они нынче, как разболтала недавно газета «Вашингтон пост», взяли на вооружение «черных африканских мух, жалящих смертельным ядом».

У врагов мира и прогресса их империалистическая цель всегда оправдывает средства ее достижения, будь то эпидемии чумы, тифа, холеры, энцефалита или шантаж пустить в ход химические газы.

ГЛАВА VI

АЛАБАМСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

На крайнем юге Алабамы вблизи Мексиканского залива дремлет на солнцепеке тихий одноэтажный городишко Этмор. Вокруг — распаханные поля да зеленые рощи. Городские дома прячутся в тени сосен и пальм. Под окнами на газонах стриженая травка, алые гвоздики, белые цветы магнолий. И под стать этому фону и обитатели Этмора выглядят тоже приветливыми, добродушными провинциалами. Но есть у них, увы, традиционное алабамское хобби: вооруженная охота, как они выражаются, «на черномазых».

В пяти милях к северу от города — две большие тюрьмы, набитые до предела заключенными-неграми. Их здесь так истязают, что при малейшей возможности они бегут, и тогда в погоню за ними бросаются толпы белых с ружьями, веревками и сворами псов. Это типично алабамское зрелище я сам наблюдал в Этморе.

К вечеру того дня двух беглецов-негров выследили, схватили, избили до полусмерти и бросили опять за решетку. А в награду наиболее усердным ловцам, как тут издавна заведено, их имена объявили на первой странице местной газеты «Этмор эдванс». Редактор Данни Льюис, улыбчивый, говорливый толстяк, сказал мне, не скрывая своего возбуждения:

— Скоро у нас будет сенсация похлеще. Меня уже пригласили в тюрьму «Холмен» присутствовать при казни на электрическом стуле.

Была назначена казнь Джонни Харриса — американского негра, борца за расовое равноправие. Его трагическая судьба взволновала весь мир. Люди из разных

стран добивались спасения Харриса. А в Соединенных Штатах группа прогрессивных общественных деятелей и юристов обратилась к известному адвокату Уильяму Аллисону с просьбой взять на себя защиту Харриса. С Аллисоном я поддерживал почти ежедневно телефонную связь, когда судебное дело Харриса заново слушалось в алабамском городе Бирмингэме. Туда советским журналистам въезд был закрыт. Вдобавок местные газеты буквально задыхались от ругани по адресу советской печати, которая «осмелилась» выразить свое сочувствие Харрису. Зато адвокат Аллисон выражал неоднократно признательность советским людям и просил не оставлять Харриса на произвол алабамских линчевателей, против которых он, Аллисон, выступал на протяжении трех недель в зале окружного суда Бирмингэма.

«СТРЕЛЯЙТЕ В НИХ ИЗ ПУЛЕМЕТОВ»

— После долгих хлопот, петиций, судебных апелляций и споров с властями поначалу удалось заставить их публично пересмотреть лживые обвинения против Харриса, — рассказывает адвокат Аллисон. — Это стало возможным благодаря международной кампании в поддержку Джонни Харриса, чье дело тянется с 1970 года. В ту пору Джонни, молодой рабочий парень, очутился на скамье подсудимых только потому, что смело бросил вызов белым расистам — поселился с женой в бирмингэмском квартале, прежде закрытом для негров. Белые соседи стали его травить: по ночам бросали в окна бутылки с кислотой, крошили стекла средь бела дня булыжниками, демонстративно швыряли разный мусор под ноги его жене, грозили обоих прикончить. Затем включились в дело полицейские. Многие из них состояли в ку-клукс-клане. Они подговорили белых, живущих по соседству с Джонни, оклеветать его и арестовать как грабителя и насильника. Такая расправа над строптивыми неграми широко практикуется в Алабаме...

Однажды, говорил мне Аллисон, напуганная жена Харриса пряталась в доме родственников, а Джонни пришлось ночевать в негритянском квартале у друзей. Утром он отправился на квартиру, но по дороге на него напали полицейские, заковали в наручники и отвели в

тюрьму. Там ему предъявили обвинение: ночное ограбление белых соседей и покушение на честь белой женщины. Он протестовал, требовал вызвать друзей, чьи показания доказали бы его алиби. Свидетелей не пожелали вызвать ни полицейские, ни прокуроры, ни судьи, ни адвокат, назначенный по воле властей. Харрис добивался замены адвоката, но тщетно. Лишь восемь лет спустя на заседании бирмингэмского суда он смог, наконец, уличить вершителей здешнего правосудия:

«Когда меня держали до суда в тюрьме,—заявил Харрис,—полицейские офицеры требовали, чтобы я признал сфабрикованные обвинения, иначе они грозились приписать мне еще больше преступлений. Я отвечал, что ни в чем не виновен и вызову на суд своих свидетелей, которые докажут мое алиби. Однако полицейские упорно твердили свое, а назначенный адвокат вовсе не появлялся до самого дня суда. В последний момент я назвал ему своих свидетелей и просил немедленно вызвать их. Адвокат сказал, что мои свидетели не нужны, так как никакого процесса, по сути дела, не будет, все заранее предрешено. А посему я должен выбрать: либо казнь на электрическом стуле, либо признание себя виновным и за это пожизненное тюремное заключение. Я упрашивал адвоката послать скорее за свидетелями. Он повторял: «Нет, нет и нет». Это происходило на глазах судьи. Но судья был заодно с адвокатом, прокурором, полицией. И я сдался, оговорив самого себя по их подсказке».

Теперь на судебном разбирательстве в Бирмингэме новый защитник Харриса заставил того бесчестного адвоката прийти с повинной. Разоблаченный, он от растерянности признался, что с ведома судьи уничтожил всю фальшивую «документацию» этого позорного дела. Сговор адвоката с судебными органами проанализировали находившиеся в Бирмингэме четыре маститых знатока американского судопроизводства—профессора юриспруденции и эксперты Дрю Редден, Ларри Якл, Миллер Фармер и Ральф Новлс. Их заключительный вывод: судилище 1970 года над Джонни Харрисом грубо нарушило закон и растоптало конституционные права обвиняемого, а потому его дело подлежит пересмотру в ходе нового процесса.

— Нужен фактически двойной пересмотр дела Джонни,— разъяснил мне Уильям Аллисон.— Находясь в тюрьме, Харрис активно участвовал в протестах заключенных против избиения надзирателями. Когда четыре года назад один из сокамерников Джонни был убит тюремщиками, узники тогда же расквитались с убийцей, и его смерть власти снова без всяких доказательств приписали моему подзащитному. На суде обвинитель Билл Баксли, генеральный прокурор Алабамы, потребовал казнить Харриса и добавил: «Начальнику тюрьмы полагалось бы еще раньше расстрелять из пулемета всех смутьянов-заключенных, включая Харриса». Точно такого же «мнения» придерживались и подобранные специально для суда над Джонни двенадцать белых присяжных заседателей. Вынесенный ими приговор гласил: казнь на электрическом стуле.

— Есть ли шансы на помилование?

— Сомневаюсь,— покачал головой Аллисон,— помиловать Харриса мог бы губернатор Алабамы Уоллес, но он отъявленный расист. На место губернатора метит оболгавший Харриса прокурор Баксли. А на теперешнем слушании дела Харриса в Бирмингэме председательствовал судья Джозеф Джеспер—тот самый, который первоначально обрек Джонни на пожизненное заключение. Остается одна надежда—на заступничество мировой демократической общественности...

Позже Аллисон переслал мне в Нью-Йорк личное письмо Джонни Харриса — тот просил корреспондента «Литературной газеты» приехать для свидания с ним в тюрьму «Холмен» возле городка Этмор. Тем временем судья Джеспер приказал тюремной администрации подготовиться к казни Харриса. И я спешно вылетел в Этмор.

ИНТЕРВЬЮ В ТЮРЬМЕ «ХОЛМЕН»

Предстояло преодолеть одно дополнительное препятствие: американские власти ввели для советских журналистов табу на все доступные из Нью-Йорка аэропорты Алабамы—и в Бирмингэме, и в Монтгомери, и в Мобиле. На мой запрос о транзитной пересадке с рейсового самолета на авиатакси в Мобиле, прямо на территории аэропорта, последовал категорический отказ. Что было

делать? Пришлось лететь кружным маршрутом — в Миссисипи, в город Меридиан, оттуда до Этмора двести километров.

Первый же встреченный мною этморский расист вел себя внешне корректно. Начальник тюрьмы «Холмен», Джо Оливер, моложавый мускулистый блондин, принял меня в своем служебном кабинете. Он сидел спиной к зарешеченному окну, за которым виднелась колючая проволока поверх железного забора, частокол стальных мачт с прожекторами и сторожевые вышки охраны. Справа от начальника тюрьмы на стене висела полутораметровая таблица текущего подсчета заключенных трех категорий. Первый разряд — «белые», второй — «черные», третий — «смертники». Мистер Оливер, судя по всему, чувствовал себя в этом зарешеченном мире уютно, как дома.

Показав ему письмо Джонни Харриса, я сказал, что, насколько мне известно, Харрис подавал официальное прошение о свидании с корреспондентом «Литературной газеты». О том же просил адвокат Харриса.

— Знаю, — буркнул в ответ Оливер. — Но свидания я не разрешу.

— Почему?

— Харрис — опасный смутьян.

— Что же он такого опасного делает?

— Пока ничего. Сидит в одиночке и считает дни до казни.

— Так чем же он опасен?

— Он проповедует вредные политические идеи. А я не позволю из моей тюрьмы распространять подрывную красную пропаганду.

— Вы допускали к нему американских репортеров?

— Допускал благонадежных. Тех, которые раскусили черных агитаторов. И с телевидения парней допускал. А вас не пущу. Имею на это директиву моего начальства.

— Выходит, вы сами считаете Харриса не уголовным правонарушителем, а политическим заключенным.

— Что бы я ни считал, — огрызнулся Оливер, — Харриса мы непременно казним, и чем быстрее, тем лучше.

— Но ведь обычно, — напомнил я, — удовлетворяют последние пожелания приговоренного к смерти. Если он

хочет с кем-либо повидаться, как же можно не разрешить?

— Хватит толковать об этом,— насупился начальник тюрьмы.— Не пытайтесь изображать из нас злодеев.

— Но мне рассказывали сведущие американцы,— возразил я,— что охранники вашей тюрьмы составили список политических заключенных-негров, подлежащих тайному уничтожению. Здесь у вас убили Джорджа Доббинса, Томми Дотсона, Фрэнка Мура. Верно это?

— Бунтовщики сами накликали на себя беду,— уклончиво ответил Оливер.— Харрис из той же шайки.

— А правда, что стражники избивают узников?

— Бьем по необходимости, когда усмиряем непокорных. Потом отправляем их в карцер на два месяца. Если наказанный не покается, накидываем еще пару месяцев, потом еще два, и так до окончательного исправления.

— Или смерти?

— Ничего подобного,— так весь и вскинулся Оливер.

Неожиданно он предложил:

— Знаете что, в камеру Харриса я вас не пущу, но карцеры покажу, никаких ужасов там нет.

РЯДОМ С ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СТУЛОМ

Из его кабинета я пошел вслед за начальником тюрьмы по лабиринту коридоров, перегороженных раздвижными стенами и решетками с узкими калитками на электронных запорах. В каждом отсеке Оливеру козыряли часовые. Карцерный бункер был разделен на тесные клетки. За ржавыми прутьями были видны фигуры людей. Казалось, их смуглые лица вылиняли, стали пепельного цвета. В могильной тишине заключенные угрюмо косились на Оливера. А он сказал мне:

— Вот видите, тут все в порядке. Никто не жалуется.

Я промолчал, и начальник тюрьмы, приняв мое молчание за согласие, решил отплатить мне любезностью:

— Хотите взглянуть на электрический стул?

Он взял меня за локоть, подвел к дверце в стене и с усмешкой расшаркался:

— Прошу зайти внутрь.

За порогом, в центре просторной комнаты, стоял металлический стул ядовито-желтой окраски. На прикрепленных к цементному полу ножках висели кожаные ремни. Такие же ремни свисали с подлокотников и со спинки стула. Спинку венчал блестящий шлем на проволочном штыре. Поперек сиденья, на подлокотниках лежала деревянная лопатка с надписью, сделанной черной краской: «Готово».

— Смотрите! — воскликнул Оливер. — Вот на этот стульчик мы и посадим его, привяжем крепко-накрепко ремнями, наденем ему на голову шлем и подадим в соседнюю комнату сигнал, что все готово.

Начальник тюрьмы схватил лопатку и подбежал к задней стене. Там на уровне глаз было застекленное отверстие такого же размера, как лопатка Оливера.

— В задней комнате палач включит рубильник. Палача я подберу лично из надзирателей. И сам прослежу за процедурой казни, а вместе со мной будут находиться приглашенные важные персоны. Чтобы не утомлять их долгим ожиданием, я распорядился поместить Харриса в камере смертников, это тут рядом...

— Где же эта камера?

— Ладно уж, покажу, — снизошел распалившийся Оливер, — но при условии, что вы не произнесете там ни слова.

Мы прошли еще шагов двадцать по коридору в сопровождении двух стражников и остановились перед входом в очередной отсек с десятком запертых клеток. И тут я громко крикнул:

— Где сидит Джонни Харрис?

В шести или семи метрах от меня между прутьями решетки высунулись две темнокожие руки. И прозвучал ответный крик:

— Я здесь. Кто ко мне пришел? Подойдите! Подойдите!

Мгновенно поднялся шум, узники-штрафники оглушительно застучали по решеткам, пронзительно засвистели, начали яростно бранить охранников. Начальник тюрьмы гаркнул подбежавшим стражникам: «В два счета выставить этого за ворота!» И через пять минут стоявшая у ворот автомашина повезла меня обратно в Этмор.

На следующий день газеты в Алабаме и в Нью-Йорке сообщили, что Харрису отказано в свидании с советским журналистом. Но еще важнее был такой утаенный ранее факт: 13 тысяч коллективных писем из-за границы с требованием освободить Джонни Харриса уже получены алабамскими властями. Значит, если каждый честный человек подаст свой голос в его защиту, быть может, удастся спасти Джонни Харриса от гибели.

СВИДАНИЕ В КАМЕРЕ

Спустя семь месяцев я прилетел из Нью-Йорка в Этмор.

— Отведите его в камеру и хорошенько обыщите! — приказал начальник тюрьмы двум охранникам и злобно ткнул в мою сторону крючковатым пальцем.

И вот повели меня опять по коридорному лабиринту через зарешеченные отсеки алабамской тюрьмы «Холмен». Первый раз я побывал тут накануне назначенной здешними властями казни Джонни Харриса, борца за права американских негров. Однако экзекуцию отложили по общеизвестной причине, которую неоднократно называл публично адвокат Харриса юрист Уильям Аллисон:

— Казнь Джонни временно отсрочена только благодаря эффективному заступничеству советской прессы и протестам тысяч рядовых граждан из многих зарубежных стран.

Свыше полугода Харрис из тюремного каземата смертников требовал свидания с представителями социалистической печати. Месяц за месяцем его здешние друзья передавали в нью-йоркский корпункт «Литературной газеты» записки от Харриса с просьбами добиться с ним встречи. О том же хлопотал неустанно адвокат Аллисон, но все понапрасну...

Как вдруг несколько ведущих сотрудников крупнейших американских газет, ссылаясь в открытую на вашингтонские власти, принялись навязчиво предлагать Аллисону и автору этих строк «заинтересоваться» делом некоего наймита западных разведок, осужденного в Москве за шпионаж и антисоветские провокации. И хотя я, естественно, открестился сразу от чуждой мне за-

теи, тем не менее столь же неожиданно получил официальное разрешение на свидание с Харрисом. Что было делать? Да, ехать, конечно, в Алабаму, пока там или в Вашингтоне не раскусили, что никакого проку им от меня не будет! И потому в алабамской тюрьме «Холмен» я лишь украдкой посмеивался, когда меня подвергли обыску и посадили под замок.

Продержали взаперти недолго. Снаружи вскоре раздался скрежет железных запоров, стальная тяжелая дверь со скрипом отворилась, и в камеру ввалились шестеро стражников, обступивших тесным кольцом высокого худого человека. Его руки были закованы в наручники. Изможденное костлявое лицо поражало странным цветом: ни темным, ни светлокожим, а каким-то мертвецки серым. Даже черные некогда глаза у него вроде бы совсем вылиняли, но смотрели на меня в упор с удивительно мужественной бодростью. Он сделал шаг мне навстречу, покачнулся, шагнул нетвердо еще раз и негромко промолвил:

— Спасибо советским людям за братскую поддержку. Жаль, что нет у меня возможности отблагодарить вас хоть чем-нибудь за вашу доброту и сердечность.

— Никакого вознаграждения нам, Джонни, вовсе не надо.

— Знаю, — сказал Харрис. — Знаю, что вы по-настоящему отстаиваете повсюду права простого люда. Без лицемерной лжи о защите прав, как это принято у нас в Америке.

Он с вызовом оглянулся на тюремщиков. Их старшина угрожающе приподнял в сжатом кулаке увесистую дубинку и молча вышел из камеры. За ним последовали остальные. Однако и после этого они продолжали следить за нами с Харрисом и слышали, несомненно, каждое наше слово. Камера насквозь просматривалась через овальные окошки во всех ее стенах. Под окошками безо всякой маскировки поблескивали металлические колпачки микрофонов. Но мой отважный собеседник продолжал возбужденно говорить о самом важном для него, о самом наболевшем и выстраданном:

— Даже в тюрьме мне в ожидании казни приходится постоянно выслушивать принудительные проповеди об уважении в США прав человека! — возмущался Харрис. — А я в ответ всегда повторяю: «Ваша ложь о пра-

вах — никчемный словесный мусор». Мне отказано в праве на жизнь. Другим политическим заключенным отказано в правосудии. А что на свободе получили бедные рабочие люди от деклараций наших властей о правах человека? Ровным счетом ничего! У нас в Алабаме вообще нет ни единой общественной группы трудящихся, которые хоть малость бы приобрели от правительственной демагогии о правах человека. Этот словесный мусор сейчас щедро разбрасывают из Вашингтона по всему миру и надеются таким манером одурачить несведущих иностранцев. Но я с радостью убедился, что советский народ так не обманешь! Если меня убьют, то передайте в Москву, что я перед смертью просил ваш народ по-прежнему помогать столь же бескорыстно всем безгласным жертвам беззакония, расизма и всяческой несправедливости.

— Не опасно ли тут произносить такое вслух? — встревожился я, указав ему на микрофоны в стенах камеры.

— Страхом они уже меня не пересилят, — ответил Харрис. — Накануне свидания с вами тюремщики мне угрожали: «Если будешь слишком много болтать, то вышибем тебе мозги». Ночью нагрянули ко мне в одиночку и пугали: «Забьем до смерти и объявим о твоем самоубийстве». Моих соседей по каземату смертников часто выволакивают из камер, уводят будто бы на допрос, а в действительности тащат их обычно в карцерный изолятор и там лупят без свидетелей до потери сознания. Все это я сполна испытал и поклялся разоблачить моих мучителей, как только представится случай рассказать о них правду. Сегодня для этого возникла первая и последняя, быть может, возможность.

БУНТ В КОНЦЛАГЕРЕ

Впервые встретившись с осужденным на казнь смельчаком, я пытался выяснить духовный источник его отваги — врожденная она у него или вызванная крайним отчаянием. Оба предположения оказались неверными.

— Еще в конце 60-х годов я приобщился к движению за гражданское равноправие, — вспоминал Харрис. — Жил тогда в Бирмингеме, был рабочим на метал-

лургическом предприятии. Трижды участвовал в уличных маршах против дискриминации алабамских негров. Но не был я ни организатором тех маршей, ни активистом борьбы с расизмом. Напрямую сразиться с расистами пришлось зато в 1970 году, когда мои родственники рискнули вместе со мной снять жилье в районе, где селились только белые. Они приняли нас в штыки: постоянно оскорбляли, швыряли камни в окна, подбрасывали нам анонимные записки с требованием убраться из их квартала. Дважды я получал письма от ку-клукс-клана: «Выметайся вон, черномазый, а то возьмемся за тебя и не пощадим твоих ублюдков». Я решил им не поддаваться, а вслед за тем меня внезапно арестовали местные полицейские, связанные, как потом оказалось, с одной из шаек ку-клукс-клана...

Дальнейшие злоключения Харриса описывались ранее в этом репортаже: его обвинили в покушении на честь белой женщины и припугнули «изжарить на электрическом стуле», коли он на суде опровергнет поклеп. И в итоге оклеветанный и затравленный негр по подсказке его преследователей оговорил сам себя, чтобы спастись от гибели. Его приговорили к пожизненному заключению и отконвоировали в тюрьму «Этмор». Она расположена на расстоянии мили от тюрьмы «Холмен», где сейчас заточен Харрис. По виду «Холмен» — неприступная крепостная цитадель, а «Этмор» — большой концлагерь: шеренги грязных приземистых бараков теснятся за колючей проволокой и угловыми сторожевыми вышками, на которых маячат вооруженные часовые. О пребывании Харриса в «Этморе» я услышал от него следующее:

— В той тюрьме сотни негров были, по сути, такими же рабами, как привезенные в Америку их предки. С рассвета до позднего вечера нас заставляли под охраной обрабатывать посевы на окрестных полях, а тех, кто заболел, ослаб или недостаточно усердствовал, били безжалостно надсмотрщики плетьми и палками. В 1972 году среди заключенных возникло тайное общество «Сопротивление за решеткой», и руководители этого кружка ухитрились передать на волю дюжину письменных жалоб, адресованных судебным учреждениям, прессе и законодательной ассамблее штата Алабама. Но все они хладнокровно игнорировали наши жалобы. И пото-

му мы устроили массовую забастовку протеста — отказались выполнять рабский труд. За это нас лишили пищи, заперли в бараках, а потом триста заключенных, заподозренных в подстрекательстве, увезли в другие концлагеря. Между тем более полусотни членов «Сопротивления за решеткой», включая меня, запихнули в «собачьи будки».

— Что это такое?

— «Собачья будка» — тюремный карцер, — разъяснил Харрис. — Там нет ни коек, ни матрацев или подстилок, ни табуреток. Нет совсем ничего, кроме дыры в полу вместо параши. В длину «собачья будка» — восемь шагов, в ширину — пять. А внутрь ее втолкнули со мною двадцать узников. Невозможно было прилечь хоть ненадолго. Мы задыхались, изнемогали, некоторые валились наземь в обмороке.

«СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗА РЕШЕТКОЙ»

— Однажды, — продолжал Харрис, — двери нашего и соседних карцеров распахнулись, и мы увидели в коридоре толпу стражников. Они вопили: «Кто зачинщик стачки — выходи вперед! Смерть ниггерам! Смерть революционерам!» Мы наверняка знали, что многим из нас в тот проклятый день 18 января 1974 года не избежать зверского линчевания.

— Откуда вы это знали?

— Кто-то выдал тюремщикам имена лидеров «Сопротивления за решеткой». А мы разведали, что с ведома начальника тюрьмы составлен секретный список наших предводителей, подлежащих умерщвлению под любым подвернувшимся предлогом.

— Вы значились в том списке?

— Нет. Но все равно нас всех довели до такого исступления, что мы кучей бросились с голыми руками на палачей, а они в смятении отступили из карцерного помещения. Мы успели пленить двух надзирателей и забаррикадировались в карцерном отсеке. Потом мы сообщили начальнику тюрьмы, что отпустим невредимыми пойманных нами мерзавцев, но требуем взамен срочно позвать сюда журналистов, священников и судейских чиновников, чтобы изложить им персонально наши

отвергнутые жалобы. Десять минут спустя грянули винтовочные залпы: через зарешеченные окна стражники расстреливали нас ураганным огнем.

— Были убитые?

— Двоих узников сразили наповал. Многих тяжело ранили. Затем каратели вломились в карцерный каземат и начали колотить нас прикладами, дубинками, сапогами. Приказали нам раздеться догола, встать на четвереньки, уткнуться лицами друг другу в ягодицы и скакать по кругу, лая по-собачьи. И снова били, пинали, стегали! Под градом ударов 60 моих товарищей судорожно корчились в лужах собственной крови. А троих моих друзей — Джорджа Доббинса, Фрэнка Мура, Томми Дотсона — связали, вывели из карцера и прикончили. Все трое являлись лидерами «Сопротивления за решеткой». Они были заранее занесены в секретный тюремный список подлежащих уничтожению.

— Убийц впоследствии покарали?

— Наоборот, их изобразили героями на страже алабамских законов, — горько проговорил Харрис. — А выживших руководителей «Сопротивления за решеткой» и с ними меня отдали под суд. На нас переложили вину за мятеж и за гибель одного из плененных нами надзирателей, которого нашли мертвым после пальбы его осатанелых сослуживцев по всем без разбора в нашем карцере. На суде мою участь решили специально отобранные присяжные заседатели — все до единого белые алабамцы. Приговор гласил: казнить на электрическом стуле.

— Почему только вам вынесли смертный приговор?

— На этом настоял генеральный прокурор штата Уильям Баксли. Он добивался казни всех вожаков «Сопротивления за решеткой» и хотел ради этого обвинить их скопом в расправе над погибшим надзирателем. Однако у Баксли не было никаких улик против моих сокамерников. Поэтому прокурор конфиденциально предложил мне с глазу на глаз подлую сделку: он гарантировал мне снисходительный приговор, если я публично на суде совру, что мои тюремные друзья — убийцы. Когда я отверг гнусную приманку прокурора, он мстительно изрек: «Прощай, мертвец». А я ему вдогон-

ку: «Можешь убить меня, душегуб, но больше на колени не поставишь!».

Так в разговоре с Джонни Харрисом целиком прояснилось, каким образом рабочий негритянский парень наперекор трагически жестокой судьбе обрел постепенно бесстрашие и благородство закаленного борца за права человека в Америке.

«РАССКАЖИ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ»

Тяжкие испытания выковали у Харриса присущее пролетариям характерное качество — классовое стремление к спайке со всеми соратниками по борьбе за освобождение американских политических заключенных. Об этом он успел торопливо написать несколько слов на принесенной мной его фотографии, которую с автографом Харриса удалось вынести из тюрьмы для публикации в «Литературной газете».

Джонни Харрис написал:

«Чтобы добиться справедливости, мы должны быть стойкими. Чтобы приобрести стойкость, нам надо объединиться. Если мы объединимся, то все вместе сможем достигнуть свободы, справедливости и равенства».

Пряча незаметно тот листок, я спросил Харриса:

— Какая участь постигла оставшихся в живых вожаков «Сопротивления за решеткой»?

— Их рассовали, — сказал он, — по разным тюрьмам, включая «Холмен».

— Организация, выходит, распалась?

— Нет, она существует, — возразил Харрис, — но отныне глубоко законспирирована. Тюремщики по-старому охотятся за участниками «Сопротивления», стараются их выявить с помощью осведомителей среди слабовольных или трусливых заключенных. Если кого-либо заподозрят в принадлежности к «Сопротивлению», то приписывают ему «революционное бунтарство» и бросают в карцер на шесть месяцев. А дальше накидывают ему новый тюремный срок, держат под круглосуточной слежкой, отделяют от прочих узников и стараются подтолкнуть обреченного на неосторожный поступок, чтобы вовсе перевести его в смертники. Однако даже в каземате смертников, где нас в одиночку гноят в запертых

клетках, произошла недавно организованная нами голодовка протеста.

— Что вызвало голодовку?

— Бесчинства надзирателей. Они стараются сломить нас духовно еще до казни и тем самым идейно обезоружить тех, кто в тюрьме с нами солидарен. Крамолу в каземате смертников искореняют стражники своим традиционным способом — бьют нас и унижают. На протяжении двух последних месяцев охранники измордовали троих моих соседей по камере столь изуверски, что избитые ни говорить, ни есть не могли. Да есть и без того, впрочем, часто нечего: нам тут в пищу обычно швыряют песок, тараканов, вонючие отбросы...

Больше Харрис не смог ничего добавить: в камеру вернулись за ним тюремщики. Он отпрянул от них, приблизился ко мне вплотную, прижался неловко щекою к моему плечу, и я инстинктивно его обнял, но в тот же миг его рванули назад за скованные руки. Он на секунду вывернулся и цепко схватил закованными руками отданный мною ему в подарок фотоальбом со снимками улиц и площадей Москвы. Но и альбом у него бесцеремонно вырвали и быстро потащили Харриса прочь из камеры. Дверь захлопнулась.

Выждав пару минут, я подошел к закрытой двери и попробовал ее приоткрыть. Обнаружил, что она не заперта. Переступил через порог и увидел в коридоре незабываемо тягостную сцену: у меня под ногами валялась жалкая тюремная одежонка Харриса, а сам он стоял полуголый совсем рядом, отброшенный к стене кулаками здоровенных стражников.

Первым заметив меня, Харрис крикнул: «Расскажи об этом тоже советским людям!». Стражники обернулись ко мне. Как сейчас вижу их потные, перекошенные от ненависти физиономии. И страдальческое матовое лицо истерзанного узника. И полутемный коридорный туннель к каземату смертников, куда утащили поспешно Джонни Харриса.

Выйдя из тюрьмы, я наткнулся у ее ворот на поджидавших меня двух алабамских коллег — издателя и главного редактора городской газеты в Этморе. Издатель Моррисет, почтенный с виду пожилой джентльмен, пошутил с игривостью цивилизованного каннибала:

— Надеюсь, посетите нас заново, когда состоится наконец казнь Харриса?

Хотелось в ответ послать его по-русски в надлежащее место, но настроение у меня было такое подавленное, что не стал я затевать с ним бесполезную перебранку. И только на следующий день, прилетев в Нью-Йорк, я понял зловещий подтекст людоедской шутки алабамского издателя: газеты сообщили об отказе высшего апелляционного суда Алабамы пересмотреть приговор Харриса к смертной казни.

— Жизнь Джонни, к сожалению, опять висит на волоске, — подтвердил по телефону его адвокат Аллисон. — Я составил новую судебную апелляцию, но убежден, как прежде, что спасти Харриса от расправы может только развернутая по советской инициативе широкая международная кампания в его защиту.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЫТКА

Вернувшись из командировки в США, я работал опять в Москве, когда мне пришло письмо от Аллисона:

«Надеюсь, что вы не забыли меня. Я адвокат Джонни Харриса. Вы, быть может, помните, как после вашего тюремного свидания с Джонни в Алабаме я навестил вас в Нью-Йорке. Там недавно я снова пытался вас разыскать, но безрезультатно. Тем не менее советские представители в Нью-Йорке дали мне ваш московский адрес. Вынужден сообщить вам дурную новость. Вслед за вашим отъездом из США мы добились от суда пересмотра дела Джонни и отмены смертного приговора, но два месяца назад состоялся новый суд над Джонни, и присяжные, подобранные только из белых, заново приговорили его к казни. У всех пытавшихся спасти Джонни ныне траурное настроение. Однако у нас есть надежда на то, что ваша газета поможет оповестить мировую общественность о произошедшем здесь грубом попрании прав человека. Джонни и его защитники всегда будут помнить ваши выступления в нашу поддержку».

Вскоре я получил добавочные сведения из Алабамы. Как выяснилось, поначалу Аллисону удалось добиться через суд временной отмены смертного приговора его подзащитному благодаря сенсационным показа-

ниям белого алабамца по имени Джесси Джет. Этот мелкий уголовник отбывал наказание в тюрьме «Этмор», когда там взбунтовались в 1974 году узники-негры, был убит один надзиратель, а троих темнокожих заключенных линчевали разъяренные тюремщики. В тех кровавых событиях никак не участвовали белые заключенные, включая и Джесси Джета. Но зато он видел, как тогдашний начальник тюрьмы «Этмор» расист Мэрион Хардинг и свора подчиненных ему карателей застрелили лидера негритянского «Сопротивления за решеткой» Джорджа Доббинса и повесили его друга Фрэнка Мура. Кроме того, Джет видел, что Джонни Харрис не убивал плененного его товарищами белого надзирателя, которого сами стражники тюрьмы подстрелили в неразберихе при подавлении ими мятежа.

В свою очередь, убийцы тоже знали, что Джет — очевидец их злодейств. И чтобы избавиться от него, они подстроили ему побег из тюрьмы и даже предоставили автомобиль, потребовав от Джета никогда больше не возвращаться в их штат. На прощание они пригрозили, что угробят и его, если он осмелится заново оказаться в Алабаме.

Лишь четыре года спустя полиция штата Огайо, арестовав беглеца Джета, отправила его обратно в алабамскую тюрьму «Этмор». В ней однажды вооруженный охранник, выведя Джета за тюремные ворота, приказал подконвойному идти вперед, не оборачиваясь, а тем временем выстрелил в него. Джет чудом остался жив: тюремщик промахнулся. Не дожидаясь повторной попытки убийства, Джет экстренно обратился к окружному суду Алабамы, умоляя спасти его от неминуемой расправы за то, что он способен разоблачить тюремщиков-убийц и доказать невиновность Джонни Харриса. Джет письменно засвидетельствовал:

«Не убивал Джонни Харрис никакого надзирателя. В день мятежа Харрис отсиживался внутри камеры. У него я не видел ножа или какого-либо иного оружия».

Об этой апелляции Джета узнал адвокат Аллисон, узнали негритянские общественные деятели, узнали многие честные американцы. И вынудили псевдоправосудие Алабамы назначить пересмотр ложных обвинений против Харриса. Новый суд состоялся в алабамском городке Бей-Минитт. Туда съехались десятки борцов за

права человека в Соединенных Штатах. На площади перед зданием суда демонстрировали предводители негритянских организаций, белые правозащитники из Нью-Йорка, священники, домохозяйки, студенты. Они выставили на шестах плакаты с лозунгом: «Прекратить тюремное линчевание Джонни Харриса!».

Харриса привезли на суд закованным в кандалы. Его плотно окружали вооруженные полицейские. Они оцепили также зал суда и блокировали все двери. Руководить процессом был уполномочен алабамский судья, белый расист, приговоривший в прошлом Харриса к казни на электрическом стуле. Обвинение подсудимого заготовил прокурор Джон Янг, покаравший прежде с жесточайшим садизмом всех соучастников бунта в тюрьме «Этмор». А главным свидетелем обвинения прокуратура выдвинула экс-директора тюрьмы «Этмор» Хардинга, убийцу сокамерников Харриса и теперешнего начальника полиции в алабамском городе Эуберн. И, наконец, участь жертвы алабамского расизма предрешили тем, что все до единого двенадцать присяжных заседателей были белые. Они игнорировали показания Джесси Джета, обращенные к их совести речи адвоката Аллисона, клятвенные заверения Джонни Харриса: «Я никого не убивал!». Их приговор был по-старому безжалостен — казнить Харриса на электрическом стуле.

Присутствовавший на позорном судилище исполнительный секретарь «Сообщества против расизма и политических репрессий в США» Фрэнк Чэпмен заявил журналистам:

— Приговор Харрису — это надругательство над правосудием. Все обвинения против Харриса с начала до конца были сфабрикованы расистами. Они стремятся уничтожить борца за гражданские права. У нас в стране немало подобных политических заключенных, страдающих за порицание расизма и за проповедь равноправия для всех американцев.

Теперь жизнь и смерть Харриса зависят от предстоящего решения алабамского судьи о дате казни.

Между тем алабамская газета «Бирмингэм постгеральд» поместила следующее интервью с Джонни Харрисом:

«Харрис утверждает, что все равно не капитулирует. Он говорит: «Я ни в чем абсолютно не виновен».

Ему сочувствуют некоторые люди, включая журналистов из Советского Союза. И все же Харрис влачит существование в камере смертников тюрьмы «Холмен». Харрис признается: «Да, мне приходится туго. Сидя в камере смертников, помнишь постоянно об электрическом стуле. О нем не требуется мне напоминать. Быть здесь смертником — этого уже достаточно». В тюрьме «Холмен» Харрис не видит из своей камеры соседней комнаты с электрическим стулом. Но Харрис знает, что тот стул совсем рядом. Харрис думает об этом каждый день. И даже по ночам. И это снится ему. И он ждет».

Электрический стул, как видим, стал в Америке не только орудием казни, но и психических изощренных пыток политзаключенных.

ГЛАВА VII

БОМБОПОКЛОННИКИ

В сотне миль к востоку от Сан-Франциско есть округ Калаверас, где ежегодно устраивают на потеху туристам лягушачьи скачки с тотализатором. Этот традиционный местный аттракцион описан еще Марком Твеном в его юмористическом рассказе «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Теперь каждое лето азартные лягушатники из Сан-Франциско отправляются в Калаверас, а по дороге туда делают обычно на полпути короткий привал в глухом провинциальном городишке Ливермор. Там рейсовый автобус останавливается на пыльной площади перед двухэтажным зданием муниципалитета.

Остальные городские дома Ливермора почти сплошь одноэтажные и на редкость уныло однообразные, под стать окрестному ландшафту — голым пологим холмам, выжженным палящим солнцем. Никаких заманчивых развлечений тут нет. И все же была у меня особая причина сойти с автобуса в Ливерморе и провести в том городе целый день!..

С первых шагов по тихим улицам Ливермора испытываешь щемяще тревожное предчувствие беды. А между тем вокруг все спокойно, мирно, буднично. Вот на бензозаправочной станции двое мужчин копошатся возле неисправного старого автомобиля. Вот рядом с муниципалитетом вышла из соседней лавки домохозяйка с пакетом снеди. Вот чуть в стороне на пустыре носятся за мячом шумливые мальчишки. Вот дальше по улице встречаешь нескольких прохожих. А мимо едут легковые автомашины, сельские пикапы, грузовые автофургоны. О чем, казалось бы, тревожиться?

Но в любое мгновение город может умереть. Уцелеют только дома, лавки и автомобили. А водители, дети на пустыре, уличные прохожие, прочие горожане превратятся в пару секунд в бездыханные трупы, если вдруг поразит Ливермор грозящая ему молниеносная катастрофа.

Поблизости от города змеится длинный извилистый овраг. От него отходит к Ливермору расщелина с десятками боковых канав. Овраг тянется до Сан-Франциско и повсюду известен в Калифорнии под именем Сан-Андрес. Его расщелина у Ливермора тоже имеет название — Хайворд. Сан-Андрес и Хайворд постоянно меняют свою земную форму и приводят в движение паучью сеть мелких канавных отростков. Их судорожные конвульсии — верный признак приближения очередного землетрясения в Калифорнии. В 1906 году Сан-Андрес критически сузился, и вслед за тем подземная стихия полностью разрушила Сан-Франциско. Когда происходит сближение овражных краев Сан-Андреса, американские сейсмологи ожидают со дня на день мощного землетрясения. Под Ливермором на окрестных полях часто рушатся изгороди и оросительные сооружения. И это чревато главной опасностью.

— Очаг землетрясения в расщелине Хайворд вдвойне страшен для Ливермора, — предостерегает калифорнийский ученый Гэри Добсон. — Ибо Ливермор имеет огромный склад плутония, а в случае сильного подземного толчка радиоактивная пыль плутония, вырвавшись наружу, уничтожит множество людей. Более того, радиоактивную заразу разнесут ветры от Ливермора до залива Сан-Франциско. И тогда разразится кошмарных масштабов эпидемия рака кожи и легких.

Добавлю от себя, что в Ливерморе недавно уже зарегистрировано официально 15 жертв радиоактивного облучения, вызвавшего рак легких и меланому — рак кожи. Все пострадавшие имели дело с радиоактивными взрывчатыми веществами в цехах расположенного здесь военно-научного предприятия по конструированию нейтронных бомб. Их арсенал в Ливерморе угрожает городу при землетрясении моментальным самоубийством.

БЭБИ МИСТЕРА КОНА

На окраине Ливермора расположен на 640 акрах соседний запретный город, окруженный высоким железным забором с мотками колючей проволоки. Повсюду вдоль забора надписи на щитах: «Не заходить внутрь». За изгородью видны серые металлические коробки больших зданий без единого окна. Поверху строений — загадочное переплетение бесчисленных трубопроводов. Похоже на нефтеперегонный завод. Но это иное предприятие — «Лаборатория ядерных исследований». Тут алхимики Пентагона колдуют над своим дьявольским изобретением.

Вне ограды лаборатории стоит деревянный домик с приглашающей вывеской «Для посетителей». Туда меня впустил молодой человек по имени Чак Хербс. Он, усмехаясь, сказал:

— Мне поручено разъяснять несведущим визитерам, что ничего ужасного здесь не происходит.

— И многим вы это рассказываете?

— Сегодня вы единственный.

Кроме нас с Хербсом, в его обители было лишь одно живое существо — белая мышь под стеклянным колпаком.

— Подопытная мышка? — спросил я. — Уже радиоактивная?

— Еще нет, — ответил Хербс. — Держим ее вроде выставочного экспоната.

Помимо мышей, как я далее услышал, создатели нейтронной бомбы испытывают воздействие смертоносной радиации на собак, свиней, сусликов. Вдобавок из Южной Кореи по контракту с клиниками, где делают аборты, импортируют человеческих зародышей и подвергают их нейтронному облучению. Однако «наиболее результативный опыт» выглядит следующим образом: сажают обезьян в стальные ящики, затем пытают несчастных мартышек «гамма-нейтронной радиацией мощностью в 4600 рад», а потом вычисляют по секундомеру продолжительность агонии животных. Они мучаются обычно от восьми минут до семи часов. Точно так же будут корчиться в предсмертных муках тысячи людей в радиусе взрыва нейтронной бомбы.

— А вот и она в миниатюрном изображении, — промолвил почтительно Хербс и подвел меня к застекленному стенду.

Она была остроносой и черной, как ворона. Ее конусообразная боеголовка венчала муляж ракеты Ленс. Тут же красовались две цветные фотографии: первая — снимок гусеничной самоходки с ракетой Ленс и нейтронной боеголовкой, второе фото — та же ракета на бронетранспортере-амфибии.

— Перед вами нейтронная боеголовка W-79, — пояснил Хербс. — Мы приспособили нейтронные заряды не только к ракетам, но также к снарядам гаубиц и специальных ядерно-артиллерийских орудий. А еще раньше, до рождения у нас нейтронной бомбы, вышли отсюда ее термоядерные сестры — бомба Б-77 для «летающих крепостей» и скоростных бомбардировщиков-истребителей, боеголовки ракет «Посейдон» и «Поларис» для подводных лодок, многозарядные боеголовки сухопутных межконтинентальных ракет «Минитмен». Этим занимается наша лаборатория уже свыше четверти века.

Справа и слева от стенда нейтронной бомбы выстроились музейные модели ее единоутробных сестер — ракет, торпед, мин. А возглавлял шеренгу монстров чугунный бюст их прародителя Эрнста Лоуренса, чье имя носит теперь ливерморская кузница ракетно-ядерного оружия Соединенных Штатов.

Лоуренс умер двадцать лет назад. Он вошел в американскую историю как изобретатель циклотрона. Свой циклотрон он передал творцам первой атомной бомбы и ратовал рьяно за ее взрыв над беззащитной Хиросимой. Позже Лоуренс столь же энергично содействовал «отцу водородной бомбы» Эдварду Теллеру и вместе с ним по заказу Пентагона основал в 1952 году лабораторию в Ливерморе ради дальнейшего наращивания оружия массового уничтожения.

Одним из ближайших сотрудников Лоуренса в Ливерморе стал Самуел Кон — испытатель первой атомной бомбы и конструктор боевой ракеты «Найк». Год спустя после смерти Лоуренса его ученик самостоятельно подготовил рабочие чертежи будущей нейтронной бомбы. И с той поры Кон числится ее «крестным отцом».

Кон перебрался нынче из Ливермора в Лос-Анджелес, откуда продолжает консультировать ливерморских опекунов его «бэби». Так ласково он называет свою бомбу. И горделиво рассказывает журналистам:

— Еще девятнадцать лет назад я пытался впервые указать Белому дому на преимущества оружия поражающей интенсивной радиации. В то время я беседовал с сыном президента Эйзенхауэра, а он обещал походатайствовать за меня перед отцом. Но вмешался, к сожалению, научный советник президента — профессор Джордж Кистяковски. Он мне заявил: «Мы не заинтересованы в предложенном вами оружии».

Кон возмущенно вспоминает, как советник президента не пожелал оценить «выгоду» нейтронного удара по живой силе противника с последующим захватом ничуть не поврежденного имущества. По словам Кона, его оппонент утверждал, что «нейтронная радиация поразит мирное население за пределами взрыва и грозит опасными генетическими последствиями грядущим поколениям человечества». На это Кону возразить было нечего, и пришлось временно прекратить рекламу своего любимого «бэби».

В годы правления Джона Кеннеди неугомонный Кон заново навязывал свое ублюдочное детище Белому дому. Однако президент по моральным соображениям отказался удочерить пресловутую бомбу. И только в 1975 году Кон, сговорившись втихую с тогдашним военным министром Шлезингером и главой Пентагона адмиралом Мурером, приступил негласно под их надзором к секретным экспериментам с нейтронной бомбой в Ливерморе. И теперь Кон публично разглагольствует:

— При чем тут моральные соображения? У нейтронной бомбы повышенная способность ядерной радиации. Вот и все! Ну, конечно, в эпицентре взрыва люди погибнут от радиации за считанные минуты. А те, кто окажется вдали от эпицентра, протянут, наверное, несколько недель. Потом их доконает лучевая болезнь. Тем не менее даже с нейтронной бомбой мы можем проиграть битву за Западную Европу, которая постепенно склоняется к социализму марксистского образца.

Примечательно, что вся родня нейтронного «бэби» — Кон, Теллер, Лоуренс и «ястребы» Пентагона —

объединились духовно на общей базе зоологического антисоветизма. Что привело их, очевидно, к откровенному каннибализму.

ВЕСЕЛЬЧАК ХЕРБС И ДЖЕФ «БУМ-БУМ»

— Хотите взглянуть на взрыв нейтронной бомбы? — спросил мой гид Чак Хербс.

Онемев от такой неожиданности, я посмотрел на него с опаской: то ли шутит он, то ли обезумел в одиночестве среди своих выставочных экспонатов тотального убийства. Но Хербс, подметив мое замешательство, поспешно успокоил:

— Не бойтесь. Взрыв будет безвредным, хотя и похожим на настоящий.

Он подвел меня к большому стеклянному шкафу с хромированными кнопками на угловой панели. Нажал первую кнопку. И шкаф осветился изнутри, открыв на обозрение панорамный макет ракетно-ядерного испытательного полигона: на плоской площадке между песчаными дюнами пустыни сгрудились игрушечные человечки вокруг железной башни с подъемным краном. У верхушки крана висел на тросе черный корпус бомбы. Под нею в земле темнела горловина вертикального глубокого туннеля. И в него начала опускаться бомба, когда Хербс нажал очередную кнопку. А человечки вмиг скрылись за дюнами.

— Готово! — воскликнул Хербс. — Огонь!

Ослепительная вспышка так сильно ударила по глазам, что я невольно отпрянул назад, зажмурился и заслонился ладонью. Потом, приоткрыв слезящиеся веки, увидел, что стеклянный шкаф снова погрузился во тьму. А мой экскурсовод нажал еще одну кнопку, и неведомо откуда зазвучала церковно-печальная органная мелодия. Совсем как на похоронах. Вроде музыкальной панихиды по мертвецам нейтронного побоища.

— Ну, как? — рассмеялся Хербс. — Кажется, с вас уже довольно?

— Да, вполне, — согласился я. — Однако нельзя ли еще побеседовать с конструкторами вашей возлюбленной бомбы?

— Это вряд ли осуществимо,— ответил он.— Попробуйте все же обратиться в бюро пропусков нашей лаборатории.

Прошагав к бюро пропусков свыше полумили, я очутился у центральных ворот лаборатории. Над воротами на мачте-треноге вращалась подвижная телевизионная камера, нацелившая на меня бдительное око объектива. В арке ворот замерли стражники с латунными нагрудными звездами. У каждого на поясе — тяжелый револьвер в открытой кобуре, патронташ, портативный радиопередатчик. А сбоку от ворот стояла будка с распахнутой настежь дверью. Переступив порог, я увидел за низкой перегородкой нескольких клерков, сотрудников бюро пропусков. Они по моей просьбе сообщили по телефону дирекции лаборатории о желании советского журналиста посетить военспецов нейтронного оружия.

Ответа я ждал полтора часа. Трижды в бюро пропусков заходили и разглядывали меня в упор насупленные субъекты с бирками на груди. Потом пришел четвертый мужчина средних лет и тоже при фирменной бирке, а на ней — его фотография и какие-то магические значки. Представился мне:

— Джеф Герберсон, представитель администрации.

Проверил мои документы и заявил:

— В лабораторию вам вход запрещен. И никому, кроме меня, не дозволено с вами разговаривать. А я не ученый. Не конструктор. И потому мало полезный вам собеседник.

— А как долго вы здесь служите?

— Восемь лет.

— Ну, значит, знаете достаточно, чтобы ответить на самые элементарные вопросы несекретного характера. А не захотите отвечать — не надо. О'кей?

Он кивнул, и мы присели на скамейку.

— Как вы лично относитесь к нейтронной бомбе, мистер Герберсон? — спросил я.

— Можете называть меня запросто Джефом,— откликнулся он.— А к нейтронной бомбе я отношусь очень положительно.

— И ваши ученые тут против нее ничего не имеют с точки зрения общечеловеческой морали?

— Кто против, тех у нас не задерживают.

— Но вот недавно один ваш сотрудник даже подал в суд на дирекцию лаборатории за то, что по ее вине он заболел раком легких от радиоактивного облучения.

— Того парня уже уволили.

— Ну, а хотя бы материальную компенсацию он получил?

— Нет,— хмыкнул злорадно Джеф.— Наши врачи постановили, что он сам во всем виноват, так как был курильщиком.

— Жив он, или доконал его рак?

— Не знаю. Не интересуюсь.

— А как насчет дюжины других ваших служащих, захворавших при аналогичных обстоятельствах раком кожи?

— У них причиной меланомы, по мнению наших врачей, были солнечные ожоги.

— Ловко!—заметил я.—Однако есть опубликованный документ о преступном пренебрежении ваших нейтронщиков чужими жизнями. После 23 взрывов американских ядерных бомб над тихоокеанским атоллом Бикини тамошние островитяне вымирают, как известно, от лучевой болезни, и хотя они подлежат эвакуации, этому противится ваша лаборатория. Ее сотрудники обследовали Бикини и составили такое письменное заключение: «Атолл Бикини является единственным во всем мире наилучшим источником изучения воздействия плутония на человеческое тело». Полагаю, что вы слышали по данному поводу громкие упреки в адрес ваших ученых за превращение людей в «подопытных кроликов».

— Я знаком с теми, кто обследовал Бикини,—изрек Джеф.—Они руководствовались высшими мотивами укрепления боеспособности вооруженных сил Соединенных Штатов. Ради того же нам нужна нейтронная бомба.

— А с нею вы тоже персонально знакомы?

— Видел на полигоне на ракетной установке Ленс.

— Проводите боевые испытания?

— Да,—подтвердил Джеф.—И это не секрет. Испытания нейтронного оружия происходят в пустыне штата Невада. Как только президент отдаст приказ, немедленно начнется массовое производство нейтронных бомб на военных заводах в Техасе, Колорадо и Северной Каролине. А пока мы по заданию Пентагона интенсивно

продолжаем испытания в Неваде. Совершенствуем и модернизируем конструкцию нейтронных боеголовок...

Внезапно запнувшись, Джеф проворчал:

— Кажется, я с вами слишком разболтался.

И добавил:

— Запишите, что наша лаборатория занимается также мирными научными исследованиями.

— Какими?

— Мы создаем сверхмощные лазеры.

— Так называемые «лучи смерти»?

— Их можно использовать в сфере мирной энергетики.

— Но в армии США уже вооружают лазерами бронетанковые войска.

— Это мелочь по сравнению с могуществом наших новейших лазеров.

— А на что они годятся?

— Да лазерным лучом можно испепелить вражеский космический спутник!

— Как?

Вместо ответа Джеф насмешливо прищурился, ткнул указательным пальцем в чистое небо над нами и радостно произнес: «Бум! Бум! Бум!».

КОГДА МОЛЧАНИЕ АМОРАЛЬНО

Напоследок Джеф проговорил с вызовом:

— Нравится вам это или нет, но большинство жителей Ливермора за нейтронную бомбу. Здесь против бомбы были, впрочем, демонстрации, да только в них участвовали одни чужаки — студенты и прочие крикуны из Сан-Франциско. К ним ливерморцы не примкнули.

— Почему?

— Потому что Ливермор кормится за счет нашей лаборатории. Ее обслуживают семь тысяч человек — ученые, инженеры, техники, рабочие, охранники. Попробуйте их уволить, и сразу же город захлестнет повальная безработица и волна банкротств.

Насколько это верно, я позже выспрашивал у горожан Ливермора. Владелец продуктовой лавки, водитель такси и хозяин закусочной порознь засвидетельствовали, что их основная клиентура — семьи служащих воен-

ной лаборатории. И от нее поэтому тут косвенно зависит розничная торговля и городская сеть бытовых услуг.

На улице Холмс в помещении местной торговой палаты специалист по коммерческой рекламе Диана Треит принялась, как только я вошел, красочно описывать здешние ярмарки, винодельни, харчевни, а на мой вопрос о нейтронной бомбе простодушно призналась:

— На эту тему мы предпочитаем не разговаривать.

— Из-за страха перед недавней вспышкой лучевых заболеваний раком?

— Пожалуй,—заметила она,—не менее страшно потерять работу, гарантированный доход, прибыльный бизнес.

Дабы выслушать на сей счет суждение столпов ливерморской общественности, я посетил объединенную редакцию городских газет «Геральд» и «Ньюс». Их издатель был занят, и меня попросили подождать его в приемной. Там я успел пролистать месячную подшивку обеих газет. Они день за днем скрупулезно отражали обывательскую жизнь провинциального американского городка. На первых страницах—прогноз погоды и главные новости: кулачная потасовка в баре, пожар в районной тюрьме, скандальное изнасилование, рутинные кражи кошельков и часов, экстренный ремонт ночных фонарей на центральной улице, текущий гороскоп звездочета-предсказателя, объявления о вакансиях в отряде охраны анонимного предприятия. О нейтронной бомбе ни единого слова.

— На упоминания о нейтронной бомбе у нас как бы наложено негласное табу,—откровенно разъяснил принявший меня газетный издатель Барри Шредер.— Военная лаборатория получает от Пентагона миллионы долларов, и нам от этих бешеных денег тоже кое-что перепадает.

— А если случится землетрясение? Неужели не боитесь страшных последствий? И разве никого не гложет совесть, что при вашем соучастии готовят для других народов нейтронную гибель?

— Быть может, некоторые наши горожане в душе терзаются, но тем не менее они помалкивают,—делился со мною издатель.—Уже были в Ливерморе подзем-

ные толчки, и многие из нас всерьез опасаются возможной катастрофы, но надеются, что ее не будет. А пока не хотят лишаться работы и денег. Мои газеты целиком зависят от платных объявлений рекламодателей-коммерсантов, а залог их благополучия — состоятельные покупатели из военной лаборатории. В таком же положении наш мэр Дейл Тернер, который по совместительству возглавляет банк. Мэр и городские чиновники никогда не высказываются против нейтронной бомбы. И я тоже не заикаюсь...

Так выяснилось, что Джеф «Бум-бум», увы, был прав, предупреждая меня о настроениях ливерморцев. И еще прискорбней, что подобная мещанская аполитичность, узколобое стяжательство, близорукая забота лишь о себе и своем сиюминутном достатке делают в США тысячи простых людей наемными безгласными роботами гигантского фабричного молоха «военно-промышленного комплекса». Он силен не только своей долларовой мошной и государственной властью. Он покупает, духовно уродует, эксплуатирует массы добровольных пленников. И стадом обречет их, когда ему потребуется, на верную смерть.

Однако болотную самоизоляцию Ливермора уже сотрясает одновременно с подземными толчками всемирный прибой антивоенных выступлений против нейтронной бомбы. Вслед за пикетами сторонников мира из Сан-Франциско у ворот ливерморской лаборатории демонстрировали приехавшие сюда делегаты японских борцов за мир. Устраивали демонстрации в Ливерморе и студенты Калифорнийского университета. В университетском кампусе города Беркли учрежден комитет «Запретить нейтронную бомбу». Комитет организовал сбор подписей под коллективным письмом Белому дому. Письмо было предельно лаконично:

«Мистер президент, запретите нейтронную бомбу, иначе человечество не уцелеет. Во имя мира на земле просим вас прекратить все эксперименты с адской бомбой. Замысел ее изобретателей совершенно аморален. Ее производство — преступление против человечества».

Под этими строками подписались тысячи калифорнийцев. Однако эхо их голосов не разбудило, увы, дремлющую совесть города нейтронной бомбы. И не отрезвило хозяев Белого дома.

КОНВЕЙЕР «ДАБЛ Ю-79»

Когда президент США Рейган отдал приказ начать массовое производство нейтронных бомб, то весть об этом застала меня уже в Москве. И я по заданию моей газеты срочно позвонил в Ливермор, дабы проверить: не раскаялись ли хотя бы теперь в содеянном те американцы, которые создали нейтронного джинна и выпустили его наружу из стен их лаборатории? На мой вопрос ответил из Ливермора опять Джеф «Бум-бум». Он по-прежнему был там уполномочен курировать взаимоотношения с прессой.

— Мои коллеги и я полностью одобряем решение развернуть поточный выпуск нейтронных бомб,— отчеканил Джеф Герберсон.— Для этого мы отлично выполнили поставленную перед нами задачу.

Джеф «Бум-бум», к сожалению, не одинок.

На севере Техаса посреди опаленной жарким солнцем бескрайней равнины, в том легендарном краю, который американцы именовали прежде Диким Западом, расположен небольшой пыльный городишко Амарилло. Его мужское население, как встарь, щеголяет ковбойскими широкополыми шляпами и остроносыми сапогами на высоких каблуках. Местные путеводители зазывают полюбоваться на буро-зеленые пастбища вокруг Амарилло, посетить праздничные родео, аукцион скота, механизированную скотобойню и фабрику сельскохозяйственного оборудования. Однако никак не рекламируется и вообще ни словом не упомянуто тамошнее самое крупное индустриальное предприятие — завод «Пэнтекс», производящий сейчас по спецзаказу Пентагона смертоносную продукцию с непонятной для непосвященных маркировкой «дабл ю-79»...

Чтобы напрямик потолковать с производителями таинственного «дабл ю-79», я позвонил из Москвы в Амарилло и связался по телефону с администрацией завода «Пэнтекс». Оттуда мне ответили:

— Хэлло, говорит Берри Бэну.

— Мистер Бэну, пожалуйста, разъясните для прессы,— попросил я,— что такое «дабл ю-79».

— А откуда вы звоните? — насторожился собеседник.

— Из Советского Союза. Из московской редакции «Литературной газеты».

Молчание. Спустя минуту он вдруг заявил:

— Давайте прекратим этот разговор. Мой телефон неисправен: очень плохая слышимость.

— Но я вас отлично слышу!

— А я вас больше не слышу, — парировал со смешком Бэну. — Ясно? И посему перестаньте меня расспрашивать. Вместо того попробуйте завтра обратиться к директору нашего завода Чарльзу Пулу. Прощайте.

Назавтра директор завода мне с ходу объявил:

— На ваши вопросы я отвечать вовсе не намерен.

— Да чего вы опасаетесь? — настаивал я. — Ваши секреты меня совершенно не интересуют. Ведь нет, например, ничего секретного в том, что у вас в Амарилло есть католический епископ по имени Лерой Метайсен, который публично осудил производство «дабл ю-79» на вашем заводе. Епископ провозгласил, что личный приказ президента США развернуть массовый выпуск «дабл ю-79» является, по выражению этого священника, «частью античеловеческих затей вашингтонского правительства». Что вы на это скажете?

— Ничего! — отрезал директор.

— Известно также, — продолжал я, — что по причине производства в Амарилло «дабл ю-79» муниципалитет уже составил план повальной эвакуации горожан на случай внезапной катастрофы. Что же столь кошмарное может произойти?

— И этого не скажу! — огрызнулся Пул и повесил трубку.

Ну, что же, придется тогда без участия администрации «Пэнтекс» изложить некоторые известные сведения о том незаурядном предприятии. Оно занимает девять тысяч акров за северо-восточной окраиной Амарилло. Внешний периметр территории завода неприступно огражден колючей проволокой и сторожевыми вышками с прожекторами. Позади патрулируют бронетранспортеры с крупнокалиберными пулеметами. В центре запретной зоны — серебристые купола гигантских бункеров, скрытых глубоко под землею. Даже вдали от этих сооружений приборы по выявлению опасной радиации фиксируют сильную зараженность атмосферы ураном-238. Ибо в цехах «Пэнтекс» монтируют атомное и водородное оружие. Да еще «дабл ю-79» — пресловутые нейтронные бомбы.

Конвейер смерти «Пэнтекс» обслуживают две тысячи рабочих и инженеров. Среди них несколько десятков уже заболели раком от радиоактивного облучения. Тем не менее никто из остальных пока не уволнлся. Очевидио, боятся оказаться безработными...

Трое рабочих «Пэнтекс» погибли при неожиданном взрыве компонентов аппаратуры нз лаборатории Ливермора. Фабричный профсоюз потребовал усовершенствовать технику безопасности, но адмнннстрацня игнорнровала эти требования. Оно и понятно: в случае фатальной аварии на конвейере нейтронных бомб умрут их сборщики, а все станки и агрегаты останутся целехонькн. Такова людоедская логика творцов нейтронной бомбы.

Тщетно амарнллский епнскоп Метайсен почти в одиночку призывает земляков предать анафеме дьявольскую бомбу, не торговать совестью за пентагоновские доллары, бойкотировать на заводе конвейерную сборку «дабл ю-79».

Наперекор тому хозяева «Пэнтекс» демонстратнвно проповедуют ныне культ нейтронной бомбы В заводских помещениях развеснли настенные плакаты с изображением грибовидных нейтронных взрывов, подкрашенных нарочнто кровавым цветом. Перед фасадом адмнннстративного корпуса установнли три макета термоядерных бомб. Западнее Амарнлло на испытательный полнгон армии США были приглашены сотни амернканцев, дабы поглазеть там на имитацию взрыва новой бомбы «суперизлучения» мощностью в 500 тонн тротилового эквивалента. Представнтели Пентагона ликующе оповестили, что собираются в будущем по-боевому опробовать свон нейтроннные бомбы не только в Западной Европе, но также в Лнвии, Сирии, Иране, Вьетнаме, Северной Корее. Замахнулись, словом, чуть не на весь мир.

«Пришло время сделать роковой выбор, — обратилась кучка единомышленников техасского епископа Метайсена к их согражданам, — верим ли мы с вами в бога или поклоняемся нсключнтельно бомбе?»

Ответ техасских админнстраторов завода «Пэнтекс» ясен: их главное божество — «дабл ю-79» с испепеляющей людей нейтронной начинкой.

Тем не менее мне известен одии соучастннк изготовления нейтронной бомбы, который открыто осудил

свою собственную недавнюю деятельность. Это американский ученый Дональд Бэрнс. Он был командирован Пентагоном в военную лабораторию техасского города Сан-Антонио провести серию экспериментов по интенсивному облучению нейтронной радиацией подопытных обезьян. Бэрнсу приказали тщательно изучить и скрупулезно описать мучительную предсмертную агонию импортированных из Юго-Восточной Азии резусных макак, чьи внутренние органы аналогичны человеческим. Бэрнс рассказывает:

— Мне надлежало наблюдать и письменно фиксировать кошмарные сцены гибели обезьян от мощного радиоактивного облучения. Сперва их тошнило, потом следовали судорожные конвульсии, обморок, кровотечение, быстрое выпадение волос. Агония длилась от часа до полусуток. Если бы вы видели, какая ужасная пытка — умирать от ядовитой радиации! С меня этого довольно! Мне щедро платили, повышали по службе, я преуспевал, но отныне не желаю больше молчать о столь жуткой затее.

Знакомый мне в прошлом вашингтонский общественный деятель Герберт Сковилл, прослуживший долгие годы в Пентагоне ведущим экспертом по ракетно-ядерному оружию, а затем ставший активным противником гонки вооружений, отозвался публично об американской нейтронной бомбе следующим образом:

— Нейтронные бомбы именуют «суперкапиталистическим оружием», ибо оно, убивая и калеча людей, не наносит ущерба материальной собственности. С таким оружием весьма затруднительно привлечь на нашу сторону умы и сердца народов за рубежом.

ГЛАВА VIII

ЗА ЧТО ТРАВИЛИ ХЕМИНГУЭЯ

— Улетаю на будущей неделе в Айдахо, — сказала мне Мэри Хемингуэй. — Там в Солнечной долине неподалеку от могилы Эрнста на сельском кладбище есть чуть в стороне за рекою очень красивое место — зеленая поляна в тени деревьев. Друзья Эрнста приобрели на речном берегу акр земли и поставили посредине на простом деревянном постаменте бронзовый бюст моего мужа. Каждый год 21 июля в день рождения Эрнста мы собираемся опять все вместе в том краю.

За окнами нью-йоркской квартиры вдовы писателя маячили серо-каменные громады небоскребов. Из картинной рамы на стене великий мастер, слегка прищурившись, поглядывал на стеллажи с его бессмертными книгами, на собранные им полотна испанских и французских живописцев, на привезенные им заморские охотничьи трофеи — головы грозной пантеры и робкой антилопы.

В гостиной на верхней полке центрального книжного стеллажа выстроились шеренгой русские матрешки. Начало этой сувенирной коллекции, как заметила хозяйка, положил на Кубе восемнадцать лет назад Анастас Микоян. Мэри Хемингуэй после смерти мужа ездила в Гавану и сама убедилась, что на бывшей вилле писателя, превращенной ныне в музей, хранится бережно оставленная там библиотека с привезенными А. И. Микояном книгами Хемингуэя на русском языке.

— Хотела я забрать те книжки и посоветовалась об этом с Фиделем Кастро, — рассказывает Мэри Хемингуэй. — Но Фидель отшутился, сказав, что ему не

сдобровать, коли он мне уступит наперекор воле его народа, берегущего музей обожаемого ими Эрнста в полной неприкосновенности. Фидель пообещал сделать для меня копии книг из музея.

Разговор о Кубе прервал телефонный звонок. Хозяйке сообщили, что авиабилет в Айдахо уже ей заказан. Я полюбопытствовал — кого она приглашает обычно на день рождения покойного мужа?

— Приходят его старые тамошние приятели, — ответила вдова. — Некоторых, увы, тоже схоронили. Но все равно собирается человек сорок-пятьдесят. Среди них немало заядлых охотников, а также пожилых скотоводов с окрестных ранчо. Вдобавок местный аптекарь. Два врача. Деревенский адвокат. Владелец продуктовой лавки. Короче говоря, рядовой сельский люд. Когда мы вместе с ними решили впервые отметить день рождения Эрнста, то я тогда подумала, что в его память незачем устраивать церковную панихиду. Ведь он был жизнерадостным человеком. И потому в Солнечной долине мы собираемся всякий раз 21 июля в придорожном кафетерии, и я заказываю всем вдосталь хорошего вина и добротной закуски. Играет музыка. Друзья Эрнста танцуют, поют, радуются жизни, которую он так любил.

Посмертный образ Хемингуэя, впрочем, был бы ущербным, если умолчать кое о чем весьма значительном, оглашенном лишь недавно. В последние годы жизни писатель, по словам его вдовы, вслух посмеивался над своей литературной якобы аполитичностью: «В политике я не ведаю ничего такого, чего нельзя излечить пенициллином». Но вот Мэри Хемингуэй передала литературоведам часть архива мужа, где среди его охотничьих записок имеется описание фантастической сцены, приснившейся будто бы ему в пору политических «охот за ведьмами» на его родине в середине 50-х годов. Хемингуэй иронически пишет, что однажды во сне он охотился за шакалами, как вдруг «я увидел при свете луны Высокочтимого Сенатора и спросил его:

— Эй, Сенатор, как дела? Многих выловил?

— А ты кого ловишь? — строго задал вопрос Сенатор.

— Шакалов, — весело ответил я, ибо доконал только что одного шакала.

— Ну, а я охочусь за подрывными элементами,— заявил Сенатор.

— И многих сцапал?

— Тысячи! — сказал он».

Мэри Хемингуэй поясняет:

— Эрнст глубоко презирал сенатора Джозефа Маккарти. Считал его мерзким, дрянным существом.

В 1954 году, как вспоминает Мэри Хемингуэй, ее муж во время их африканского сафари пересказывал жене первоначальный вариант его «встречи во сне» с Маккарти. Тот первый вариант звучал следующим образом:

— Что вы здесь делаете?—спросил писатель сенатора на приснившейся охоте.

— Веду следствие!—изрек Маккарти.

— Следствие против животных?

— У меня точные сведения,—провозгласил Маккарти,—что тут налажена опасная подрывная деятельность, которую вы, Хемингуэй, очевидно, поддерживаете. Среди животных, как я установил, распространяется коммунистическая пропаганда.

Сарказму Хемингуэя оказалась присуща роковая прозорливость. Дважды—15 и 31 марта 1983 года—американские газеты опубликовали выдержки из рассекреченных недавно архивных документов ФБР. Один из них помечен 13 января 1961 года. Это депеша на имя тогдашнего директора ФБР Эдгара Гувера от подчиненного ему агента, которому приказали в ту пору непрерывно вести тайную слежку за американским писателем Эрнстом Хемингуэем. И вот незадолго до смерти прославленного на весь мир великого американского прозаика шнырявший за ним повсюду шпик ФБР отрапортовал, что проник вслед за захворавшим Хемингуэем даже внутрь госпиталя близ города Миннеаполис...

Между тем Мэри Хемингуэй огорченно мне рассказывала, что накануне смерти Эрнста он неоднократно жаловался ей на слежку за ним филеров ФБР. По ее словам, зимою 1960 года Хемингуэй впервые встревожился, что какие-то чужаки мельтешат вокруг купленного им фермерского коттеджа в Солнечной долине.

— Они пытаются что-то разнюхать о нас с тобой,— сказал Хемингуэй.

— А кто они такие?—удивилась Мэри.

— Онн из ФБР, — ответил Хемингуэй.

Осенью того же года в Чнкаго на малолюдной улице он указал жене на двоих маячнвших за его спиной угрюмых мужчин в одннаковых плащах:

— Они уже и тут за мною увиваются.

И опять в Солиечной долнне вечером 1 нюля 1961 года, когда Хемнгуэй с женой зашел в местную харчевню, он снова приметил в полутемиом углу за укромным столом двух не знакомых никому здесь прнезжнх. Хемингуэй проворчал:

— Все те же из ФБР.

Спустя несколько часов Хемиигуэй скончался. А так как перед смертью он страдал иервным расстройством, то подмечеиную его острым пнсательским глазом слежку за иим агентуры ФБР сочлн всего лншь болезненным проявлением манни преследования. Но какая же это мания, коли преследованне было подлнииым, постояиным, многолетним?!

Рассекреченное сейчас досье охранкн на Хемингуэя составляет 95 страииц. Еще 15 страннц того же полицейского пасквиля поныне ФБР утаивает. Вдобавок 14 страниц замазаны сплошь черной тушью за нсключением начальных строк. А судя по остальному тексту, директор ФБР Гувер лично санкцнонировал более чем двадцатнлетнюю слежку за Хемннгуэем с тех времен, когда писатель отважно заявил о своей солндарности с боровшимнся против фашизма испанскими республиканцамн.

Первая кляуза осведомителей ФБР на Хемингуэя была зафиксирована охраикой 4 июля 1937 года, когда в нью-йоркском концертном зале «Карнеги холл» на съезде американских пнсателей Хемннгуэй громогласно объявил, что государствеиный департамент США, поддавшись «влиянию фашистов», пытается исказить правду о гражданской войие в Испанин. К доносу об этом прнпнсано, что на съезде писателей Хемингуэй общался с «подозрнтельными субъектами» из чнсла его коллег и общественных деятелей.

Затем агенты ФБР арестовалн группу амернкаицев, решивших отправиться в Испанню на помощь защтникам республики. Впоследствин Гуверу снова доиесли: «Хемингуэй очутился средн подписавших публнчную декларацию, которая резко критиковала ФБР».

Очередная серия доносов на Хемингуэя датирована 1942 годом, когда писатель жил на Кубе. Тамошний резидент ФБР Раймонд Ледди, назначенный ради маскировки атташе по юридическим вопросам при посольстве США в Гаване, следил неусыпно за Хемингуэем и встревоженно сигнализировал своему боссу Гуверу, что Хемингуэй задумал разоблачить наиболее отъявленных местных казнокрадов. «Это означает,—возмущался Ледди,— что и нас всех заодно вышвырнут с Кубы». Вашингтонская штаб-квартира ФБР подытожила: «В Гаване наш атташе по юридическим вопросам считает, что Хемингуэй глубоко враждебен ФБР и готов в любой момент причинить нам неприятности». 8 октября 1942 года Ледди пожаловался Гуверу, что Хемингуэй обозвал на людях резидента ФБР «служащим гестапо».

После победы народной революции на Кубе вашингтонская резидентура в Гаване сообщила осенью 1959 года своему начальству о Хемингуэе: «Он полностью поддержал все действия правительства Кастро. По его мнению, на Кубе произошло все самое наилучшее. Он не поверил никакой негативной зарубежной информации о событиях на Кубе. Он проявил симпатию к кубинским властям. Он высказал надежду, что кубинцы будут считать его тоже кубинцем, а не янки. Заявив это, он поцеловал кубинский флаг».

Позже, на пороге 60-х годов, постаревший и занемогший Хемингуэй продолжал, однако, высказывать свои крамольные, по мнению ФБР, политические взгляды. Его вдова мне говорила:

— Эрнст порицал американские военные акции во Вьетнаме. Эту проблему он обсуждал часто с навещавшими нас литераторами. Эрнст отвергал в целом саму идею нашего вмешательства силой во Вьетнаме. Он напрямик объявил, что нам нечего туда соваться.

Моя собеседница припомнила, как вскоре после кончины супруга ее пригласили на банкет в Белом доме, и она в перерыве между тостами сказала вновь избранному президенту Кеннеди по поводу фиаско вашингтонской авантюры в кубинском заливе Кочинос: «Кубинский курс правительства США по-прежнему глуп и нереалистичен». Президент был явно смущен. Но тем не менее поручил брату Роберту проводить почетную гостью до квартиры опекавших ее столичных знакомых.

Состряпанный в ФБР сорокалетней давности поклеп на писателя озаглавлен «Вероятные связи с Коммунистической партией». Между тем общеизвестно, как был далек Хемингуэй от коммунизма вообще и в частности от американской компартии. Что вовсе не помешало его преследователям из ФБР подшить к досье на него такую справку: «Осенью 1940 года имя Хемингуэя было включено в список лиц, на которых поступили донесения об их сопричастности к коммунистической деятельности».

Но ныне, быть может, новые шефы ФБР, огласив прежние наветы на Хемингуэя, намерены как бы отмежеваться от постыдного прошлого? Ничего подобного. Газета «Нью-Йорк таймс» запросила ФБР—неужели можно всерьез причислять Хемингуэя к коммунистам? И получила ответ официального представителя ФБР: «Именно поэтому на него, как видно, было заведено специальное досье». Тем самым весьма прозрачно намекнули современным деятелям американского искусства, что те из них, кто вслух критикует власти, тоже рискуют угодить в секретные «черные списки» со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Мэри Хемингуэй гордится тем, что ее муж был не только великим писателем, но также активным антифашистом, что и продемонстрировал в двух кровопролитных войнах. Весной 1944 года, пережив в Лондоне гитлеровские бомбежки и дожидаясь англо-американского десанта через Ла-Манш, писатель встретил свою будущую подругу жизни — военную корреспондентку журналов «Тайм» и «Лайф». Ее мысли снова обращены к тому далекому прошлому:

— Я совместно с издательством «Скрибнер» подготовила к печати неопубликованные рукописи Эрнста о сухопутных операциях союзников против нацистов во Франции и на территории Германии. Это несколько отрывков фронтовых заметок Эрнста. Каждый отрывок — от трех до четырех страниц. Написаны они блестяще! В тексте Эрнста мы ничего не изменили, ничего не дополнили. Сохранена чеканная проза Эрнста в ее оригинальном виде. В итоге получились новые рассказы Хемингуэя о минувшей мировой войне.

— Интересовался ли ваш муж сражениями на советско-германском фронте?

— О, конечно! — подтверждает Мэри Хемингуэй. — Как все американцы в те дни, он восхищался героизмом советских солдат. Эрнст говорил мне, что у него на душе был светлый праздник, когда русские одержали победу в Сталинграде.

Мэри Хемингуэй побывала туристкой в Советском Союзе, объездила нашу страну от северного Петрозаводска до южного Тбилиси, Ташкента и Душанбе. Наиболее «живописным городом СССР» показалась ей Алма-Ата. Неизгладимые впечатления остались от посещения толстовской Ясной Поляны.

— Эрнст был величайшим поклонником Льва Толстого, — рассказывает она. — Эрнст любил Толстого больше всех иных зарубежных писателей. И говорил мне не раз об этом. Эрнст вообще читал и перечитывал с наслаждением переводы русских классиков. После Толстого ему особенно нравился Тургенев. Когда же обращались к Эрнсту молодые литераторы за советом насчет выбора книг наилучших иностранных прозаиков, то Эрнст неизменно рекомендовал: «Начинайте с чтения Толстого». К сожалению, творчество советских писателей нам с Эрнстом было почти неизвестно из-за недостатка переводов их книг на английский язык.

— А какие литературоведческие книги о Хемингуэе вы бы порекомендовали в первую очередь?

— Таких книжек выпущено множество, — отмечает вдова. — Но их подавляющее большинство насыщено выдумками и бестолковыми рассуждениями о Хемингуэе. Чтобы поведать о нем правду, я написала свои мемуары «Как это было». А наилучший литературоведческий труд об Эрнсте создал, по моему мнению, профессор Принстонского университета Карлос Бейкер. Его книга называется «Хемингуэй — история его жизни».

К истории его замечательной жизни добавилось ныне еще 95 страниц из архива ФБР о травле Хемингуэя.

ТИМУР ГАЙДАР

ПОД АФГАНСКИМ НЕБОМ

I

Раннее апрельское утро на южном военном аэродроме уже таило в себе угрозу жары. Среди зачехленных, словно одетых в гимнастерки, истребителей-перехватчиков голубой и серебристый Ил-18, стоявший рядом со взлетно-посадочной полосой, выглядел несколько странно, будто франт, заглянувший в казарму.

Впрочем, когда по крутому трапу поднимешься в самолет, такое ощущение исчезает: ни мягких кресел, ни ковровой дорожки... На алюминиевых откидных скамейках, которые в четыре ряда тянутся вдоль бортов, теряясь в глубине фюзеляжа, сидит военный люд, плечом к плечу, спиной к иллюминаторам. Сначала офицеры постарше, потом — лейтенантство. В хвосте сидят сержанты и солдаты. Их немного.

Проходы между скамьями завалены чемоданчиками, вещевыми мешками. Свободнее возле кабины пилотов.

Каждое утро самолет этот развозит людей, почту, самые срочные грузы в части, входящие в ограниченный контингент наших войск в Афганистане.

Меняет все-таки офицеров полевая форма. Строга, скромна, ни золота, ни блеска. Зеленые звездочки на погонах защитного цвета, ремень, портупея, оружие... И разом — иная стать, иной взгляд, жест, повадка. Молодые офицеры выглядят серьезнее, сдержаннее, пожилые — молодеют.

Взревели моторы, назад-вперед качнулись зеленые погоны, и под ногами заскользили вещевые мешки.

На высоте посвежело, сидеть стало как-то свободнее. Народ пообтерся, устроился. Мгновенно наладился тот походный быт, который у военных возникает всегда в поезде, в машине, в самолете, когда что-то поза-

ди, что-то впереди, а сейчас — просто движение и недолгое время покоя.

На скамьях — общевойсковые командиры, офицеры воздушно-десантных войск, авиаторы, интенданты... Кто-то сразу задремал, кто-то развернул газету... Неподалеку на чемоданчике расчерчивают лист бумаги под преферанс.

В лейтенантском отсеке повеселее. Там сидит единственная в самолете девушка-связистка из штаба. На аэродроме перед посадкой молодые офицеры наперебой вручали ей букетики полевых цветов. Даже сквозь гул моторов долетают сюда взрывы смеха.

Как только пересекли границу, стало ясно, кто летит в Афганистан впервые, а кто уже побывал там, возвращается в свои части из отпуска или командировки. Все новички, и я в их числе, прильнули к иллюминаторам.

Острые, слепящие, сверкающие горы плыли под нами. Им не было ни конца ни края, вместе с горизонтом они охватывали земной шар и лишь там теряли свою остроту. Белое и черное — ледники и ущелья — противоборствовали жестко, без полутонов и оттенков.

— Красота!

Слово вырвалось само собой, в сущности, я ни к кому не обращался. Мой сосед, офицер с эмблемами инженерных войск на погонах, в иллюминатор не смотрел, а, раскрыв полевую сумку, листал какие-то бумаги. Но он откликнулся сразу.

— Считаете, красиво? Для кого как. Только не для нашего брата сапера.

Он захлопнул сумку, аккуратно продел в скобочку кожаный ремешок и, протянув руку, представился:

— Сергеев. Специальность — дороги, мосты, переправы.

Почти до самого Кабула мы говорили о горах. Точнее, говорил в основном Сергеев. Я слушал, иногда записывал.

«Горные цепи Афганистана раскинулись веером, заняв центр страны и оттеснив долины к окраинам. Сближаясь и набирая высоту, хребты движутся с запада и юго-запада на северо-восток. На подходе к Памиру они завязаны в мощный узел Восточного Гиндукуша...»

Всю свою долгую службу, воюя с горами, военный инженер Сергеев, видимо, все же полюбил их. А может быть, у него просто образный склад мышления. Горы в его рассказе не только «двигались», «завязывались в узел», но даже «клубились» — так сказал он о нагорье Хазареджат в центре Афганистана.

Изложу лишь суть его рассказа.

Горы и плоскогорья покрывают четыре пятых территории Афганистана. Половина страны на высоте более 1800 метров над уровнем моря.

Поэтому дорожная сеть развита слабо. Особенно затруднено сообщение между югом и севером. Единственный прямой путь с севера на юг проходит от порта Шерхан на Амударье до Кабула. Здесь самый высокогорный в мире тоннель Саланг. Пропускная способность — 1000 автомашин в сутки.

Второе шоссе огибает горы с запада, идет от Кушки через Герат на Кандагар. Вместе с дорогой Кандагар — Кабул получилось как бы кольцо, охватившее центральную часть страны.

Общая протяженность дорог в Афганистане — около 20 тысяч километров. С твердым покрытием меньше трех тысяч, покрытых щебенкой — около семи тысяч.

Восточная граница Афганистана прикрыта горами. Она начинается у Памира в пункте так называемого «великого индийского скручивания», где высоты достигают семи тысяч метров. К югу горы понижаются.

Англичане, несколько раз вторгавшиеся в Афганистан с этого направления, двигались через перевалы: Хайбер, Боланд, Курам... Перевалы прикрыть нетрудно. Бóльшую опасность для Афганистана представляют сейчас караванные тропы. Их множество. Они проходят по карнизам скал, по дну ущелий. Такие тропы используют банды, засылаемые из Пакистана.

Сергеев снова щелкнул ремешком полевой сумки, достал лист бумаги, заполненный бисерным почерком.

— Вот, полюбопытствуйте. Разыскал старую книжку об опыте гражданской войны в Афганистане 1928 — 1929 годов. Сделал выписку:

«Общими условиями в этой части Афганистана являются:

1. Крайне пересеченная местность, богатая горами, разделенными одна от другой обычно узкими и глубо-

кими ущельями, по которым ползут вверх малоизведанные пешеходные тропы.

2. Расселенность жителей по глубоким долинам, часто разделенным одна от другой хребтами и отрогами, которые образуют как бы перегородки, разделяя местность на изолированные участки.

3. Недостаток водных источников.

4. Непогода, жара или сильный холод играют здесь несравненно большую роль, чем на равнине».

— На Западе страны афганской армии действовать против банд полегче, — сказал Сергеев, забирая листок. — Плоскогорья, пустыни. Тоже не мед. Но зато местность открыта для наблюдения...

Готовясь к этой поездке, я, конечно, постарался побольше прочитать об Афганистане. В том числе и о горах и о дорогах. Но в изложении моего собеседника все, даже ранее известное, оборачивалось несколько иной стороной.

А что, подумал я, если подсесть сейчас вот к тому подполковнику интендантской службы? А потом поговорить с майором-десантником, с врачом? Ведь в сумме служебных забот пассажиров этого самолета наверняка отразится, прорисуется уровень сложности той задачи, которая поставлена перед нашими войсками в Афганистане. И я было уже поднялся с места. Но...

Прижимаясь кончиком правого крыла к горам, наш Ил-18 начал снижаться, вкручиваться в узкую долину Кабула.

II

По какой-то, видимо, уважительной причине Леонид Миронов, корреспондент «Правды» в Афганистане, меня в аэропорту не встретил. Возможно, просто не разыскал.

Кабульский аэродром живет бурно. Воздух насыщен гулом моторов, посвистом крыльев, гудками автомашин. Будто гуси на воду, чуть задрав носы и вытянув вперед черные лапы, садятся транспортные самолеты. Взлетает стайка афганских МиГ-21. Они уходят круто, с коротким четким интервалом, светя красноватым пламенем форсажа. Будто кто-то выпустил в небо очередь трассирующих пуль.

Вторая эскадрилья — на очереди. Из их хвостов бьют раскаленные струи, не позволяя проехать колонне машин. Взлетели, и ЗИЛы, УАЗы снова заметались между северной и южной стоянками, мчатся по посадочной полосе, трясутся рядом с нею на ухабах. Притормаживая возле самолетов, водители спрашивают у летчиков: «Где борт номер тридцать пятый?», «Откуда взлетает сорок восьмой?»

Идет строй солдат афганской армии. Вразвалочку. Увидели афганского майора — золотые перекрещенные мечи на красном погоне. Дружно грохнули по бетону тяжелыми башмаками.

Возле белой башенки аэровокзала величественный «Боинг-707» набирает горючее. Наверное, готовится к рейсу в Европу.

Вдали по кромке аэродрома видны нацеленные в небо ракеты ПВО.

Конечно, не пропал бы я в этой суматохе, но все же очень обрадовался, когда Сергеев пригласил меня в присланную за ним машину.

У ефрейтора мундир отутюжен до хруста. Сидящий рядом с ним капитан поставил между коленями автомат. Мы на заднем сиденье УАЗа. Едем по широкой, обсаженной платанами магистрали, и, как всегда при первой встрече, глаза жадно ловят каждую деталь.

В этой части города машин немного.

Семенит по обочине вдоль глухой глиняной стены тонконогий ослик. На спине — подушка, на подушке, скрестив под собой ноги, сидит старик в чалме, смотрит поверх машин в небо, не едет — плывет. Тянется скучная стена, но вдруг вспыхнула за ней шитая золотом тюбетейка, промелькнуло девичье лицо, захлопнулись ворота...

Миновали посольство США — двухэтажный белый дом на зеленой, заставленной машинами лужайке за железной оградой. Проехали какое-то здание, разукрашенное полосами кумача. Кажется, приближаемся к центру — больше машин, шумнее толпа.

Ах, какое смешение времен и племен! Бегут, размахивая портфелями, смеясь, девушки в джинсах и пестрых кофточках. Движутся продолговатые зеленые или табачного цвета шелковые гофрированные мешки. Ног совсем не видно, а там, где предположительно должны

находиться глаза, нашита на мешок черная сетка. Каракулевая шапочка и европейский костюм. Белая чалма, белая рубаха под черным жилетом и широчайшие серые штаны. Старик, закутанный в римскую тогу. Но чаще всего можно увидеть ребят, которые одеты, как в летний день на московской улице: брюки, сандалеты, рубашка с короткими рукавами...

Вот он, пожалуй, и центр — за сквером поднимаются прижавшиеся друг к другу кабульские акселераты — дома в шесть-семь этажей, с балконами, тентами, магазинами.

Полицейский поднял обтянутую белой перчаткой руку. Пропуская пешеходов, остановился поток машин: «пежо», «Волги», «Москвичи», «фольксвагены»... Обходя наш военный УАЗ, несколько человек приветливо улыбнулись. Кто-то помахал нам рукой. Но поймал я и холодный, обжигающий ненавистью взгляд.

Рядом с нами стоит автобус, такой же, как все другие в Кабуле, разрисованный цветами и узорами. Глянул в его окна и обомлел. Везет он... коров. Печальными мордами они тычутся в стекла, будто вопрошают: «Скажите, люди, какой у нашего автобуса маршрут? Где будет конечная остановка?»

Набережная реки Кабул. Бурливая, с белой бахромой на перекатах река подступает к узкому проходу между двумя горами. Вместе с рекой город тоже прорывается сквозь узкое ущелье, выплескивая с разбега на склоны обеих гор рыжую пену глиняных хижин.

Стоп! Это я уже где-то видел... Ну да, конечно! 1964 год. Ночью мы подлетали к Рио-де-Жанейро. Огни города расстелились под самолетом, и мне показалось, что лежит он среди озер — в сплошном переливчатом мерцании проступали черные, без единого огонька пятна. А утром я увидел, что это горы.

Обычно города прячут свои трущобы на окраинах. В Кабуле, как и в Рио-де-Жанейро, хижины бедняков вознесены горами над центром.

Вообще Кабул совсем не такой, каким он рисовался мне в воображении. Он богаче и беднее, суровей и веселее, чем на фотографиях. В нем больше, чем ожидаешь, широких современных улиц, зданий, больше скверов и парков. И мечети, как ни странно, не доминируют над городом, их минареты не могут, как в дру-

гих восточных городах, служить маяками в путанице улиц. Но в нем нигде не укроешься от взгляда этих глиняных домиков. Черными глазами квадратных окон смотрит старый Кабул со склонов гор на центр, где кино, телевидение, демонстрации, флаги, школы...

За ущельем потянулись мастерские ремесленников-металлистов. Звон наковален. Пылание горнов за распахнутыми дверями. Здесь делают железные кровати. Вся улица заставлена ими. Кажется, только что ушел отсюда, свернув матрасы, поднятый по тревоге батальон.

И снова распахнулась огороженная платанами широкая магистраль...

Прошу извинить за сумбурное это перечисление.

Наверное, рассказ о Кабуле следовало начать поиному, спокойнее и логичнее. Можно было сообщить, что первое упоминание об этом городе относится ко II веку нашей эры. Был он недолго столицей империи Великих Моголов, и именно здесь похоронен ее основатель Бабур. А столицей Афганистана стал в конце XVIII века, тогда Тимур, сын Адам-шаха, первого эмира Афганистана, перенес сюда престол из города Кандагар... Можно было, не углубляясь в историю, сразу сказать, что сейчас население Кабула примерно миллион человек, город быстро растет, есть даже «кабульские Черемушки»... И, наконец, можно было просто не спешить, накопить впечатления, отобрать важные и лишь тогда приступать к рассказу.

Но они, эти важные, когда накопятся, обязательно погребут под собой и старика на ослике и золотую тюбетейку... Через день-другой привычным и, значит, неразличимым станет запах Кабула, такой, каким я ощутил его, подъезжая к центру, — запах пыли и апельсинов. А всего этого жаль, потому что увидеть страну впервые дано лишь один раз.

...Едем дальше. Капитан предъявил пропуск. Дежурный по КПП очень внимательно его исследовал. Возвратил. Приложил руку к козырьку фуражки. Поднялся полосатый шлагбаум, и наш УАЗ, почтительно поклонившись на ухабе танку Т-62, который стоит возле ворот, въехал на территорию штаба.

III

В отель «Кабул» я добрался под вечер.

— Да, сэр, есть свободная комната. На втором этаже. Окна, к сожалеиию, выходят иа перекресток. Устраивает? Какое ведомство будет оплачивать номер? Вы сами? В таком случае заполните, пожалуйста...

Прочнтав в регистрациониом листке в графе «профессия» слово «журналист», портье уже с нескрываемым удивленнем смотрит на мои полковничьи погоны. В посольстве мие сказали, что советские люди в «Кабуле» остаиавливаются часто. Но иаши офнцеры, видимо, здесь не живут.

— Военный журиалист, — уточияю я.

Хотя это абсолютная правда, мы оба почему-то многозначнтельно улыбаемся.

Отель старый, когда-то богатый. Три этажа, лифта иет, из холла, где стоят иесколько столиков с иизкими креслами н висят на дубовых панелях рекламиые плакаты афганской туристской компаиии, двери ведут в ресторан, в зал, где иакрывают завтрак, и в сад. Возле лестннцы гостей приветствует фаиерная стюардесса Аэрофлота.

Бача — по-афгаиски «мальчик», а также «коридорный» и «официаит» — несет мой чемодаи в номер. Ему лет сорок. Зовут Аивар.

Поскольку афгаиских деиег у меня пока иет — так и ие успел сегодня обмеиять чек в банке, — вместо чаевых вручаю Анвару сапоги и китель, чтобы почистил, отутюжил и зиал — за миою ие пропадет.

Номер крошечиый, ио вроде все, что иеобходимо, есть: кровать, письмеиный стол, шкаф. В ваиие бежнт горячая вода. Блаженство! К вечеру пыль для меня уже ие пахиет апельсииами.

«Какая жнзиь? Солдатская! — сказали мие сегодня в штабе. — До февраля — снег, в марте — грязь, теперь, в апреле, — пыль. Для боевой техиики оиа самый главный враг. Но служба идет, как определеио уставами...»

В штабе меня познакомили с обстаиовкой, помогли определить направленне первых поездок. Здесь же я узнал, почему Миронова не оказалось в аэропорту.

Несколько дней назад по дороге, которая пересекает гориое плато иа западе Афганистаиа, шел автобус.

Особого внимания у афганского патруля, который под командованием старшего лейтенанта Саида Юсуфа скрытно вел наблюдение за дорогой в 75 километрах западнее города Герат, этот автобус не привлек. Едет днем, не таясь... Но когда патруль все же остановил автобус для обычного досмотра, из передних и задних дверей выскочили вооруженные люди и открыли из автоматов огонь.

В схватке бандиты были уничтожены. Двое взяты в плен. Они заявили Саиду Юсуфу, что отряд формировался в Иране, в городе Кум, с задачей проникнуть в Герат, установить связь с контрреволюционным подпольем в городе и приступить к диверсионным действиям. Боеприпасы, и в частности гранаты, банда везла с собой.

Все это, в общем, не представляло бы особой сенсации, если бы Саид Юсуф, осматривая оружие, которое находилось в автобусе, не обнаружил, что упакованные в ящики гранаты имеют совершенно необычный вид. Их срочно переправили в Кабул, где было установлено, что гранаты — химические.

Сейчас в министерстве иностранных дел Афганистана идет пресс-конференция для афганских и зарубежных журналистов. Миронов наверняка находится там.

Попросив машину, я поехал в МИД.

До центра добрались быстро, там порядком поплутали: сначала выскочили к какой-то мечети, потом попали на узкую улицу с бесчисленными лавками. Удивили расстеленные на тротуарах прямо под ноги прохожих нарядные ковры... Когда наш УАЗ остановился, наконец, возле ограды трехэтажного, облицованного светлым камнем здания министерства иностранных дел, пресс-конференция еще продолжалась.

Длинный узкий зал, двери которого выходят прямо в парк, был заполнен журналистами и ярко освещен — работали три телевизионные камеры.

Вел конференцию невысокий седоватый человек с интеллигентным, чуть усталым лицом, как мне сказали — министр культуры и информации Сарболанд. Вел спокойно, сдержанно. Честно говоря, я ожидал больше эмоций.

Предоставили слово афганскому химику Гуляму Джелани.

— Отравляющее вещество, которым начинены гранаты, называется 517 СИ-Эс, оно обладает широким спектром действия. Сначала появляется жжение глаз, потом рвота, боли в позвоночнике, человек становится беспомощным...

Свет в зале погас, осветился экран над столом президиума. Замелькали кадры документального фильма: проселочная дорога, вьющаяся среди отлогих холмов, накренившийся автобус с распахнутыми дверями стоит на обочине, шофер автобуса, пожилой испуганный афганец, поднимает рубаху, показывает следы побоев. «Они ворвались в мой дом, избили и заставили везти в Герат...»

Снова вспыхнул свет. На трибуне старший лейтенант Саид Юсуф. Ему лет двадцать пять. Хорошее открытое лицо. Отвечает на вопросы четко. Хотя и заметно волнуется перед телекамерами и такой большой аудиторией.

— Эти гранаты вы обнаружили в автобусе?

— Да, эти самые. Они были упакованы в ящики.

Гранаты лежали на столе президиума, ярко окрашенные, похожие на банки с консервированным пивом.

Последним выступил, зачитав заявление правительства ДРА, начальник Главного политического управления Народных вооруженных сил Голь Ака:

— Правительство Демократической Республики Афганистан выражает решительный протест против оснащения международным империализмом и реакцией региона наемных бандитов, засылаемых в Афганистан, химическим оружием, применение которого является актом вандализма...

Ни одна аудитория не покидает зал так быстро, как журналисты после завершения пресс-конференции, если на ней было сообщено что-то важное, что нужно передать в газеты.

В повалившей через распахнутые двери толпе я все же успел ухватить за руку Миронова, потом увидел своего старого товарища писателя Генриха Боровика.

Ни обниматься, ни сердиться некогда.

— Поедем работать ко мне домой,— предложил Миронов.

— Хорошо, — согласился я. — Только познакомь меня сначала с Голь Ака.

Начальник Главного политического управления невысок, коренаст. Глаза на смуглом лице светятся веселой лукавинкой.

— Газета «Правда»? Будете писать об армии? Очень рад, товарищ! Приезжайте завтра утром в генштаб Побеседуем.

Зал опустел. Телевизионщики отключали аппаратуру. Афганский офицер убирал гранаты с покрытого красной скатертью стола. Я попросил разрешения подержать одну из них.

На вес — легка. Сбоку на светлом металле четкий английский шрифт: «Изготовлено в федеральной лаборатории в Солсбери. Штат Пенсильвания. США. 1978».

...Москву долго не давали, но материал в редакцию мы все же продиктовали вовремя. По крайней мере, для ночного выпуска газеты.

В отеле я распахнул окно своей комнаты. В густеющей темноте растворились очертания гор, исчезли из глаз вскарабкавшиеся на их склоны хижины, оставив лишь свет своих окон. Окна мерцающими вертикалями уходят ввысь, и потому Кабул кажется сейчас городом небоскребов.

Комната действительно над самым перекрестком. Но шума нет. Наступил комендантский час.

IV

— Товарищ Голь Ака просит немного подождать. Он скоро освободится.

Адъютант вернулся к своему столу, я устроился в кресле. Здание генштаба массивное, с широчайшими, покрытыми коврами коридорами, лифтами, с большими сводчатыми окнами стоит в самом конце длинной, прямой просторной улицы, отороченной пирамидальными тополями.

Улица упирается в холмы. Дальше темнеют горы. Здесь окраина Кабула.

И улица, и здание генштаба, и виднеющийся сквозь окно на вершине одного из холмов бывший загородный королевский дворец, весь этот район, Дар-

уль-Аман, красиво распланированный, но так окончательно и незастроенный, начал создаваться в 1922 году, когда Амманула-хан, последний эмир и первый король Афганистана, сын убитого на охоте эмира Хабибулы, добившись в короткой победоносной войне 1919 года независимости от Англии, приступил к проведению реформ.

Он начал широко и круто: развитие промышленности, торговли, народного образования, здравоохранения, раскрепощение женщин, строительство дорог, использование богатств недр, организация воздушного сообщения... Чтобы добыть средства — конфискация в пользу казны вакуфов, — принадлежащих духовенству поместий, и повышение налогов.

В стремлении одним рывком вывести страну из вековой отсталости он был нетерпелив, мужествен, порой неразумен.

Запретил появляться на улицах Кабула в чалме. А когда собрал в городе Пагман для утверждения своих реформ «великий совет» из представителей всех племен, то заставил их являться на заседания в черных пиджаках и полосатых брюках, доставленных в Пагман по его распоряжению.

Но умел он и маневрировать.

В 1924 году на юге страны подняло восстание племя гильзаев, подстрекаемое духовенством и недовольное возросшими налогами. Их требования: 1. Отменить новое законодательство. 2. Убрать из Кабула всех европейцев. 3. Закрыть в Кабуле женскую школу. 4. Возобновить свободную торговлю с Индией без лицензий и таможенных сборов.

Амманула-хан двинул против гильзаев армейские части, вооруженные отряды племени луррани и хазарейцев. И одновременно пошел на уступки.

Было объявлено, что ряд реформ, особенно касавшихся женского равноправия, отменяется. В суды вернулись муллы. Совет представителей племен — «Джирга» — обратился к народу с воззванием, в котором говорилось, что все отклонения от ислама устранены, а потому «всякий выступивший с оружием в руках против правительства или издаваемых им законов подлежит суровому наказанию».

После ликвидации мятежа Аммануна-хан постепенно убрал его руководителей, сменил вождей мятежных племен и уже в 1926 году продолжил реформы.

На собрании племенных вождей он предложил своей жене снять чадру. Первой в Афганистане.

Выступал против многоженства:

«У нас считают, что многоженство — полезный институт. У моего отца было триста жен. Они родили пятьдесят четыре ребенка. А сколько было бы детей, если бы у каждой был свой муж!»

В стремлении вырвать страну из отсталости Аммануна-хан был отнюдь не одинок. За ним шла молодежь, его поддерживали многие племена, ему были преданы прогрессивно настроенные офицеры. Да и в целом в армии, которую он привел к победе над старинным и могущественным неприятелем, авторитет Аммануны-хана был велик.

Однако реакционное духовенство, феодалы, видя, как шатаются вековые устои, как уходит богатство, и понимая, что вот-вот начнет слабеть влияние и ускользать власть, тоже собирали против Аммануны-хана силы, и силы немалые. Отсталость дехкан и ошибки правительства, рознь племен и недовольство налогами, обида на губернатора, который незаконно отвел воду и нарушил вековые правила шариата о поливе земель, — все это умело и старательно заплеталось в узелки.

Была в этой сети и еще одна по-особому окрашенная нить.

В 1927 году Аммануна-хан отправился в большое заграничное путешествие. Оно длилось долго и чем-то напоминало «великое посольство» молодого царя Петра. Аммануна-хан знакомился с достижениями Запада, размещал заказы на оборудование, оружие, приглашал в Афганистан специалистов. Он посетил Италию, Францию, Германию, Англию... Завершая турне, приехал в Советский Союз — первый монарх, который после Октябрьской революции нанес визит Стране Советов.

Визит был не началом, а развитием дружественных отношений между СССР и Афганистаном. Еще в апреле 1919 года, лишь только придя к власти, Аммануна-хан направил миссию в Москву с письмом

на имя В. И. Ленина и М. И. Калинина. В феврале 1921 года был подписан первый советско-афганский договор, дополненный в 1926 году новым дружественным соглашением. В Кабуле открылось советское посольство, а в Герате, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Газни — советские консульства. Тридцать советских пилотов обучали в Кабуле афганских летчиков. С помощью советских специалистов прокладывалась телеграфная линия Кушка — Герат — Кандагар — Кабул. В 1927 году начало действовать регулярное воздушное сообщение Кабул — Ташкент...

После переговоров, которые провел Аммануль-хан в Москве в 1928 году, связи между Афганистаном и СССР должны были еще более укрепиться и расшириться.

И все это не нравилось Англии. Ей не нравился афгано-иранский договор 1928 года, обеспечивающий безопасность западных границ Афганистана, и подписанный в том же году афгано-турецкий договор, по которому Турция обязывалась помочь Аммануле-хану в реорганизации армии. Ей не нравилось, что на границах с «жемчужиной британской короны» — Индией крепнет независимое государство. Пример мог быть опасным...

«Вследствие таких обстоятельств, когда Пенджаб начинает со всей серьезностью обращать взоры на Кабул, разве мы можем позволить развиваться событиям до того времени, пока их нельзя уже будет остановить?» — спрашивал на страницах военного журнала английский генерал Мак Мунна.

Его статья, называвшаяся «Реальный британский взгляд по отношению к Афганистану», была опубликована в январе 1929 года. Но еще задолго до того, как январский номер «Журнала Королевской артиллерии» вышел в свет, в Пенджабе под видом инструктора-летчика Джонсона появился знаменитый английский разведчик полковник Лоуренс...

23 декабря 1928 года совет мулл северной провинции Афганистана постановил объявить «джихад» — священную войну против Аммануль-хана. Разгорелась та самая гражданская война, о которой в самолете на пути в Кабул мы говорили с военным инженером Сергеевым.

Амманула-хан отрекся от престола, реформы были отменены.

Как память тех лет раскинулся за окнами генштаба афганской армии незавершенный район Дар-уль-Аман и высится на холме бывший загородный королевский дворец, где 27 декабря 1979 года закончил свою бурную карьеру Амин.

Сейчас стены дворца обнесены лесами, идет ремонт.

— Товарищ Голь Ака ждет вас, — сказал, поднимаясь из-за стола, адъютант.

V

Попросил бачу Анвара разбудить меня в шесть утра. Но проснулся в четыре, когда за окнами отеля прогрохотал афганский бронетранспортер.

Снова сомкнулась тишина. Однако уже не спалось.

Утро подкрадывается к Кабулу мягко, на кошачьих лапах. Сначала слышно лишь, как ворчит река, шевелит камни, плещет на перекатах. Невероятно яркие звезды начинают гаснуть, от неба отделяется черная громада горы Асмаи, и тогда темнота и тишина рождают протяжный, тревожащий душу звук. Затихая и усиливаясь, то ли плач, то ли пение, он плывет над домами, призывая правоверных к предрассветной молитве. Но город продолжает спать, зажмурив ставни бесчисленных лавок.

Лишь с призывом ко второй молитве Кабул сбрасывает дремоту. Теперь он спешит надышаться ускользающей прохладой. Главное направление движения — к базару. Туда от реки каким-то особым скользящим шагом бегут торговцы зеленью, прополоскавшие в коричневой воде пучки салата, связки лука, редиску. Гудят машины на перекрестках. Не обращая на них внимания, катят хазарейцы свои тяжелые повозки — карачи.

Вот двое впряглись в оглобли, тянут повозку на чуть заметный подъем. Высоки, бритоголовы, широколобы. Восточного типа лица безразличны, как бы отрешены от всей суеты окружающего мира. Пестрые рубашки, заправленные в широкие шаровары, мокры от пота. Шаг упруг и ровен. Ступни ног в едином ритме опускаются на асфальт, и видно, как напрягаются мускулы, чтобы не снизить на подъеме скорость.

Они само олицетворение ровного, непрерывного движения, красоты физического труда.

И, глядя на этих двух хазарейцев, я снова думаю о том, что порой при встрече с жизнью совсем по-иному начинаешь воспринимать вычитанное в книгах. «Униженная часть населения страны, занятая в городах на самых тяжелых, грязных работах...»

Придет наверняка время, когда карачи исчезнут с улиц Кабула, все грузы повезут машины, и это, конечно, будет прекрасно. Но от фигур двух карчивала, которые катят мимо отеля повозку с грудой мешков, веет таким достоинством и силой, что никак нельзя поверить, будто чувствуют они себя униженными и оскорбленными.

Однако, как мне рассказал вчера товарищ Голь Ака, веками сложившуюся обособленность хазарейцев, их религиозный фанатизм, их еще большую по сравнению с остальным населением неграмотность старается использовать контрреволюция. Когда в феврале 1980 года контрреволюционеры попытались организовать в Кабуле мятеж, именно в кварталах старого Кабула, где живут скученно хазарейцы, родился вечером тот устрашающий вой, который потряс город.

...В шесть часов утра постучал в дверь Аивар, в шесть тридцать я позавтракал, с особым удовольствием налегая на тоненькие, темные, похожие на картон, но очень вкусные лепешки, и ровно в семь, как было договорено, у дверей отеля остановилась военная машина. Вместе с политработником подполковником Федором Федоровичем Идиатулиным едем на аэродром.

Но сначала направляемся в «кабульские Черемушки», или в Микрорайон — так называют поднявшиеся неподалеку от аэродрома новые жилые кварталы. Здесь живут многие советские специалисты. У одного из них заночевал Саша Сергеев, фотокорреспондент «Красной звезды», который тоже полетит с нами.

Пока подполковник разыскивает Сергеева, выхожу из машины размяться и оглядеться.

Пятиэтажные, блочные, со швами на торцах дома, с молодыми палисадниками и даже со скамеечками у подъездов... Если бы ни горы над крышами, если бы ни пара бронетранспортеров (БТР) под стенами, если

бы ни мулла в черной развевающейся одежде, который прошел мимо, не удостоив меня взглядом, вполне можно было бы подумать, что я стою на нашей московской улице. Именно стандартность, обыденность выглядят здесь как нечто совершенно экзотическое.

По уже знакомой улице подъезжаем к аэродрому, останавливаемся у диспетчерской, чтобы узнать номер борта и место стоянки нашего самолета.

В нескольких затемненных комнатах, где освещены лишь столы и голубовато мерцают экраны, сосредоточено управление полетами над Афганистаном. Работают афганские операторы. На планшетах паутина линий, сетки координат, значки... И снова чувствуешь, как насыщен авиацией воздух. Вертолеты, транспортные самолеты, афганские истребители...

Под рукой диспетчера трезвонят сразу несколько телефонов, но он как-то ловко управляется со всеми. Одну трубку держит в руке, другую прижал к уху плечом... Свободной рукой перелистывает бумаги.

— Ваш самолет готов к вылету. Разрешение есть.

Действительно, Ан-2 уже прогрел моторы, закрывает грузовой люк: так щука захлопывает пасть. В фюзеляже пусто и пыльно. «Взлетим, буду пылесосить, — хмуро сообщает бортмеханик. — Вчера везли картошку. Сейчас — вас».

Прильнув к иллюминатору, смотрю, как распластывается под нами Кабул, стараюсь различить уже знакомые улицы. Вот Дур-аль-Аман, вот район лавочек Шаринау, где плутали мы, разыскивая министерство иностранных дел, вот там в парке гробница Бабура... Но все это исчезло разом, и под крыльями раскинулся коричневый морщинистый палас в шрамах гусеничных следов. Поодаль от города бросается в глаза какое-то огромное, совершенно непонятного назначения пятиугольное здание. Завод? Синхрофазотрон? Идиатулин не знает. Бортмеханик не знает. Летчика отвлекать не хочется... Да его уже и не видно, этого здания. Самолет набрал высоту, приближается к горам.

Слева тянутся снежные вершины Гиндукуша, под нами сверкает, вьется река Кабул. Она не течет, она как бы прыгает. Набирая в горах силу от тающих ледников, разогнавшись в узких ущельях, она врывается в долину, отдает большую часть воды арыкам

и каналам, снова мчится по ущельям, богатея водой, и опять затихает уже в другой долине... И почему-то странно подумать, что вот эта вода, обласкав южные склоны Гиндукуша, уйдет в Пакистан, сольется с Индом, а потом растворится в голубизне Аравийского моря. Ни один ручеек, ни одна речка нашей страны не прорываются туда...

Самолет чуть потряхивает. Летим над горами.

VI

Еще в Москве бывалые люди предупредили: «Если тебе предложат чай, то, по афганскому обычаю, нужно выпить не менее трех чашек. Первая, чтобы утолить жажду. Вторая — за общее здоровье и благополучие. Третья — в знак уважения к хозяину».

Не помню, сколько раз вчера утром наполнялись, ополаскивались и снова наполнялись чашки, стоявшие на низком столике в кабинете начальника Главного политического управления афганской армии. Разговор с товарищем Голь Ака получился долгим.

Сейчас в самолете, сидя на скатанном матрасе, листаю записную книжку и восстанавливаю в памяти его рассказ.

Голь Ака родился в 1939 году в деревне, в 12 километрах от Кабула. Отец — крестьянин. Не из богатых, но и не самый в деревне бедняк. В шесть лет, как и все мальчишки, Голь Ака начал ходить к местному мулле, который учил ребят читать, писать, заучивал с ними стихи из Корана.

Старенький, подслеповатый, он сидел на подушках, читал нараспев ритмичные аяты, ребята вторили ему. Иногда мулла засыпал, не дочитав очередную суру, и тогда в мечети воцарялась тишина.

Такая учеба продолжается четыре года, и для подавляющего большинства афганских ребятишек завершает их образование. Но Голь Ака проявил себя способным учеником, знал наизусть много глав из Корана, и отец, посоветовавшись с муллой, определил мальчика в лицей Истелаль — среднее учебное заведение, которое французы содержали в Кабуле.

Каждый день задолго до рассвета отправлялся Голь Ака из деревни пешком в Кабул. Двенадцать километ-

ров туда, двенадцать обратно. Все камни на горных тропинках, все кустики вдоль дороги стали его друзьями-приятелями. Учился охотно, увлекался физикой, математикой, твердо решив стать инженером. По-прежнему был религиозен. Но время властно стучалось в стены лицея.

В 1950—1953 годах мощным освободительным, антиимпериалистическим движением был охвачен соседний Иран. В 1956 году произошла революция в Египте. В разговорах с товарищами по лицею Голь Ака все чаще слышал — Ленин.

Однажды он увидел это имя на обложке запыленной книги в маленькой лавчонке. Порывшись в груде книг, нашел еще три тома.

— Четыреста афгани, — сказал духанщик. — Читай на здоровье, молодой господин.

Договорились так: оставив в залог свои учебники, Голь Ака берет на время книги и платит за это по два афгани в день.

Чтобы уложиться в свои сбережения — 24 афгани, — пришлось одолеть четыре тома за двенадцать дней. Читал ночами, читал даже на пути в лицей, там, где тропинка ровная и нельзя упасть со склона... Сказать по правде, понял тогда не слишком много.

В 1959 году, не завершив лицея — два года подряд был плохой урожай, у отца накопились долги, — Голь Ака поступил в военно-инженерное училище.

Таких ребят — сыновей крестьян, ремесленников — в училище было немало. В основном они поступали из военного лицея, куда зачислялись на казенный кошт с десятилетнего возраста.

По рукам кадетов ходила марксистская литература, издававшаяся Народной партией Ирана — «Туде». Вечерами, собравшись в кружок, будущие офицеры спорили о том, как вывести страну из отсталости, о реформах Аммануллы-хана, об исламе и революции, передавали рассказы о жизни в Советском Союзе. Здесь Голь Ака смог, наконец, вчитаться в книги Ленина.

В 1963 году, с отличием окончив училище, Голь Ака был назначен в 72-й полк 8-й дивизии, расквартированной в Кабуле. Его убеждения сформировались, он жаждал деятельности, искал связи. Спустя всего лишь полтора месяца после того, как первый учреди-

тельный съезд образовал в январе 1965 года Народно-Демократическую партию Афганистана, Голь Ака вступил в ее ряды.

Сначала работа партии в армии отличалась чрезвычайной, даже излишней осторожностью. Военные члены партии не поддерживали связи между собой, партийные организации в частях не создавались. Потом этот недостаток был преодолен.

...Несколько раз во время разговора входил адъютант, Голь Ака поднимался, чтобы взять трубку одного из телефонных аппаратов. В эти паузы можно было оглядеть кабинет: большая зашторенная карта на стене, длинный, крытый зеленым сукном стол для совещаний, полки с книгами... Затем Голь Ака возвращался к нашему низкому столику в углу кабинета, снова наливал чай. Разговор продолжался.

НДПА развернула в стране идеологическую и организационную работу. Начала регулярно выходить газета «Хальк» — «Народ». В опубликованной на ее страницах программе партии говорилось, что основная цель НДПА — осуществить общедемократические и национальные чаяния народных масс, соблюдая при этом традиции жизни народов Афганистана.

Авторитет, влияние партии быстро росли. Меньше чем через четыре месяца после своего образования партия смогла организовать широкое празднование Первомая. Уже на первых выборах в парламент были избраны четыре ее депутата. Одним из них, от Кабула, был секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль...

Однако в руководстве партии вскоре возникли разногласия. Носили они скорее субъективный характер, касались личных отношений, иногда — вопросов тактики. В идеологической платформе различий практически не было. Но второстепенные разногласия эти начали почему-то углубляться. Особенно когда в страну вернулся из США Хафизула Амин.

В 1967 году партия раскололась на две части. Появился второй печатный орган «Парчам» — «Знамя». Несмотря на раскол, обе части партии продолжали вести политическую, социальную борьбу.

В 1977 году партия восстановила единство. Этому способствовала назревавшая в стране революционная ситуация.

Вскоре после воссоединения руководство НДПА решило провести расследование деятельности Хафизулы Амина, который сначала вел дело к расколу партии, а потом всеми силами стремился предотвратить ее объединение. Расследование велось тщательно, длилось долго. В марте 1978 года ЦК НДПА приняло решение о выводе Хафизулы Амина из своего состава. К сожалению, решение это не было опубликовано и сразу исполнено. А месяц спустя грянула победоносная апрельская революция. Амин остался в руководстве. Пользуясь влиянием на Тараки, начал прибирать власть к рукам, и это вскоре привело к трагическим последствиям для партии, для страны, а затем и для самого Нур Мухаммеда Тараки...

Голь Ака по-прежнему сдержан, говорит неторопливо, подливает чай, но чуть побледневшее лицо, на котором виднее проступили оспинки, выдает напряжение. Он рассказывает об арестах, уничтожении партийных кадров, об аминовских чистках в армии — их было семь! О том, как удалось похитить из кабинета Амина полный список военных, принадлежавших раньше к «Парчам». Сам Голь Ака, назначенный после революции губернатором в Герат, три месяца спустя должен был уйти в подполье...

Шесть виднейших деятелей партии, среди них Бабрак Кармаль, Нур Ахмад Нур, Анахита Ратзебад, были отстранены от власти, отправлены за границу, а затем объявлены «врагами народа»...

— Последствия этой преступной деятельности Амина мы ощущаем и по сей день, — говорит Голь Ака. — Двадцать седьмого декабря 1979 года здоровые силы партии положили конец аминовскому произволу. Начался второй этап революции. Но преодолеть тот вред, который нанес стране и революции Амин, не так просто. На днях состоится пленум ЦК НДПА. Он примет важные решения, которые будут способствовать дальнейшему сплочению партии.

VII

После котловины Кабула, сморщенной коричневой земли, после голых встрепанных гор долина Джелалабада радует глаз густой, тяжелой зеленью. Кажется, что под крыльями самолета лежит, поблескивая на

солнце, полированная плита малахита. И река на ней — серебристая змейка.

Аэродром расположен рядом с городом, чуть его восточнее, возле шоссе, что идет от Кабула через Джелалабад к Хайберскому перевалу.

На аэродроме проводы. Наш самолет доставит в Кабул губернатора провинции Нанганхар. Об этом сообщает прилетевший за мной командир вертолетчиков подполковник Геннадий Александрович Бочкарев. Невысокого роста, тоненький, загоревший, точнее, обгоревший так, как обгорают только блондины, он для своей ответственной должности и уже высокого военного звания выглядит очень молодо и, видимо, потому держится с подчеркнутой солидностью.

Знакомит меня с афганскими товарищами. Губернатор Насыр Шавладар тоже молод, высок, строен. Одет в зеленую куртку из грубого солдатского сукна. На плече автомат. Начальник политотдела одного из соединений афганской армии Хазрат Расул неплохо говорит по-русски. «Добро пожаловать! Ждем вас. Из Главпура нас предупредили».

Оба только что вернулись из боя. Сегодня утром закончилась операция по очистке от банд провинции Лагман и уезда Хугани. Сейчас войска на марше по дороге в казармы.

Вместе с подполковником Идиатулиным решили слетать в хозяйство Бочкарева, благо, вертолет наготове.

...Белый двухэтажный домик со стеклянной башенкой стоит на краю аэродрома. Рядом — штабные машины, аэродромная техника, поодаль ряды палаток. Все окна и двери распахнуты. Жара.

Бочкарев провел нас на второй этаж в свою комнату, достал из надсадно жужжащего холодильника запотевший графин с водой, включил вентилятор.

В комнате три койки, стол, лежат, висят автоматы, в углу стоит старинное двухствольное ружье. За окнами на бетоне взлетно-посадочной полосы видны вертолеты с поникшими лопастями. Возле них летчики в светло-голубых комбинезонах, техники в таких же комбинезонах, только погрязнее. Идет подготовка к полетам, которые начнутся как только чуть ослабнет жа-

ра. Через открытое окно слышно, как с вышки руководителя полетов то и дело окликают метеорологов:

— Доложить температуру!

В горячем разреженном воздухе вертолеты работать над горами не могут.

В комнату заходят офицеры с бумагами, с докладами. Зампотех потерял пожарную машину. Куда-то ездили, не то ее получали, не то перегоняли, по дороге машина испортилась, оставить с ней на ночь солдат не решились, а когда приехали утром — машины нет. Зампотех просит вертолет, чтобы облететь округу. «Она же красная, сразу разглядим!»

Идиатулин остается выполнять свое задание, а я отправляюсь в афганскую дивизию.

...Сначала машина мчится по обрамленному чинарами шоссе, потом сворачивает на посыпанные песком дорожки прекрасного сада. Цветут розы. Из глянцевой зелени цитрусовых выглядывают зеленые бомбы лимонов и апельсинов. Воздух пропитан густым пьянящим ароматом цветущего померанца.

По прекрасной извилистой аллее подкатили к нарядному дому с балконами, тентами, подозрительно тихому и совсем не похожему на штаб. На шум машины вышли два афганских сержанта. Пытаемся объясниться. Наконец я нашел два ключевых слова: «Телефон» и «Расул». Меня соединили со штабом дивизии.

— Где же вы, товарищ Гайдар? — услышал я на другом конце провода мягкий голос Расула. — Ждем вас!

Оказывается, мы забрались в офицерский клуб. Штаб и политотдел в другом месте. Но тоже неподалеку.

У Расула Хозрата большой, но какой-то «некабинетный» кабинет. Вдоль трех стен диваны. Перед ними низкие столики. Провернутый, как мясорубкой, машинным нутром «кондишен» воздух все равно сохраняет запах померанца.

Расул вводит меня в обстановку.

До 27 февраля в провинции было относительно спокойно. Затем появилась банда Адам-хана. Численность 750—800 человек. Это военное формирование партии «Хезби ислами», одной из главных соперни-

чающих между собою контрреволюционных организаций. Банда пришла из Пакистана. Здесь к ней примкнули многочисленные мелкие банды от 3 до 15 человек.

Адам-хан практически блокировал Джелалабад, перерезав шоссе на запад к Кабулу и на восток к границе с Пакистаном. Душманы подорвали линию высоковольтной передачи, оставив на какое-то время город без электричества. Несколько раз пытались подорвать водокачку. В окрестных селах жгли школы, дома офицеров и солдат афганской армии, убивали партийных активистов, учителей...

— Вот это мы нашли в вещах одной из разгромленных банд...

Расул взял со стола книжку в зеленом переплете, изданную «Исламской партией Афганистана», начал читать оглавление:

— «Минирование дорог... Разрушение дорог... Подрыв транспортных средств... Организация засад и захват транспорта... Внезапные атаки... Нападение на посты... Уничтожение складов ГСМ...»

По моей просьбе перевел несколько абзацев.

— «С приближением транспорта к месту засады водитель и его помощник подвергаются обстрелу желательно из пневматической винтовки или винтовки с глушителем, чтобы не было слышно звука выстрелов. Затем холодным оружием убираются пассажиры. Чем меньше шума, тем больший успех. Операция завершается изъятием груза. Место для засады выбирается там, где водитель вынужден снижать скорость... Участники засады распределяются следующим образом: скрытые наблюдатели с обеих сторон засады, стрелки с пневматическим оружием, основная группа...»

Операции против банды Адам-хана велись в ущелье реки Лагман (провинция Лагман) и в уездах Кама, Сурх-руд и Хугани. Метод—блокирование, прочесывание и бой на уничтожение.

Адам-хан убит. Его тело выставлено для опознания в уездном центре деревни Султанхур. Банда разгромлена, частично бежала в Пакистан. Мелкие отряды скрываются в пещерах.

Во время разговора в кабинет вошел тоненький старший лейтенант, что-то доложил Расулу, четко повернулся, вышел. Этот старший лейтенант Мухаммед Сарвар возглавит колонну, которая отправится в уезд Хугани помогать восстанавливать местную власть.

— Можно и мне с ними?

После некоторого нажима получаю разрешение. Но сначала — обедать. Обед по случаю завершения операции парадный.

На столе в офицерском клубе дивизии плов, шашлык, фрукты. Но общее оживление иногда прерывается паузой. Всех беспокоит состояние командира дивизии майора Абделя Вадут. Во время боев он ранен в легкое. Сейчас в госпитале в Кабуле.

VIII

После обеда заморосил мелкий дождь. Вместе со старшим лейтенантом Мухаммедом Сарваром и приставленным ко мне личным стражем, молчаливым крепышом Мухаммедом Ибрагимом с раскосыми глазами на круглом смуглом лице, едем на одну из площадей города, где формируется колонна. У Ибрагима белые гамаши, белый пояс. Он из взвода охраны штаба.

Даже под дождем город оживлен, весел. Сегодня пятница, день для мусульман особый. По улицам течет принарядившаяся толпа. Что-то восклицают торговцы, простирая к прохожим руки. Бегут разносчики. Катятся тележки с прохладительными напитками. Огромные бутыли отсвечивают всеми цветами радуги. И повсюду неугомонно снуют крошечные такси — мотороллеры, очень напоминающие и устройством и убранством торжественные паланкины. Кажется, что раззолоченные, разукрашенные эти кабинки со всеми их кистями, перилами, подушечками и занавесками сняли со спин могучих слонов и поставили на маленькие резиновые колесики.

У нас какая-то задержка. Фырчит мотор афганского БТР. УАЗ пристроился ему вслед. За нами стоит маленький автобус с красным полумесяцем на борту — медицина. Но команды двигаться еще нет.

Мухаммед Сарвар объясняет: ждем второй БТР. С одним опасно. И должен подъехать мулла. «Хороший, революционный мулла», — говорит Сарвар.

Пока суть да дело, расспрашиваю Сарвара о его службе. Окончил училище год назад. В партию вступил за месяц до революции. Должность — инструктор политотдела дивизии по работе с молодежью. Недавно родился сын. Назвали его Мухаммед Инкиляб — Мухаммед Революция.

Сейчас Сарвар озабочен. Время уходит, дорога неблизкая.

Наконец, загрохотало вдали, шарахнулись мотороллеры, подкатил второй БТР с радиорупором. Тронулись!

Как только выехали за город, сразу слева и справа поднялись стены домов-крепостей. Отвесные глинобитные стены увенчаны круглыми башнями, прорезаны щелочками бойниц. Тяжелые ворота окованы железом.

Перебираю в памяти виденное — крепости Испании, за́мки на холмах Словении, цитадель крестоносцев над Алеппо в Сирии, замшелые форты Нормандии... Едем по шоссе, и начинает казаться, что вокруг какой-то фортификационный музей, что все крепости мира собрались в этой долине, уменьшенные, упрощенные, но все равно суровые и сердитые. Разделенные ниточками арыков, они встают над полями, грозя соседу и отгораживаясь от него. И добавляя фантастичности этой картине, устремлены к небу витые вавилонские башни — огромные печи для обжига кирпича.

Не успели проехать и полутора десятков километров — остановка. Один из БТР вышел из строя.

— Что будем делать? — спрашивает Сарвар. — Может, поедем с одним?

— Тебе виднее. Если считаешь, что можно, — поехали.

Перестроились. Теперь наш УАЗ идет впереди, а БТР замыкает колонну.

Людей не видно, ни близко, ни далеко, ни на зеленых полях пшеницы, ни возле кроваво-красных плантаций мака. Справа долина огорожена грядой фиолетовых гор. Изредка по краю поля прошествует афганец в белой рубахе и тенью проскользнет за ним фигурка закутанной в паранджу женщины с корзиной на голове.

И все чаще попадаются следы боев, дома с обрушенными кровлями, башни, развороченные артиллерий-

скими снарядами, остовы сожженных машин. Уже несколько раз объезжали разрушенные мосты.

Уезд Сурх-руд (красная река). Здесь особенно активно действовали банды Адам-хана. И вот в тех горах, в одной из пещер он убит.

Снова остановка. На этот раз испортилась санитарная машина. Пока шоферы возятся с мотором, выхожу поразмять ноги. Шагах в десяти неотлучно следует Ибрагим. Остановлюсь, он остановится. Сделаю шаг, он тоже. Лицо бесстрастное. В руке — автомат.

Поговорил с помощью Сарвара с одним из солдат нашей колонны — Мухаммедом Фидау. Он родом из этих мест, из Хугазни. Мальчишкой ушел на заработки в Кабул. Повезло, стал учеником в мастерской автомеханика. Два с половиной года назад призван в армию. Там вступил в партию. Сейчас впервые после революции едет в свою деревню. Что ждет его там, кто жив, кто убит? Цел ли дом?

Уже на границе между светом и тьмой, миновав сожженную деревню Каджа, подъехали к большому зданию, возвышающемуся одиноко на вершине холма.

На узенькой размокшей дороге колонну встретил, размахивая руками, молодой афганец. Это секретарь уездной партийной организации Абдул Шакур, учитель школы в Каджа, сожженной бандитами.

От него узнаем, что опоздали. Митинг состоялся. Народу, правда, собралось немного, но важно, что пришли все старейшины. И еще Абдул Шакур сообщает, что двигаться по дороге дальше нельзя. Три часа назад здесь подорвалась на мине машина.

Сворачиваем. Буксуя, колонна взбирается на холм с другой стороны.

Возле странного, тяжелого, из тесаных глыб здания с пятиугольной башней, с крытой галереей, с прорезями узких, без стекол и без рам окон, видимо, недостроенного, но уже состарившегося, охватив это здание полукольцом бронетранспортеров, отрыв окопы для боевого охранения, расположился на ночь батальон. К стенам дома приткнулись грузовики, полевые кухни, машина с рацией. На соседний холм, озирая долину, взгромоздился танк. За танком, за погружающимися во тьму полями поднимаются склоны Сингара, на которых гаснут последние отблески вечерней зари.

У командира батальона старшего капитана (есть в афганской армии такое звание) Мухаммеда Шарифа тяжелые крестьянские руки, глаза воспалены усталостью и бессонницей. Сдержан, приветлив, полон достоинства.

Допоздна сидим в большом пустом зале на третьем этаже. Фонарь «летучая мышь» бросает блики на лица. На столе чай, лепешки, какие-то местные сладости. Окна зала занавешены суконными солдатскими одеялами — не от холода, от пули снайпера. За столом кабульский рабочий-каменщик Ибрагим Аскемаз Мохаддждан. Задумчиво покачивает серой чалмой, задумчиво перебирает четки. Он прислан сюда на должность начальника уезда. Начальник уездного цирандоя — милиции Бохрамутдин огромен, молчалив, бритоголов, кажется, что он высечен из каменной глыбы. Секретарь партийной организации Абдур Шакур оживлен, энергичен. Он ведет разговор.

Крестьяне напуганы бандами, которые хозяйничали в уезде почти два месяца. Не выходят на поля, хотя урожай хорош и именно сейчас нуждается в заботе. Одна из первых задач — связаться с теми, кто бежал от бандитов в горы, сообщить им о разгроме банды Адам-хана, уговорить вернуться в селения. Нужно открыть магазины, восстановить почтовую связь. Подобрать помещение, в котором разместится школа...

Хмурится начальник цирандоя. Адам-хан убит, но где-то неподалеку, в горах, прячутся банды малави Халеса и Падна-хана. В уезде примерно 80 тысяч жителей. В милиции — 11 человек. В партийном активе — 30 человек. Бохрамутдина волнует вопрос: останется батальон в уезде или двинется дальше в горы?

— Завтра нас должно быть вдвое больше, послезавтра — втрое, — говорит Абдул Шакур. — Крестьянам надоело прятаться от бандитов, платить им дань. Разве может крестьянин спокойно смотреть, как гибнет урожай? Нужно расширять актив, создавать в селах отряды самообороны, раздать оружие! Вот в Зава ведь не пустили душманов!

Зава — один из районов уезда. В юго-восточном его углу. Села Хатырхель, Ибраимхель, Умархель... До появления Адам-хана там действовала банда сержанта Храммада, дезертировавшего из афганской армии. Бан-

ду разбили, в деревнях создали отряды самообороны, которые возглавил бывший офицер, капитан запаса. Оставили в селе Хатырхель одного солдата с рацией. И все время, пока в уездах провинции хозяйничал Адам-хан, его банда так и не смогла войти в эти деревни. И в дивизию регулярно приходили радиограммы, помогавшие следить за передвижениями бандитов...

— Так должно быть повсюду, — говорит Абдул Шакур.

— Иншалла (Если угодно аллаху), — вздыхает начальник царандоя.

IX

Ночь. Исчез со стола чай, появились напитки покрепче. За столом три офицера, три военные судьбы. Если сложить эти судьбы вместе, думается, в какой-то степени можно представить себе сегодняшний офицерский корпус афганской армии.

Начальник штаба капитан Есин-хан. Молод, красив, из племенной знати, кадровый офицер. Высокий лоб, четко очерченный профиль, брови сошлись над переносицей. В партии недавно. Заслужил эту честь смелостью и распорядительностью в боях. Это его машина подорвалась сегодня на мине. Водитель ранен. Есин-хан отделался царапиной.

Младший лейтенант Сарфаз. Политработник. Из семьи ремесленника. Окончил в Кабуле 12 классов — среднее образование. В армию призван незадолго до революции и сразу после апреля 1978 года вступил в партию. Он молчалив. Но глаза посверкивают живым интересом. Хотелось бы при случае потолковать с ним отдельно, когда его не будет сковывать присутствие старших офицеров.

Старший и по должности, и по возрасту, и по партийному стажу Мухаммед Шариф.

Когда ты не журналист, а гость, когда сидишь за столом и беседуешь, неловко возиться с записной книжкой. Стараюсь поточнее запомнить рассказ Мухаммеда. Его судьба, военная карьера, как мне кажется, типична для многих офицеров афганской армии, и в этой типичности во многом кроется объяснение той

особой роли, которую сыграла армия в апрельской революции.

Когда отец Мухаммеда, крестьянин из провинции Тахор, умер, Мухаммеду было 11 лет. Осталась мать, три сестренки и 45 тысяч афганей долга. Землю за долги отобрал Джамшид-хан. Но он же помог Мухаммеду поступить на казенный кошт в военный лицей в Кабуле. Туда принимали двенадцатилетних мальчишек, окончивших шесть классов. Проучившись в лицее еще шесть лет, они поступали в военные училища.

Кроме матери, сестренок, друзей, Мухаммед всегда вспоминал учителя деревенской школы — Айни. Он был не просто учитель Айни. Он был Хаджи-Айни! Человек, который совершил паломничество в Мекку! И был он добр с ребятами, и интересно рассказывал о своем путешествии и о соседних странах, в том числе и о северном соседе Афганистана — о Советском Союзе.

Когда Мухаммед приезжал в Талукан на каникулы, он всегда шел навестить Хаджи-Айни. И это от него он получил книжку «Коммунистический Манифест»...

В один из таких приездов, это было уже перед самым окончанием лицея, в Талукане начались крестьянские волнения. Крестьяне протестовали против повышения платы за воду, которую собирали для Джамшид-хана. Среди тех, кто по приказу Джамшид-хана был во время этих волнений арестован, оказался и кадет Мухаммед Шариф.

Кто и как хлопотал за него, Мухаммед не знает. Но, видимо, Хаджи-Айни и его друзья. Во всяком случае, Мухаммеда из лицея не исключили. Уже в военном училище он вступил в партию.

Дальше — служба. Командир взвода на границе с Пакистаном. Курсы парашютистов. Командир роты. Апрельская революция 1978 года застала его в отпуске. Вместе с Хаджи-Айни, «Хаджи-Марксистом» — так звали его в Талукане, — шел во главе демонстрантов.

Во время правления Амина во втором блоке тюрьмы Пули-Чархи в переполненной камере встретились трое заключенных: феодал Джамшид-хан, старый коммунист Хаджи-Айни и старший лейтенант Мухаммед Шариф...

Ночью, в конце разговора, когда мы уже собрались спать, приехал еще один офицер.

Зарокотал и стих за окнами автомобильный мотор. Кто-то крикнул резко, гортанно: «Дрыш!» — «Стой!» Потом послышались шаги на лестнице и раздался хороший волжский басок: «Однако далеконько забрались, друзья! Еле нашел!»

За столом все поднялись. Фуражки — на голову, руки — к козырьку. Потом приветствие по-афгански: щека к щеке, попеременно три раза.

По тому, как все оживились, как мгновенно появился на столе свежезаваренный чай, видно, что Руслана Дмитриевича Палаша, майора Советской Армии, в батальоне знают и любят.

— Дашакор! — сказал он, придвигая чашку. — Спасибо! С дороги в самый раз. Это что? — кивнул он на повязку Есин-хана. — Серьезно?

— Пустяки, царапина. К нам надолго?

— До утра.

...Спать меня и майора уложили в восьмиугольной комнате — башне с узенькими окнами-бойницами. Две железные койки, два табурета. Но расстелен роскошный ковер, и на нем посередине огромной комнаты крошечный инкрустированный столик с керосиновой лампой. Мы разделись, я приготовился к разговору, расспросить хотелось о многом, задал какой-то вопрос и... не успев расслышать ответ, заснул мертвым сном.

X

Проснулся я рано. Но майора уже не было. По крутой каменной лестнице спустился вниз, вышел на воздух. День начинался во всей своей славе. Солнце уже поднялось над снежными пиками Сингара, и раскинувшаяся вокруг долина, изумрудная мозаика полей, арыки, окаймленные кое-где пирамидальными тополями, ярко-красные пятна маковых плантаций, даже разрушенные дома деревни Каджа — все дышало миром и покоем.

По зеленым бортам приткнувшихся к стене замка бронетранспортеров стекали капли утренней росы. Возле дымящих полевых кухонь сидели солдаты, вернувшиеся из ночного охранения. Над брезентовой, потем-

невшей от росы крышей «УАЗика» трепетала на ветру тростинка полевой рации...

Совершенно непривычное я увидел, пробравшись сквозь заросли желто-зеленых кустов молочая. На полянке, расстелив молитвенные коврики, несколько солдат, стоя на коленях, совершали утренний намаз, прижимались лбом к земле и обнимали ее руками, а когда распрямлялись, обращали раскрытые ладони к небу. В мерном раскачивании, бормотании чувствовался какой-то сложный, гипнотический ритм.

Чтобы не мешать людям молиться, я пошел вниз, где за тополями поблескивала вода арыка. Пестрая птаха кружила и щебетала рядом, словно разделяя со мной удовольствие прогулки...

В тишине и мире ружейный выстрел за спиной треснул особенно сухо.

Я обернулся. На вершине холма, казалось, никто и не расслышал выстрела. Там по-прежнему ждали, когда вскипит чай, молились, чистили оружие. Наверное, при чистке один из солдат случайно нажал на спусковой крючок. Или специально разрядил ружье в воздух, чтобы затем полегче было отполировать ствол.

А может, кому-то захотелось узнать, как отреагирует на выстрел советский журналист? Вряд ли. Никто не глядел в мою сторону.

...Еще до рассвета старший капитан Мухаммед Шариф выслал разведку. Вчерашний взрыв мины, которая была положена уже после того, как прошла колонна, подтверждал, что банды Халеса или Падна-хана скрываются неподалеку. Ждем возвращения разведки.

Ясное утро постепенно переходит в жаркий день. Можно присмотреться к походному быту одного из батальонов афганской армии.

Дисциплина отменная. Это видно по множеству примет. Получив приказ, солдат четко поворачивается, первый шаг—строевой, и сразу—бегом. Заметна роль унтер-офицеров. Вокруг них все время какое-то бурление. Оружие любят. Особенно стрелковое. Автоматы и карабины чистят старательно, протирают до блеска, смазывают тоненько, отстранив автомат, любуются работой и снова принимаются за чистку...

Вот бронетранспортеры, пожалуй, иное дело. Снаружи вид у машин не очень-то армейский, навьючены по-караванному, и те несколько поломок, что случились на нашем пути из Джелалабада, подсказывают, что к более сложному оружию афганский солдат только привыкает.

Закончилась чистка оружия, начались политзанятия. В казармах их проводят ежедневно в определенный час. В рейде, на марше — по обстановке. Солдаты уселись полукругом на склоне холма, в суконных куртках табачного цвета прямо на солнцепеке, и вроде незаметно, чтобы было им жарко.

Занятия проводит младший лейтенант Сарфаз. Мой приятель Мухаммед Сарвар куда-то запропастился, переводить некому. Слушаю непонятную речь, смотрю на зеленую долину, на чернеющую за тополями сожженную деревню, на снежные вершины Сулеймановых гор, на лица солдат.

Вот крайним справа сидит паренек. Лицо, как и у остальных, бронзовое, а глаза — голубые. Наверняка нуристанец.

Насколько я знаю, мужчины именно этого племени голубоглазы и рыжебороды. Некоторые считают, что они потомки воинов Александра Македонского, который двадцать три века назад вел свои фаланги на Индию через здешние горы. Живут нуристанцы в запертых отвесными скалами, крутых отрогах Гиндукуша к северу от Джелалабада. У них не глиняные хижины, как почти во всех остальных частях страны, а бревенчатые дома в два или три этажа с большими окнами. Едят за дубовыми столами, садятся не на ковры и подушки, а на табуреты, сиденья которых сплетены из кожаных полос. По праздникам юноши в селах состязаются в борьбе, беге, девушки водят хороводы, играют на арфах. Знатоки отмечают, что мелодии нуристанцев совсем не похожи на восточные...

Рядом с нуристанцем, держась группой, уселись плечом к плечу хазарейцы. Уж этих я узнаю сразу. Видел их в Кабуле. Широколобы, скуласты, мрачноваты на вид. И о них живет предание, что это потомки воинов Чингисхана, орды которого тоже когда-то перехлестнули через горы и затопили долины, разрушив Балх, Бамиан, Герат, Газни... Сейчас хазарейцы жи-

вут на труднодоступных плоскогорьях Хазарджата, в центре страны к западу от Кабула.

Есть в батальоне таджики, узбеки, туркмены, чараймаки... Но больше всего солдат из пуштунских племен, составляющих примерно половину населения Афганистана. Племена пуштунов как бы охватывают полукругом страну — юго-восток, юг, юго-запад. Большинство занимается земледелием, но есть и кочующие пуштуны — кучи, которые на зимние месяцы уходят в Пакистан, а весной возвращаются на высокогорные плато в центре Афганистана, ведут караваны, гонят стада...

У солдат пуштунов четкий профиль, прямые черные брови, чуть удлиненные лица, и, даже юные, они хранят какое-то особое выражение достоинства и покоя.

Все, что было с этой страной, глубинной частью Азии, ее плавильным котлом и ее бурным перекрестком, все войны, нашествия, Александр Македонский, Чингисхан, Тимурленг, Великий Бабур, взлеты и падения цивилизаций, смены религий — все это сложнейшим образом соединилось и отразилось в сидящих передо мною пареньках.

Безмолвно и бесстрастно слушает разноликий батальон горячую речь младшего лейтенанта Сарфаза.

В недавних боях против банд Адам-хана солдаты доказали свою преданность революции. Почему же теперь, когда выступает политработник, нет и следа воодушевления? Может, это обычная восточная сдержанность? А может, Сарфаз, горожанин, да еще из дальнего западного племени, не вызывает доверия у этих солдат, землепашцев и скотоводов из других племен? Ведь, наверное, то, что веками разделяло здесь племена и народы, еще живет в душах, вошло в плоть, привычно, как мгновенное движение пальца к курку ружья.

Гильзаи, вардаки, какари, барцы, африди, оркази... Многочисленные, непокорные, вооруженные племена Афганистана, враждовавшие и объединявшиеся, возводившие на трон эмиров и сами становившиеся игрушками в их руках, когда эмиры, чтобы удержать власть, натравливали одни племена на другие.

Даже ислам не только объединял, но и разобщал здесь племена.

Пуштуны — сунниты. Все, что записано в сунне — книге, повествующей о поступках, изречениях Мухаммеда, — для них священно. Вместе с Кораном эта книга является основой законов ислама, его обычаев.

Хазарейцы — шииты. Чуть ли не наравне с Мухаммедом они почитают его убитого племянника Али. Шииты признают в сунне лишь те места, в которых упоминается это имя.

На протяжении веков сунниты и шииты — две смертельно враждующие ветви ислама.

Или взять, например, звучное имя Нуристан. На языке дарьи оно означает Страна света. До 1895 года этот горный край называли Кафиристаном — Страной неверных. Свое новое имя он получил после того, как эмир Абдурахман покорил здешних горцев и начал мечом вводить ислам. Всего лишь несколько десятков лет назад в нуристанских селениях окончательно обосновались муллы...

Интересно, кто из бывших правителей Афганистана, его эмиров и королей мог бы заявить, что был он властителем на всей территории страны, что были ему покорны все населяющие ее племена и народы?

И все же...

В 1838 году двумя колоннами, с юга через перевал Боланд, с востока через Хайберский проход, английские колониальные войска вступили на территорию Афганистана. Независимый, да еще начинавший завязывать дружеские отношения с Россией Афганистан не устраивал Великобританию.

Английские войска заняли Кабул, отправили в Индию взятого в плен эмира Дост-Мухаммеда. Затем основная часть войск ушла, оставив в столице восьмитысячный гарнизон.

Восстание в Кабуле вспыхнуло в ноябре 1841 года. Первыми к городу на помощь к восставшим подошли вооруженные племена гильзаев. Затем подоспели другие.

В январе 1842 года, когда бушевали вьюги, английский гарнизон покинул Кабул и двинулся по ущелью Хорд на Джелалабад...

Лишь один человек из всего отряда, английский врач Брайтон добрался до этого города.

«Афганские стрелки, хотя и были вооружены только фитильными ружьями, произвели в рядах англичан, как в лагере, в Кабуле, так и во время отступления по горам, страшные опустошения,— отметил Энгельс.— Урок был жестоким...».

На пользу англичанам урок, видимо, не пошел.

В ноябре 1878 года три колонны англо-индийских войск снова вступили на афганскую землю. В их артиллерийских батареях была и новинка—скорострельная малокалиберная пушка Гатлинга.

Опять занят Кабул, и в мае 1879 года подписан мирный договор. Признавая Афганистан как государство, Англия ставила под контроль его внешнюю политику.

Но прошел еще год, и в поздний полночный час 27 июля в город Кандагар на загнанном коне прискакал командир сводной английской бригады генерал Берроуз.

— Это были семь часов ужаса,—сказал он встретившим его офицерам.

В те семь часов была наголову разбита афганцами близ деревни Мейванд его сводная бригада, два полка кавалерии и три пехотных, среди которых и знаменитый 66-й королевский полк, участвовавший в осаде Севастополя...

И в первой англо-афганской войне 1839—1842 годов, и во второй — 1878—1879 годов, и даже в третьей, после которой в 1919 году Афганистан, наконец, добился независимости, англичане, умудренные опытом своих колонниальных завоеваний, всегда, и часто не без успеха, стремились использовать рознь афганских племен, заставить афганцев воевать с афганцами.

И все же история показала, что именно в борьбе с западными колонизаторами разноплеменный, многонациональный Афганистан обретает единство, а вместе с ним—силу.

Может быть, об этом и говорит сейчас батальону младший лейтенант Сарфаз? Глядя на спокойные, бесстрастные лица солдат, я переживаю за оратора. Ведь так трудно держать речь, не чувствуя ответной волны!

Улыбающийся, выбритый, пахнущий одеколоном подошел, встал рядом со мной Мухаммед Сарвар. Протянул мне тяжелый спелый гранат.

Ритм речи Сарфаза несколько изменился. Фразы стали короче, голос — громче. Видимо, беседа подходила к концу.

— О чем он говорит, Мухаммед?

— Про негров в Южной Африке. Борьба с апартеидом...

XI

Высланная на рассвете разведка мин на дороге не обнаружила. Но впереди разрушены два моста. Объездов для танка и бронетранспортеров там нет. Мухаммед Шариф передал все это по радио в штаб дивизии.

В тени чинары солдаты поставили стулья, сидим, беседуем, ждем, какой будет приказ. Комбат считает, что двинемся вперед, чтобы своими силами и с помощью крестьян приступить к восстановлению мостов.

Из замка выносят, грузят в машину походное имущество батальона: скатанные в трубку ковры, самовар, тот самый затейливый инкрустированный столик, что стоял ночью в моей комнате, старинный медный кувшин и таз для умывания...

Расспрашиваю Шарифа о тактике, организации банд, с которыми ему приходилось иметь дело здесь, в пограничной с Пакистаном провинции Нангархар.

Тактика эта не шаблонна. Объединялись в крупные отряды, по 500—600 человек, действовали более мелкими группами, человек по 30—40. Прибегали к налетам. Создавали укрепленные опорные пункты. Но излюбленный прием — засада. У мостов, в узкостях. Обрушат мост или устроят в ущелье завал и открывают огонь с господствующих высот. Если движется сильное армейское подразделение, то разведку, боевое охранение пропустят беспрепятственно. А потом — неожиданный, залпами, прицельный огонь и быстрый отход. В последнее время часто прибегают к минированию дорог, прикрывая заминированные участки ружейно-пулеметным огнем.

Оружие американское, китайское. Автоматы почти все китайские. Есть на вооружении и гранатометы, крупнокалиберные пулеметы. Но особенно любят даль-

нобойные винтовки с оптическим прицелом. В горах они зачастую эффективнее автоматов. Были случаи использования химических гранат. Но это не здесь, а на западе страны.

Вообще, хотя может показаться, что действуют разрозненные банды, на деле — это весьма организованное и управляемое по плану войско. Крепко чувствуется рука профессиональных зарубежных инструкторов, работа штабов, расположенных совсем рядом, в Пакистане.

Днем отряды мятежников предпочитают отсиживаться в пещерах, которых в здешних горах особенно много. Пещеры служат складами и перевалочными базами боеприпасов, оружия, медикаментов, поступающих из Пакистана.

Мятежники обязательно ищут пещеру с двумя или тремя выходами, возле которых организуют оборону — пулеметные гнезда. Маскируют их тщательно, так, чтобы нельзя было заметить даже с зависшего над входом в пещеру вертолета.

Продовольствие частью тоже получают из Пакистана, частью отбирают у крестьян, причем стараются придать этим поборам регулярный характер — нечто вроде налога. С теми, кто отказывается давать хлеб, мясо, жестоко расправляются. Убивают всю семью. Дом сжигают.

Важнейшее политическое явление последних месяцев — всевозрастающее сопротивление этим поборам со стороны самих крестьян. Организация отрядов самообороны. Военное значение этих отрядов пока что не слишком велико. Но содействие крестьян помогает подразделениям афганской армии быстрее и точнее устанавливать место базирования банд. Тогда можно блокировать район, закрыть все проходы, прижать противника к скалам и уничтожить.

...Приказ из штаба дивизии: батальону оставаться на месте. Ждать саперную роту. Крестьян от полевых работ не отвлекать.

И снова понесли солдаты, теперь уже из грузовика, в замок ковры, кровати, тазики...

Довольный, не скрывая своей радости по поводу того, что батальон задерживается в уезде, пришел начальник царандоя.

А нам с Сарваром — в Джелалабад.

— Поедете быстро, догоните БТР, — говорит Мухаммед Шариф, пожимая руки. — Он лишь минут пятнадцать как выехал. Дал бы вам в сопровождение второй, да не могу. Но сегодня на дороге, думаю, будет спокойно. Сафар бахейр!

Знакомая дорога, да уже со знакомыми попутчиками — это куда веселее! На сиденье рядом с шофером тот же невозмутимый Ибрагим, мы с Сарваром сзади, три автомата да пистолет Макарова... Справа — без края поля, слева похожие на клочья сиреневого тумана клубятся отроги Сулеймановых гор. Спешим.

У въезда в деревню Крохруд, которая вчера словно вымерла, стоит крестьянский патруль. Несколько человек в белых рубахах с красными повязками на рукавах. Увидели на переднем сиденье машины солдат, приветственно подняли старинные длинноствольные ружья.

Идет по полю за волом крестьянин, нажимает на рукоятки сохи. Вол — худющий, соха — деревянная. Но борозды ровненькие, и их уже много. Видимо, вышел на поле с рассветом.

— Под что он пашет, Сарвар?

— Не знаю. Может, под овощи. Важно, что пашет!

За полем прямо от обочины дороги раскинут ковер крошечных голубоватых цветов.

— Притормозим! Сорву на память.

— Нельзя, товарищ! Надо догнать бронетранспортер. Мы и так нарушаем приказ.

Каждый раз, увидев впереди рыжий хвост пыли, надеемся, что идет наш БТР, но снова обгоняем, сигналя, очередной автобус, разрисованный цветами и узорами. Обмотанные сверху донизу веревками, которые удерживают на крышах горы тюков, мешков, корзин и матрасов, накренившиеся от перегрузки, они тянутся к Джелалабаду, похожие одновременно и на верблюжий караван и на колонну парусников под свежим боковым ветром. Из окон выглядывают женщины, детишки, белобородые старики. Те, кто помоложе, устроились среди багажа на крышах или стоят на подножках, ухватившись за поручни. Головы мужчин увенчаны нарядными, в сложных складках тюрбанами, из-

под стареньких кургузых пиджачков спускаются до колен серые рубахи, ноги босые...

— Сикхи, — поясняет Сарвар. — Едут из Пакистана. Сегодня вечером начнется их праздник.

Сикхи! Так вот они какие!

Смотрю на тонкие одухотворенные лица с огромными, влажными, миндалевидными глазами, на приветливые улыбки, которыми встречают и провожают наш «УАЗик» пассажиры автобусов, и ннкак не могу поверить, что это «Львы Пенджаба», знаменитые воины, потрясавшие империю Великих Моголов, наносившие тяжелые поражения англичанам, последними в Индии покорившиеся им, а потом в годы первой и второй мировых войн отважно сражавшиеся в английских войсках. И почему на свой праздник они едут в Афганистан?

Сарвар не отвечает. Он озабочен. Лишь у моста через речку Сурхруд мы догоняем наконец бронетранспортер. На нем тоже груда мешков и матрасов, и улыбающиеся сикхи радостно кивают с брони своими тюрбанами.

XII

Под вечер я опять сидел в кабинете у Расула. Он перебирал сводки, хмурился. В дальних уездах все же неспокойно. Едва отошли войска, зашевелились банды. А вот в Кама обстановка хорошая. Что значит дельный секретарь уездного комитета партии! Бесстрашен. Носится по деревням, разговаривает с крестьянами, сколачивает актив. Поставил под ружье всех членов партии, приказал остричься наголо и сам побрил голову. Чтоб люди видели — не боятся! Может, это лишнее... А может, так и надо. Ему видней!

Расул связался по телефону с афганскими летчиками и попросил послать утром на разведку несколько вертолетов.

— Главное — пещеры. Предварительные данные у нас есть...

Раздался стук в дверь, и в комнату вошли трое: афганский офицер, маленькая женщина в зеленой парандже и высоченный молодой парень в клетчатой куртке, загорелый, носатый.

Солдат из батальона связи. Десять дней был в самовольной отлучке. Обратно в дивизию привела его мать.

— Вы его накажите, но не очень сильно. Я уже его сама наказала...

Офицер и женщина ушли, парень остался сидеть на диване притихший, очень грустный, похожий на нахохлившуюся птицу.

— Будешь служить, — говорит Расул. — И выступишь перед товарищами. Расскажешь все, что видел дома.

— А потом?

— Потом будешь служить.

Срок службы в афганской армии — два года. Но обстановка не позволяет провести увольнение в запас.

— Нужно усиливать политическую, разъяснительную работу, — говорит Расул. — Особенно в ротах. Но очень трудно с кадрами. Пока на должность замполитов рот выдвигаем сержантов, членов партии со средним образованием. Таких тоже не хватает.

О проблеме этой говорил мне и Голь Ака. Во всей армии роты укомплектованы заместителями командиров по политической части на 18—20 процентов. Чтобы ускорить подготовку политработников этого звена, в военном училище Харби Пухантун открыли шестимесячные курсы. Институт общественных наук при ЦК НДПА организовал курсы трехмесячные. В армии с нетерпением ждут первых выпускников.

...Во дворе перед штабом построилась шеренга солдат. Человек двадцать. Это — сикхи. По случаю своего праздника они отправляются в город в увольнение. Увольнение особое — при оружии. Будут участвовать в празднике и заодно его охранять.

Вместе с Мухаммедом Сарваром тоже едем в Джелалабад.

Праздником охвачены базар и прилегающая к нему площадь. Лампочки и свечи, костры и жаровни, фары автомашин, фонарики, мерцание светящихся красок... В зыбком переливчатом свете, в чуть размытой светом тьме бурлит толпа. Смех, говор, заунывная музыка...

Всюду тесно, плотно, но куда бы мы ни сделали шаг, вокруг сразу образуется некоторое пространство. Взгляды любопытные и доброжелательные.

А у меня, пожалуй, любопытства еще больше. Сикхи!

Представьте себе конец XV — начало XVI века. В Мадриде свирепствует святая инквизиция. В Риме казнят Лютера. Османы мечом обращают в ислам «неверных». А в далекой Индии, в Пенджабе, появляется человек, который учит, что независимо от веры все люди -- братья, что войны — величайшее зло и преступление, который призывает отказаться от каст, отрицает храмы, религиозную обрядность, монашество, аскетизм, самих священнослужителей... И утверждает, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает!

Основатель сикхизма — Нанак, первый «гуру» — учитель сикхов, был, безусловно, одним из выдающихся мыслителей и гуманистов своего времени. Его учение ширилось на северо-западе Индии, в Пенджабе, завоевывая все новых сторонников, успешно отражая натиск индуизма и ислама.

Последним, десятым «гуру» сикхов был Вовинд Сэг. Двести восемьдесят второй день его рождения празднуют сегодня сикхи в Джелалабаде.

Вовинд Сэг не назначил своего преемника. Он сказал, что больше сикхам «гуру» не нужен. Его заменит «Благородная книга», в которой изложено учение Нанака. Нужно читать эту книгу и поступать так, как в ней написано. И еще он учредил военный орден — «Братство сикхов», который должен был помочь отстоять независимость от империи Великих Моголов.

А дальше... Дальше военный орден — «Львы Пенджаба» — прекрасно воевал и на западе и на востоке, но, становясь кастой, все больше отдалялся от народа. «Благородную книгу» все меньше читали и все больше почитали, преклоняли перед ней колена, приносили ей жертвы. На ночь священнослужители уносили ее торжественно на отдых, чтобы наутро снова водрузить на постамент в храме и прикрыть сверкающим атласом...

Толпа расступилась еще шире, и перед нами возник маленький белобородый старик в белом тюрбане и белых одеждах. Он приложил руки к груди, улыбнулся, склонил голову.

— Приглашают в храм, — сказал Мухаммед Сарвар. — Можно отказаться.

— Зачем же? Пойдем обязательно.

Стараясь сохранить достоинство под множеством взглядов, я стянул на ступенях храма сапоги, надел на голову белую шапочку.

Разделенный тонкими зелеными колоннами зал сверкал мишурой и огнями. На постаменте четыре девочки в оранжевых шарфиках пели что-то протяжное. Им аккомпанировали почтенные старцы, ударявшие в барабаны. Люди проходили к балдахину, становились на колени, целовали коврик, бросали монетку, брали с пола сдачу и усаживались в зале — мужчины справа, женщины и дети слева.

Нас усадили почетно, поближе к балдахину, принесли бутылочки кока-колы.

Девочек в оранжевых шарфиках сменили девочки в зеленых. Мелодия осталась та же — переливчатая, протяжная, словно кто-то заблудился в горах, звал товарищей...

Из храма долго ехали на аэродром к вертолетчикам. После ярких огней Джелалабада, оживленной толпы пустынное шоссе казалось особенно мрачным. Свет фар выхватил фигуру часового. Он стоял посередине дороги с автоматом на изготовку. Русоволосый, курносый, веснушчатый. За его спиной покачивался перегородивший дорогу стальной канат.

Пароль. Отзыв.

— Страшновато, сынок, одному?

— У меня товарищ. С пулеметом.

Он кивнул в темноту, такой маленький на широкой пустынной дороге.

Потом нас останавливали еще два раза. Особые меры безопасности были приняты по двум причинам. Во-первых, вчера ночью какая-то машина промчалась по шоссе, стреляя в обе стороны, чтобы спровоцировать перестрелку между охраной аэродрома и подразделениями царандоя. А во-вторых, на аэродроме шел концерт.

В гости к нашим летчикам приехали артисты местной эстрады. Лучи прожекторов скрестились на ступеньках дома. Зрители сидят полукругом, кто на стульях, кто на скамейках или просто на бетоне. С опозданием пришли врачи. У них был трудный день.

XIII

Утром вместе с Мухаммедом Сарваром выехали рано, еще и побудку не играли. Подъезжая к аэродрому, увидели, как над верхушками платанов пошли вертолеты. Они летели парами, одни на восток, другие на юго-запад.

— Прибавь, — попросил я шофера, чуя недоброе.

Но было поздно. Бочкарева встретили на лестнице, он спускался с вышки.

— Вы уж извините. Метеорологи предупредили: сегодня днем температура будет за сорок градусов. Пришлось ребятам пораньше начинать.

— А повторный вылет?

— При такой жаре разве что под вечер.

Есть что-то тревожное и грустное в опустевшем аэродроме. Все, кто остался, заняты делом, работают, но настоящая жизнь вернется вместе с экипажами. На полосе разгружаются гости — два Ми-6. Они улетят скоро, их рейс — на Кабул. Мне туда пока что не требуется.

Пошли вместе с Мухаммедом Сарваром в буфет, сохранившийся в домике аэровокзала с тихих времен. Буфетчик — «самаварчи» — стряхнул со столика пыль, протер пиалы, поставил тарелочку с белыми горошинами нуги. Из медного, со стертыми медалями самовара налил кипяток в фарфоровый чайник.

Пьем молча. Через окно видно, как Ми-6 завершают разгрузку. Из огромных фюзеляжей уже выкатили бензовоз, прожекторную установку, походную радиостанцию, и все несут и несут ящики, мешки. Просто невероятно, какое несметное количество груза может поместиться в чреве этих машин.

Но вот их обвисшие лопасти завращались, распрямились, слились в сверкающий нимб, пыль, как рыжее пламя, взметнулась над бетоном, и Ми-6 ушли в небо, похожие теперь на китов, которым приделали крылышки.

— Еще по чашке?

— По чашке, — уныло соглашаюсь я.

...Остановившееся было время возобновило свой бег, когда в буфете возник майор афганской армии Мастан-шах. Мы познакомились пару дней назад на обеде

у Расула. Мастан-шах возглавляет в провинции пограничную службу.

Толст, грозен, басовит, усат, короче, снабжен всеми атрибутами воинственности, которыми в армии обычно оснащают себя добродушные и веселые люди. Вдобавок сегодня он еще в выходной форме: на алых погонах сверкают скрещенные сабли, горят золотые пуговицы на тужурке, белейшая сорочка подчеркивает загар. Одет парадно по случаю поездки на границу в Торхам к Хайберскому перевалу. Возможно, придется встретиться с пакистанскими пограничными властями.

Благословляя в душе ту прекрасную жажду, которая привела майора в этот ранний час в буфет, и снова старательно налегая на чай, начинаю с помощью Сарвара атаку. «Далеко ли до границы?», «Очень ли будет майор занят?», «Не помешает ли ему пара спутников?»...

Едем!

Сели в «тойоту» к Мастан-шаху. Шофера он себе подобрал, видимо, по контрасту: молчалив, худ, строг. Серая рубаха, черный без вышивки и узоров жилет. Длинный свободный конец серой чалмы бьется и щелкает на ветру, как вымпел. Говорят, что так, со спущенным концом, носят чалму люди, которые дали себе какой-то зарок. Надо бы расспросить...

Слева за деревьями, за серебряной, с зеленоватым отливом лентой реки Кабул виднеются коричневые кубики деревень уезда Кама, прямо по курсу встают размытые дымкой Сулеймановы горы.

Бронетранспортер, как положено, поторапливается за нами.

Миновали мост через канал. Он под надежной охраной: пулеметные гнезда, прикрытые глыбами камней, танк на обочине.

Миновали поселок, в котором жили советские специалисты, помогавшие обводнять джелалабадскую долину. Большие ирригационные работы велись здесь пять лет: водохранилище в горах, система тоннелей — самый длинный из них 7,5 километра — и 70-километровый канал, который позволил оросить 30 тысяч гектаров.

У въезда в Газиабад, одно из новых крупных хозяйств, созданных на этих землях, снова танк и бетонная будка военного поста. Здесь мы остановились. Майору нужно позвонить на заставу.

Сидим в тени, пьем из алюминиевых кружек прохладное молоко. Вода в канале, убегая под ветви ив, журчит так славно, так спокоен и приветлив афганец — водитель газнабадского грузовичка, который сам остановил машину, чтобы налить нам из бидона молоко, — так тих и наряден раскинувшийся за тополями апельсиновый сад, что ненужными кажутся автоматы и лишним мой пистолет в расстегнутой кобуре.

Однако Мастан-шах возвращается озабоченным. Минувшей ночью возле села Мамандра была замечена банда. Это в двадцати километрах отсюда по направлению к границе.

— Они в Пакистане уже, — говорит Сарвар.

Наверное, так. И все же, когда километров через пятнадцать в радиаторе «тойоты» закипела вода и выяснилось, что лопнул ремень вентилятора, прежнего покоя на душе уже не было. О поломке говорить невежливо, о бандах — не хочется. Лучшая тема для разговора, пока чинимся, — география. Благо, над самой дорогой поднимается одинокая высоченная гора.

— Как называется? — спрашиваю Мастан-шаха.

— Мардох — Змеиная. Очень знаменитая гора. Есть эфа, гюрза, есть кобра... — Мастан-шах загибает пальцы, словно опасается пропустить и обидеть какую-то из пород.

— Спасибо, — говорю. — Достаточно о змеях. А что еще хорошего?

— Фаланги, скорпионы, каракурты...

Бог с ней, с географией! Ремень налажен, вода залита, снова — в путь.

Первых кочевников мы увидели, приближаясь к Малому Хайберу, когда долина сузилась и на вершинах скал зачернели старинные форты. Между двумя скалами заклубилась пыль.

— Племена тронулись, — сказал Мастан-шах. — Афридии идут. А может, ортонзаи. В этом году раньше обычного. Значит, лето будет жарким.

Мы сбавили скорость.

Почти не глядя на наши машины и не спеша уступать дорогу, шествуют смуглые тонколицые воины с черными вьющимися бородами. Оружия на виду немного, лишь изредка блеснет вороненый ствол.

Женщины тоже идут группами в ярко-красных просторных блузах, в черных и красных платках. Лица открыты, взгляд прямой и свободный.

Стада овец, верблюды, ослики, кони...

С высоты своего положения пренебрежительно взглянула на нас и лениво зевнула собака, развалившаяся на тюке, приторочённом к спине верблюда... Старуха, сидя на ослике, мотает пряжу...

Плывет, плывет поток, позванивая монистами и бубенцами. Лишь постепенно начинаешь замечать, что есть в нем и лад и смысл.

Идет клан — хель, разделенный на роды, или большие семейства. Впереди каждой семьи несколько мужчин. За ними верблюды, по три или четыре, караваном. Их ведут мальчишки и даже девочки. Потом вразброд шагают ослики и кони, нагруженные малышней и козлятами, старухами и кастрюлями, котлами и палками, кошмами, тюками... Завершают шествие отары овец в окружении сердитых желтозубых псов.

За Малым Хайбером дорога стала посвободнее. Сойдя с шоссе, кочевники разбивали лагерь. Поднимались черные шатры, на землю стелились паласы, кое-где уже горели костры.

Считают, что кочевников в Афганистане два или три миллиона. Точная цифра неизвестна.

По происхождению, языку они — те же пуштуны, или «афгани», которые в целом составляют больше половины населения страны. Только племена эти не осели на землю, не взяли в руки кетмень. Их судьба — бесконечное движение. У каждого племени свой маршрут, свои перевалы, тропы, пастбища, водопои, в попутных селениях свои недруги и друзья. Зиму проводят в долинах, там потеплее, весной идут в нагорья Центрального Афганистана, докочевывая до северных районов страны.

С кем они сейчас? С революцией? Против нее?

Судя по тому, что мне рассказали в Кабуле, они пока что сами с собой, со своей вековой дорогой, со звоном бубенцов, с шатрами под звездным небом, со своим неписаным «пуштунвали» — кодексом чести воинственных племен.

За влияние в племенах идет борьба. Исправляя левацкие, экстремистские загибы Хафизулы Амина, ЦК НДПА принял меры, чтобы кочевники могли жить так,

как они привыкли. Вместе с тем партия разворачивает в племенах терпеливую разъяснительную работу. Она стремится опереться и на традиции племен, на их любовь к родной стране, которая так ярко проявилась в трех войнах с английскими колонизаторами.

Один из видных лидеров пуштунских племен, Абдул Гафар-хан, выступил незадолго до моего прилета в Кабул и призвал помочь революции отстоять независимость Афганистана от происков западных империалистов. Министр по делам границ и племен Фаиз Мохаммед провел успешные переговоры с представителями племен момандов, шинвари, тани. Они обязались помочь в охране границы и выставить для этого 7 тысяч воинов.

Но и контрреволюция, конечно, не сидит сложа руки, подкупом верхушки, обманом, запугиванием и посулами стремится привлечь на свою сторону хотя бы часть племен, хотя бы отдельные хели. Особенно те, которые кочуют между Афганистаном и Пакистаном.

... Метеорологи не ошиблись. Ко второй половине дня сухой ровный жар залил пограничный поселок Торхам, залил, как янтарь заливает муравья: все прорисовано, все в прозрачном золоте, и ничто не шелохнется.

Когда мы приехали сюда, какое-то движение еще было. Пограничник опускал железную цепь, перегородившую шоссе, и с пакистанской стороны въезжали автобусы, грузовые машины. Мелькали золотые и серебряные тюбетейки, проплывали белые и черные бороды, серые и черные чалмы. Паренек тащил на закорках деда, а рядом семенила девчушка с таким огромным узлом на голове, что казалось, будто к узлу приделали ножки в черных шароварах...

Мы подошли с Сарваром к самой цепи, разделившей страны. На маленькой площади, с которой начинается Пакистан, беседовали двое полицейских в серой форме с красными нашейными платками. Они стояли под большой надписью на стене двухэтажного дома: «Внимание! Гостей просят не останавливаться на ночлег в отдаленных и пустынных местах. До наступления темноты обязательно постарайтесь добраться до Пешавара».

— Банды, — пояснил Сарвар. — Те самые, что засылают к нам. Их базы здесь — рядом.

В домике афганского контрольно-пропускного пункта сидели лейтенант Мир Голам-хан и врач Абдул Карим. Сержант Кхар Мухаммед стоял у двери. Если кто-нибудь из путников протягивал паспорт, сержант ставил штамп: орел с поднятыми крыльями. Мне тоже поставили штамп. На листке записной книжки. Для памяти.

Таможенный досмотр — серьезнее. Прощупываются, иногда распаковываются тюки, на выбор вскрываются ящики.

Снова сели в машину и по крутой, временами, казалось, отвесной дороге выбрались из зажатого скалами и фортами Торхама на вершину. Печальные, суровые, безлесые горы теснились на юге и севере, уходили грядами на восток. Прямо перед нами лежало узкое ущелье Хайберского прохода.

— Вот она, граница, — сказал Мастан-шах. — Триста перевалов. А тропинок... Только аллах, всемогущий и всемилостивейший, знает, сколько здесь троп.

XIV

Одноэтажная казарма с террасой, запущенный сад, в котором булькает фонтанчик, шеренга пирамидальных тополей и несколько тутовых деревьев... Вот, пожалуй, и вся Лое Дакка, пограничный пост в тринадцати километрах от Торхама, крошечный островок зелени и прохлады в раскаленном ущелье.

Мастан-шах помахал нам рукой и уехал, пообещав вернуться часа через два. Начальник поста старший лейтенант Голь Мохаммед повел нас осматривать свое хозяйство.

На наших пограничных заставах, в том числе и высокогорных, мне довелось бывать не раз, и потому невольно тянет на сравнения, хотя и самому понятна вся их условность.

Из всей «пограничной техники» только старенький телефон на столе в канцелярии. Зато на каменном полу лежит роскошный черно-красный ковер. Зашторенная карта охраняемого участка — это общее, это похоже. В спальном помещении чисто, но все же, думаю, старшинам наших застав оно бы не понравилось прежде всего из-за деревянных лежаков с веревочными сетками. Своего мнения я высказывать не стал, но, может быть,

кто-то уже поднимал этот вопрос, и старший лейтенант счел нужным дать пояснения.

— Хорошо,— сказал он, похлопывая по сетке.— Совсем не жарко. Как дома!

В комнате политического просвещения окна смотрят в сад. Стопки брошюр, тетради, книги на этажерке. Плакат: «Крестьянин! Получил землю, защити ее!» На столе несколько экземпляров первого номера новой газеты «Хакикате сарбаз» — «Солдатская правда». Когда я уезжал из Кабула, этот номер только верстался.

Ни в казарме, ни в саду солдат почти не видно. Они на полевых занятиях.

Раздевшись по пояс, я с наслаждением поплескался у фонтанчика. Потом вместе с Сарваром мы уселись на лавочку под тутовым деревом, где уже сидел и, кажется, дремал старик афганец.

Жара спадала, и снова ожила дорога. К посту, сворачивая с шоссе, потянулись автомашины. Пограничники проводили дополнительный осмотр.

Тут-то и представился случай разглядеть неторопливо роспись афганских грузовиков и автобусов, на которую я обратил внимание еще в Кабуле. Задерживаясь и сменяясь, как кадры в диафильме, проходили машины, и перед глазами разворачивалась удивительная картинная галерея. Крылатый конь пророка... Круг черных шатров... Мечеть над озером... Красавица под покрывалом... Воин сражается с тигром... Райская птица... Рисунки окружены гирляндами, орнаментом, вязью надписей.

Пестро, ярко, романтично, порой наивно. Но, взятое вместе, в потоке, почему-то волнует, словно ты прикоснулся к каким-то глубинам, увидел невзначай чужой сон.

Сарвар читал и переводил тексты. «Дар хакикат телек-е хар че хода аст...» «По праву бог владеет всем...» «Я еду с надеждой на бога...» «Вперед во имя аллаха...» «Исчезни, злой глаз...»

Даже в коротких фразах был различим торжественный и суховатый ритм, будто в вечерней пустыне били барабаны.

Слушая Сарвара, повернулся к нам дремавший афганец. А может, он и не дремал вовсе. И не так уж стар, как показалось вначале. Борода на щеках темная,

только внизу ее острый клинышек тронут сединой. Глаза совсем молодые, умны и печальны.

— Аллах скрепил землю горами, чтоб не тряслась она. Но сейчас сами горы трясутся в Афганистане,— произнес он.— И разве это не безумие пытаться кровью смыть кровь с окровавленной рубахи?

Так начался разговор с учителем из Лал Пура. Большое это приграничное село особенно сильно пострадало от налетов банд из Пакистана. Многие дома сожжены, часть жителей ушли в горы. Школа работает, в ней девять учителей.

Мы говорили об исламе и революции, о судьбе и свободе. Может ли человек по своей воле изменить жизнь на земле?

Коран предупреждает: «Поистине то, что вам обещано, наступит, и вы этого не в состоянии ослабить», «С нами сбывается только то, что предначертал для нас аллах», «Не засматривайся очами твоими на те блага, которыми мы наделили некоторые семейства в жизни здешней»... Само слово «мусульманин» — от арабского «муслим» — «покорный» — подчеркивает, что послушность воле аллаха — основа этой религии.

Ценность земной жизни, где есть бедность и болезни, труд и страдания, для мусульманина должна быть невысока. По исламу, это лишь краткий миг, который нужно перетерпеть, лишь испытание, которое нужно выдержать, чтобы начать затем жизнь подлинную, вечную в «постоянном доме пребывания».

Рай ислама застроен дворцами, тенист и зелен. Там «сады и виноградники, полногрудые красавицы и кубок полный». Пожалуй, ни в одной религии рай не описан так подробно и не наполнен такими конкретными материальными благами, как в Коране.

На протяжении веков толкователи Корана, богословы, поэты постарались дополнить его новыми чудесами. Но их вдохновение имело ту же направленность, конкретные земные блага как бы наращивались количественно. Под ноги вступившего в рай мусульманина стелется ковер «длиною в сорок лет ходьбы», ему отводится дворец «из огромного рубина, в каждом дворце семьдесят помещений, в каждом помещении — семьдесят беседок...» Новые прелести под пером поэтов обретали райские гурии.

«Пред их свежестью лиц день сгорит от стыда. Перед нежностью слов их трепещет луна, и не портят рождением детей своих тел. Чувство ревности тоже не есть их удел. Вновь становятся девами каждую ночь...»

Короче говоря, мусульманину, который всю жизнь тяжко работал, недоедал, которого палил зной и мучала жажда, предстоит в раю зажить совсем по-иному, стать повелителем слуг, есть на золотой посуде, одеваться в волнистые шелка.

Но пройти в рай, в этот «постоянный дом пребывания», не так-то просто. Сначала нужно встретиться с Накиром и Мункаром, ангелами могилы, ответить на их вопросы. Лишь с их позволения правоверный вступит на ведущий в рай мост Сират. И еще семь раз остановят мусульманина на этом мосту, семь раз будет он давать отчет о своих земных делах, и после каждой остановки кто-то обязательно полетит с моста в адскую бездну.

Почему столько проверок? Такой строгий контроль? Разве судьба каждого правоверного не предопределена аллахом? Ведь в Коране сказано: «Я не владею для себя ни пользой, ни вредом, если того не пожелает аллах».

Потому что фатализм ислама не абсолютен. Во-первых, Коран признает за человеком право принять ислам, стать правоверным или отвергнуть эту религию. «Кто хочет, пусть теряет, кто хочет, будет неверным». А во-вторых, мусульманин должен строго и последовательно выполнять бесчисленные правила, изложенные в шариате — своде законов ислама. Это не десять заповедей Библии. Со скрупулезной точностью изложено, как должен вести себя правоверный от пробуждения и до сна, от рождения и до смерти. В нем кодекс гражданский и уголовный, и кодекс о браке, семье и опеке, и воинские уставы... В нем регламентированы отношения с властями и соседями, с женой и детьми, способы полива земель и правила охоты...

Молиться мусульманин должен пять раз в день. Точно указано, в какой час, и как стоять, и какие слова произносить, и в какую сторону при этом смотреть. В мечети Эль-Харам Эль-Шариф в Мекке, где стоит священный для мусульман черный камень «Кааба», па-

ломиик должеи три раза обежать вокруг него, потом четыре раза обойти медлеиио.

Скрупулезность правил, загадочность ритуалов, магия цифр помогают заменить чувство — обрядом, мысль — действием. Человеку не нужно решать трудиые, порой мучительные вопросы добра и зла, смысла жизни, размышлять иад тем, как сделать ее лучше. Нужно выполиять правила, тысячи и тысячи правил, которые знают имамы и улемы, молави и муллы, и тогда «тоикий, как волос, и острый, как меч», мост Сират приведет правовериого в рай.

Прочиой сетью закоиы шариата охватывают все сферы жизни, придают ей устойчивость и... лишают движеиия.

Мой собеседиик покачивает головой.

— Нет, — говорит ои, — ие совсем так. Все тоиьше и сложиее.

В шариате заключеи исторический опыт многих иародов, их вековые традиции, культура. Разве можио двигаться вперед без этого?

— Считается, что в исламе человек мал и незаметен: песчиика, раб божий... Но Иблис — исламский сатаиа, падший ангел, иизвержеи аллахом именно за то, что в отличие от других аигелов отказался поклониться человеку, когда того создал аллах. «Ои из глииы, а я из огня!» — сказал Иблис и был низрииут с иебес.

В Кораие иемало мест, посвящеииых социальиой справедливости, равеиству людей. Запрещается крупиое землевладеиие, осуждается эксплуатация, порицается скупость.

И разве случайио, что в иаше время ислам во многих страиах Азии и Африки объединил людей иа борьбу против империализма, за иациоиальиую иезависимость?

Коиечио, в Афганистане, как и в других мусульмаиских страиах, зиачительиая часть духовеиства всегда стремилась и стремится не допустить иикаких иововведеиий. Неизмеиность жизни позволяет жить по иеизмеиным правилам. А они — осиова власти духовенства. Но есть в Афгаиистаие и другие, достойные муллы. Они стремятся проникиуть в дух ислама. Разве ие сказал Мухаммед, что если человек оживил клочок мертвой земли, то оиа ему и прииадлежит? Зиачит, земля дол-

жна принадлежать тому, кто ее обрабатывает! Когда после революции правительственный декрет № 6 отменил кабальные долги помещикам, разве это не соответствовало сурам Корана, осуждающим ростовщичество?

Чуть прикрыв глаза, он читает суру из Корана:

— «Будет день, когда небо станет, как медь расплавленная, когда горы будут, как шерсть расщипанная... тогда задушевный друг не спросит задушевного друга при свидании. В тот день законопреступник пожелает откупиться от казни ценой сына своего, жены своей, брата своего, своих родных, душевно любивших его, всего, что только есть на земле, чтобы это спасло его. Но нет, адское пламя, крепко обняв члены всего его тела, повлечет к себе каждого, кто отвращался и удалялся, собирал и прятал...»

И снова я услышал, как в ночной пустыне бьют барабаны.

— Кто собирал и прятал, — повторил задумчиво мой собеседник.

XV

На обратном пути из Лое Дакка я все же не удержался, попросил Сарвара узнать у нашего хмурого водителя: почему не как у других, по-особому повязана его чалма?

Мы торопились, темнело, по шоссе снова шли кочевники, шофер то снижал скорость, то прибавлял газ, длинный конец его чалмы бился у наших лиц.

— Бадаль Хастыль, — коротко ответил он.

Подбирая слова, Сарвар перевел не сразу.

— Обычай такой... Закон... Если обида — надо отплатить. Это — как долг. Обязательно.

— Месть?

— Можно — месть. Можно — справедливость.

— Кому он собирается мстить? За что?

Сарвар отвернулся к окну. Долину накрывали вечерние тени, глуша ее краски. Причудливыми розовыми птицами сидели на верхушках холмов старинные форты. Мы медленно проехали мимо кладбища. Ни надписи, ни кустика, ни деревца, ни ограды... Россыпь острых камней да кое-где тонкий шест, украшенный кусочками выгоревшей ткани.

Сарвар молчал, и я не повторил вопроса. За дни, проведенные вместе, уже убедился, что повторять не нужно. Он хорошо переводит. Внимателен, добр. И не разрешит обидеть человека бестактным вопросом. Раз не перевел, значит, о таком не спрашивают.

...У особняка, возле которого поздним вечером остановилась наша машина, не стоят часовые. Или их не видно. Ворота открыл паренек в чалме и халате. За воротами тоже народ в штатском. Правда, нужно отметить, что слово «штатский» плохо подходит для определения афганца в национальной одежде, если он при оружии. Странное дело! Просторнейшая рубаха, мирный жилет, какие-то бесформенные широченные штаны, на ногах — подобие сандалий. Трудно вообразить наряд менее воинственный. Но если рубаху перехватил патронташ, сразу видно — воин! Может, из иных веков, может, иного облика, не тот, к которому привык взгляд, но статью своей и сутью — воин.

— Надеюсь, вы не устали и приятным был путь?

Из-за туалетного столика, на который взгромоздилась пишущая машинка, поднялся товарищ С. — невысокий, действительно по виду штатский человек в пиджаке и при галстуке. Ему лет сорок. Черные волосы тронуты сединой. Когда снял очки, стало видно, что глаза его покраснели от бессонницы.

— Присаживайтесь, отдыхайте. Сейчас принесут чай.

Отделение ХАД — орган государственной безопасности Афганистана — расположилось в бывшем особняке одного из руководителей контрреволюции. Вот ведь как бывает!

— В гости не заглядывает? — шучу я.

— Пока нет. Отсиживается в Пакистане, — серьезно отвечает С. — Но приветы шлет.

Он показал на стену. Возле потолка на цветном штофе виднелись белые оспинки — следы пуль.

Товарищ С. рассказывает:

— Подавляющее большинство нынешних руководителей контрреволюции бежали за границу сразу после апреля 1978 года. Крупные помещики, ханы, малики... Наиболее фанатичные деятели духовенства из его высшего слоя: шейхи, хозраты, пиры, ишаны... Впрочем, некоторые из них к этому времени уже находились в

эмиграции. Это те, для которых даже режим Дауда, даже король Мухаммед Заир-шах были слишком «левыми».

Вот, например, богослов Саббатула Моджаддади, племянник хозрата Шорбазара... В 1929 году эта семья сыграла немалую роль в свержении Амманулы-хана. Потом на протяжении многих лет Саббатула Моджаддади был одним из вдохновителей всех реакционных выступлений, направленных на то, чтобы не допустить ни малейшего движения вперед. В конце пятидесятых годов спровоцировал выступление мулл и самой отсталой части населения Кандагара против решений правительства, направленных на расширение светского образования. В октябре 1966 года организовал избиение депутатов парламента, выражавших взгляды демократической общественности страны. Летом 1970 года здесь, в Джелалабаде, предводительствуемая муллами толпа с криками «король кафир» («король неверный») громила кинотеатр, женский лицей, отель «Спингар», срывала портреты Мухаммеда Заир-шаха... Это в ответ на заявление короля, что его правительство «подумает о земельной реформе». И снова в числе вдохновителей и организаторов выступления был Моджаддади.

Его программа — абсолютная неподвижность. Он борется не только против социального преобразования общества. Современная медицина, женское образование и вообще — светские школы, новая агротехника, развитие промышленности, кино, телевидение... Уже много десятков лет ведет против всего этого смертельную борьбу Саббатула Моджаддади.

Именно он стал одним из главных руководителей «Национального фронта освобождения Афганистана», в который вошли «Исламская партия», «Исламское общество», «Исламское революционное движение», «Исламская националистическая революционная партия», несколько других организаций помельче.

«Фронт» создан в январе 1980 года в Пакистане, чтобы «координировать действия» и прекратить грызню между разными организациями из-за американских и китайских субсидий. Военную организацию «Фронта» возглавляет Гульбеддин Хекматиар — один из основателей и руководитель «Исламской партии» Афганистана. Родился в 1948 году в семье помещика. Окончил Ка-

бульский университет. Со студенческих лет ярый последователь Саббатулы Моджаддади. Умен, энергичен, невероятно честолюбив.

Банда Адам-хана, которая недавно разбита в провинции Нанганхар, была вооруженным формированием другого лидера этой партии — Юнуса Халиса Набихейля, поссорившегося с Хекматиаром. Вообще создание «Фронта» к единству не привело. Распри между различными контрреволюционными организациями продолжаются.

— Вот, взгляните. Любопытный документ.

«Здравствуйте, борющиеся и отважные братья — господа инженер Мохаммед Наби-хан и инженер Башир-хан! Да будет милостив к вам великий аллах!

Во-первых, молю аллаха, чтобы он ниспослал вам доброе здоровье. Во-вторых, хочу подчеркнуть, что приезд господина Мохаммеда Наби-хана, а также господина инженера Башир-хана с его сотней крайне необходим, так как определенная часть «обществ» и «движений» начала против нас и наших соратников борьбу. Если эта часть «движения» будет и впредь выступать против «Исламской партии Афганистана», то все наши усилия будут сведены на нет.

Необходимо, чтобы господин инженер Мохаммед Наби-хан утихомирил всю эту борьбу. Только после этого мы сможем покинуть этот район и возвратиться в Пакистан.

Абдаль Сабур Сарбирайр,
командующий центральным фронтом
Исламской партии в провинции Тахор.
18 марта 1980 года».

Документы, бумаги, захваченные во время последних операций по разгрому банд, лежат на столе. Разобранные — стопками, еще не рассортированные — грудами. Листовки, письма, записные книжки, белые квадратики удостоверений «Исламской партии», фотографии, паспорта...

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста!

Что поймешь в сложнейшей вязи незнакомого языка? Беру фотографии.

Цепочка вооруженных людей, человек тридцать, идут в горах по заснеженной тропе. Стоянка — обедают. Выстроились полукругом — позируют. Здесь можно рассмотреть вооружение: автоматы американского производства, дальнобойные винтовки с оптическим прицелом. Два пулемета. Гранатомет.

Еще фотографии: возле стены какого-то дома лежит связанный человек. Голова на обрубке дерева. Рядом с ним, расставив ноги и подняв двумя руками топор, изготовился для удара один из бандитов. Но на жертву не глядит, уставился в объектив. Вот — момент удара...

Берег ручья. Три крестьянина сидят на корточках. Глаза завязаны... Крестьянин, проколотый зубьями бороны...

Хватит. Отодвигаю фотографии, берусь за листовки. С помятых листков бумаги смотрят на меня почтенные белобородые старцы — руководители контрреволюционных организаций.

XVI

В ущелье между серыми горами, прикрывая Афганистан с востока, стоит советский мотострелковый батальон. Зарылся в землю, в камень, оборудовал огневые позиции, ходы сообщения, поднял на вершины наблюдательные посты, протянул связь, готов к любым неожиданностям.

Рядом с палатками батальона течет быстрая горная речка. Вдали ее различимы глинобитные домики афганской деревни. Вырубленная в скалах дорога то бежит над рекой, то, словно набравшись сил, делает через речку прыжок.

Мы спустились в расположение батальона на вертолете под вечер. Летчик майор Вячеслав Карибулович Гайнутдинов сделал над лагерем круг, завис над крошечной, очищенной от валунов площадкой, над которой трепетал на шесте полосатый конус. Непроницаемое облако коричневой пыли на мгновение окутало наш Ми-8 и исчезло, открыв глазам штабную машину, антенну радиостанции, защищенные валунами артиллерийские орудия.

Возле штабной машины стояли два афганца в зеленых френчах, примерно таких, какие носили у нас в сороковые годы. На груди обоих поблескивали ленинские значки. В руках — автоматы.

— Наши друзья. Партийцы. Шакор и Закир. Вот из той деревни, — пояснил командир батальона.

Вчера лейтенант медицинской службы Сергей Шевцов оперировал их товарища. В журнале батальонного медпункта записано: «Курбон Нурмамедов. Возраст — около тридцати лет. Касательное огнестрельное ранение спины. Сквозное ранение правого бедра. Кровоподтеки по всему телу. Проведено иссечение тканей, обработка ран. Наложены швы. Эвакуирован в госпиталь».

Сергей Швецов рассказывает:

— Курбон Нурмамедов был схвачен бандитами на берегу этой же речки, километрах в десяти отсюда. Ждал казни. Улучив момент, бежал, прыгнул в реку. Пули настигли его уже в воде. Из реки Нурмамедова вытащили советские солдаты.

Листая журнал, натыкаюсь на неожиданный для батальонного медпункта диагноз: «Послеродовой сепсис».

— Честно говоря, крепко тогда перепугался. Когда меня позвали в деревню, женщина уже третий день лежала без сознания.

Спорили, видно, звать, не звать... К счастью, на местных жителей антибиотики особенно хорошо действуют. Здесь их не применяли. Теперь у меня в медпункте для афганцев специальные часы приема.

— Идут?

— Еще как! Интересно — даже сейчас много воспалений легких.

— Но как же вы объясняетесь?

— Учусь. «Дар микина?» — «Болит?» Или вот, например: «Ду той чор бор хур» — «По две таблетки три раза в день»...

Шевцов улыбается. Он откровенно и прекрасно молод, откровенно и прекрасно горд, что в свои двадцать четыре года, только недавно закончив Куйбышевский медицинский институт, самостоятельно врачует, уже спасал людям жизнь.

Над входом в вагончик медпункта висят, царапая небо, закрученные ребристые рога маралов.

— Они принесли,— поясняет Шевцов, показывая на Шакора и Закира.— Говорю ясно — никаких подарков! Но разве послушают? Вот повесили...

Закир и Шакор согласно кивают головами: «Очень хорошие рога!»

Оба они из кишлака. Закир — телефонист. Шакор — алакедар, видимо, это что-то вроде старосты. В кишлаке 44 семьи, значит, около 500 жителей. 7 членов партии. Земельную реформу провели, землю вспахали. Во время пахоты прошли небольшие дожди — это хорошо, к урожаю. Сеять начнут дней через пять — семь. Пшеницу. Ячмень. Но всю пашню засеять не смогут. Мало зерна...

Разговаривать с афганцами помогает наш сержант Насыр Юсупов. Хороший, ладный паренек в выгоревшей куртке. Верный обычаям востока, он подчеркнуто уважителен к Шакору и Закиру — обоим за тридцать,— но ему все время хочется что-то к их словам добавить, пояснить, поделиться со мной своими наблюдениями.

— Очень бедно живут, товарищ полковник. Даже не поверите. В комнатах нары из глины. А в потолке — дыра. Только на ночь ее закрывают. Сам видел. Вся еда — похлебка из бобового теста. Нарежут тесто кусками и в котел. Правда, если гость — ничего не пожалеют. Тогда и мясо, и хлеб, и чай с молоком...

Мне уже приходилось замечать, что на солдат из наших среднеазиатских республик бедность афганского крестьянина производит особенно сильное, чуть ли не ошеломляющее впечатление.

— Знаете, товарищ полковник, даже лучину жгут. Натирают прутик каким-то составом и...

Вот так и идет наша беседа. Шакор и Закир отвечают на вопросы, сержант дополняет.

Декрет № 6 об отмене крестьянских долгов помещикам был воспринят в кишлаке с радостью. Но... Долги крестьяне по-прежнему платят. Хотя члены партии ходили по домам, разъясняли. Обычай, привычка... А может, побаиваются мести.

Влияние религии послабее, чем в других районах. Здесь живут мусульмане-исмаэлиты. Главный завет их — собрать в пользу «живого бога» — Ага-хана одну десятую часть всех доходов. Остальное — не так уж важно. Из кишлака к бандитам не ушел ни один чело-

век. Однако бандиты свирепствуют. Объясняется это близостью границы с Пакистаном. Там их прибежище.

Курбон Нурмамедов, который бежал от бандитов и был ранен, не член партии. Но он в отряде самообороны. Переправлял его в госпиталь на вертолете майор Гайнутдинов. За несколько дней до этого он же доставил отсюда в госпиталь семилетнего афганского мальчишку, которого бандит полоснул ножом по животу за то, что тот не выпустил из рук лепешку.

Когда Гайнутдинов рассказывает о мальчонке, лицо его как бы каменеет. Но по характеру майор ироничен, точнее, всегда старается прикрыть иронией свою доброту.

Мы познакомились с ним несколько дней назад на маленьком, как зеленое блюдечко, аэродроме. Горы подступили к аэродрому совсем вплотную. Они здесь округлые, мягкие, с квадратными и прямоугольными заплатами пашни и стерни.

Когда мы прилетели, Гайнутдинов был еще в воздухе. Встретил нас его заместитель, богатырского вида усач.

— Щербаков, — представился он. — Рады приветствовать в нашем захолустье. Располагайтесь, отдыхайте. Скоро будет банька.

Баня? Вот это здорово. Но где? Все аэродромное хозяйство как на ладони: пара глиняных мазанок, несколько палаток, склад ГСМ...

— Будет, будет, — уверил Щербаков, почему-то улыбаясь. — Не такая, конечно, как на пограничной заставе, где мы с вами мылись в последний раз. Но, смею уверить, вполне пристойная. Неужели не узнаете?

Бог мой! Неужели Щербаков, летчик, капитан, с которым несколько лет назад кружили мы на вертолете по ущельям от одной заставы к другой? Однажды, попросив у пограничников коней, скакали по густым травам урочища к ущелью. А потом парились в бане и бегали в ледяной ручей...

— Он самый, — подтвердил Щербаков. — Я и сам из-за этих усов себя не узнаю.

— Так зачем усы?

— После возвращения на Родину сбрею.

Это был один из самых лучших вечеров за все мое пребывание в Афганистане. Пар клубами ходил по палатке и, остывая на брезенте, падал холодными каплями на плечи и голову. По-ракетному гудело пламя в металлической трубе, на которую насажена бочка изпод горючего. Стоило только выдернуть обмотанную тряпочкой щепку, как струя огненного кипятка начинала бить, звеня, о стенки ведра. Гайнутдинов и Щербаков расшалились, плескались холодной водой...

Когда кончили мыться, совсем стемнело. У кромки аэродрома горели костры. Летчики варили уху. Кто-то перебирал струны гитары... Мне очень хотелось подсесть к костру. Но Гайнутдинов сказал: «Нет, едем на проводы. Нас ждут».

В кромешной тьме, положив на колени автоматы, поехали к мотострелкам. Офицеры провожали своего товарища Владислава Александровича Теодоровича. Он получил новое назначение и возвращался на Родину.

Стол был накрыт в землянке. Честно говоря, я ахнул, увидев в алюминиевых мисках настоящий борщ.

Виновник торжества попеременно был то оживлен, то задумчив. Чувствовалось, что назначение его радует, но жаль ему оставлять боевых друзей, с которыми прослужил немало, а за последние месяцы и немало пережил.

Обратились к воспоминаниям: холодный декабрьский день 1979 года. Точнее, предрассветный час. Подразделения подняты по боевой тревоге.

Теодорович рассказывал: «Построили личный состав, разъяснили, что по просьбе правительства ДРА в соответствии с советско-афганским договором направляемся в эту дружественную страну, чтобы помочь ей отразить угрозу внешнего вторжения. ...Двинулись хорошо, слаженно. Но до самой границы некоторые думали, что все равно — это лишь учения. Когда поняли, что приказа повернуть не будет, люди еще больше подтянулись. Связь, донесения, доклады об исполнении приказаний — все стало предельно четким...»

В разговор вступают другие офицеры, вспоминают стремительный студеный марш по афганской земле, переправу через реку, движение колонн в заоблачных высотах по обледенелой дороге, когда лишь сантиметр — да и то не везде — отделял колесо от пропасти, свер-

кающий снег засвечивал глаза, когда нужно было взрывом, гусеницами, а то и просто ломами разбирать накопившиеся за зимние месяцы завалы, и снова — вперед, вперед... График движения был разработан жесткий.

Вспоминали первые месяцы в Афганистане: снежный январь, холодные дожди в феврале, грязевые потоки в марте...

Подал голос молчавший до сих пор врач: «Знаете, как ни странно, простудные заболевания, даже ОРЗ, наблюдались реже, чем в условиях обычного зимнего расквартирования. Впрочем, говорят, что и на фронте так бывало...»

— Хотите пройтись? — неожиданно предложил Теодорович. — Проверяю службу. В последний раз.

Мы выбрались из землянки.

С самого начала места для расквартирования наших войск в Афганистане выбирались по согласованию с местным руководством с таким расчетом, чтобы не создавать неудобств жителям городов и не мешать крестьянам обрабатывать землю, пасти в привычных местах скот. Значит — поодаль от населенных пунктов, где — на склоне горы, где — земля бесплодная или вода не близко.

Но получен приказ — встали. Звякнули о камень саперные лопатки, протянулись от передвижных электростанций провода, зажужжали буровые машины...

Шагая по притихшему лагерю, я думал о великой силе нашего армейского, полевого, походного обустройства, в котором соединились, сплавились традиции, сегодняшняя техника и извечная тяга солдата к доброму труду.

Вот и здесь уже выровнены дорожки, посажены деревца, поднялся спортивный городок. На последней линии чернеют трубы полевых кухонь... Таков уж закон армейской жизни: совершенствование лагеря начинается с момента, когда забит первый колышек, и будет продолжаться до той минуты, когда горнист в последний раз протрубит здесь «сбор».

Несколько раз нас окликнули часовые. Потом тропинка повела в гору. «Темновато», — сказал я, в очередной раз споткнувшись о камень. «Ничего, — утешил Теодорович. — Скоро взойдет луна, будем как на ладони». «А что лучше для охранения?» «Лучше? —

В голосе моего спутника угадывалась улыбка.— Лучше дома чай пить».

Мы остановились. Луна еще не появилась, но какое-то предчувствие света уже разливалось в небе. Где-то внизу был наш лагерь. Где-то левее, за горой, маленький афганский городок. Сегодня я пролетал над ним на вертолете. Там сплетение узеньких улиц, дома с плоскими крышами, на которых растет трава, в закрытых двориках тополя...

— Немало уже прожито,— сказал Теодорович.— Но эти вот последние полгода для меня, как награда... Нет, подождите,— прервал он сам себя, как бы желая упредить возможное возражение.— Я ведь вот о чем... Закончишь военное училище, и пойдут чередой годы: учения, тревоги, дежурства, переезды... Офицерское житье. Ну, бывают и радости: отличишься на проверке, похвалят на учениях. Но если вдруг вот так ясно, в деле ощутишь, что вся твоя работа была не зря, что в руках крепкое, слаженное, надежное войско, что любая задача ему по плечу — разве это не счастье?

Голубоватый холодный свет начал заливать горы. Далекие снежные вершины засверкали голубизной, на ближних, округлых заиграли краски сложных полутонов и отливов. Мы торопливо зашагали к макушке горы, где находились окопы боевого охранения.

XVII

Брезентовые палаточные городки наших войск в Афганистане начинают день, как на Родине: в 6.00 — подъем, 6.10 — зарядка, 6.50 — умывание...

В это время вертолетчики уже давно на работе. Ведь как только взойдет солнце, начнет прибывать жара. А чем горячее воздух, тем труднее водить в горах винтокрылые машины.

Подполковник Борис Григорьевич Будников, мастер вертолетного спорта, который летает на этих машинах более 20 лет, провел на них в воздухе около 5 тысяч часов, так сформулировал основные правила вертолетовождения в горах Афганистана:

— Следи за кучевыми облаками! Верный признак вертикальных воздушных потоков. Скорость в них может достигать 15 метров в секунду.

Особое внимание при пересечении горной гряды. На другой стороне хребта на машину может обрушиться мощный нисходящий поток. Поэтому пересекай гряду обязательно с хорошим запасом высоты и под острым углом. Не прыгай через хребет, а как бы подкрадывайся к нему, прощупывай. Подходя к гряде, убавь скорость, имей в запасе мощность, чтобы использовать ее, если машину бросит вниз.

Подошел к горам — начинается болтанка. Углубился в ущелье — она усилилась. Не нервничай. Это нормальное явление. Управляй машиной плавно и спокойно.

Когда летишь по ущелью, старайся придерживаться одной его стороны. Лучше той, что освещена солнцем, чтобы опираться на восходящий поток от нагретого склона.

Внимательно следи за конфигурацией ущелья. Бывают ущелья сужающиеся, тупиковые. Будь готов к немедленному развороту на обратный курс. Постоянно держи в голове необходимый радиус разворота в зависимости от твоей скорости.

Все время высматривай местечко для возможной посадки. Никогда не знаешь, в какой момент оно может понадобиться.

Бывает, что садиться приходится на очень трудные площадки. Иногда — наклонные, иногда — на краю обрыва. При посадке на такую площадку и при взлете с нее рычагами управления работать нужно очень аккуратно, неторопливо, примерно в два раза медленнее. чем обычно. Значит, начинать каждое движение нужно заблаговременно. Не рви — рассчитывай. Но и не трусь!

Наставления эти, более чем серьезные, Борис Григорьевич закончил словами, вызвавшими у молодых летчиков заметное оживление.

— В общем, дело простое. Летишь — не заблудишься. Справа стена, слева стена, как в квартире. Даже речка внизу — половичком. Правда, не забывайте, что квартира эта — коммунальная. На кухню заглядывать приходится с осторожностью...

Почти всю минувшую неделю я провел на аэродромах, на посадочных площадках, в полетах.

В составе экипажа капитана Сергея Паршикова летал на разведку погоды. Летали, как положено, в паре.

По одному вертолеты здесь не ходят. Если что-то случится с одним, товарищ придет на выручку.

Честно говоря, в памяти от этого вылета осталось немногое. Слишком все стремительно, круто.

Узкая поджарая пятнистая машина задрожала мелкой, сердитой, нетерпеливой дрожью. Оторвалась от земли. Зависла на мгновение над бетоном. Потом, обтекая с трех сторон стекла кабины, рванулись нам навстречу ущелья. Примостившись у летчика за спиной, держась за его сиденье, я старался разглядеть пещеры и тропы, на которые указывал мне Паршиков, но все мелькало перед глазами. То слева, то справа, казалось, у самых лопастей вставали отвесные серые склоны, опрокидывались набок, наша машина с каким-то невероятным креном делала разворот и снова, как на санках с крутой горы, снижалась к пещере, мною так и не увиденной...

То ли дело на Ми-8!

Неторопливо раскрутились лопасти. Бортмеханик, бросив последний взгляд на сверкающий нимб, поднялся на борт, закрыл дверь. Зеленая пузатая «стрекоза» качнулась, мягко потопталась своими черными резиновыми лапками по траве, плавно ушла в поднебесье.

Сквозь открытый иллюминатор бьет косая струя воздуха. Мой попутчик прапорщик Михаил Баранчук поставил между коленями автомат, сидит на пачке газет, держит двумя руками письмо, читает, улыбается. Такая удача! Везет почту, а верхнее письмо в пачке — ему лично, от жены Валентины.

Сегодня лечу с самим Будниковым. Сижу удобно между ним и вторым пилотом. Бортмеханик отдал мне свой шлемофон. Можно смотреть вниз, можно разговаривать.

Красивая все же страна! Коль горы — так горы, остры, суровы, тянутся к небу ножами и зубьями. Но блеснуло внизу голубое блюдечко водохранилища, зарябил канал, и поплыли под нами поля. В начале апреля, когда я увидел их впервые, были они изумрудно-зеленые. Теперь уже тронуты желтизной. Скоро пшеницу начнут убирать. Посеют рис. Уберут рис — посадят овощи. На поливных землях здесь снимают до трех урожаев в год.

Снова идем по ущелью. Легко и изящно повторяет наша машина его извивы. Тень вертолета скользит по скалам. И снова я думаю о Славе Гайнутдинове, о том, как с ним летали по теснинам, как, передав управление второму летчику, чуть откинувшись в кресле, он разговаривал, шутил, а кисть его правой руки все время чуть заметно двигалась, дирижировала, словно вела мелодию полета...

Как-то в разговоре Гайнутдинов вскользь упомянул, что в Сызранском училище военных летчиков, которое он окончил в 1974 году, было у него два увлечения: бокс и музыка. Видимо, они оба в какой-то степени формировали и отражали грани его характера.

Вижу Славу уставшим и веселым в землянке на проводах Теодоровича, после целого дня полетов, после жаркой бани... Короткие, еще влажные волосы спустились на высокий лоб, казацкие усы прячут улыбку, а глаза ее выдают, смеются, и весь он такой открытый добру, верный товариществу, готовый принять шутку и ответить на нее.

Помню его утром на аэродроме, когда построился готовый к посадке на вертолеты взвод — ладные наши ребята в тяжелых горных ботинках, с оружием и мотками альпинистских веревок на плечах... Здесь Гайнутдинов был другой. Он почти не командовал. Точнее, не произносил слов. Взгляд, жест... Но вовремя подкатил и отъехал бензовоз. Без секундной задержки протянулись черные провода и заработали двигатели...

Потом мы вместе летали к нашим саперам, которые восстанавливают на горной дороге подорванный бандитами мост. В шлемофоне было слышно, как Гайнутдинов напевает какую-то незнакомую мне мелодию... Вдруг замолчал, показал рукой вниз: «Смотрите! Идут! Честное слово, идут!»

— Кочевники? — спросил я, вглядываясь в цепочку людей и верблюдов на извилистой тропинке.

— Да нет, местные. Бежали от банд. Теперь возвращаются в кишлак. Понимаете — возвращаются! Это же здорово!

Гайнутдинов был одним из самых смелых и умелых наших вертолетчиков, с кем довелось познакомиться в Афганистане. Может быть, самый смелый и умелый.

Но, вспоминая сейчас о встречах с ним, думаю не только о его прекрасных боевых качествах.

Вот он стоит на своем крошечном, затерянном в горах аэродроме. Пестрой грудой свалены у вертолетов огромные тюки, мешки, кованные железом сундуки, связки лопат и мотыг... Толпа афганцев в чалмах и тюбетейках, в халатах и рубахах, молодые и старые с надеждой смотрят на советского летчика.

— Главное — спокойствие! — говорит, улыбаясь, Гайнутдинов. — Полетят не все сразу, но все сегодня будут дома. Можете верить.

Летим над ущельем. Думаю о майоре Вячеславе Гайнутдинове, и строчки светловской «Гренады» тревожат сердце:

Я хату покинул,
Пошел воевать...

XVIII

...Хорошо все-таки летать с почтой! Садимся на маленькие пыльные аэродромы, иногда вертолет заправляется горючим, иногда даже не глушит моторы: прапорщик Баранчук, как добрый кудесник, оделяет людей радостью, меняются попутчики на борту, и снова — ввысь!

Капитан Валерий Нестеров летит домой, в отпуск. Поднялся в машину, и сразу аромат роз залил фюзеляж. Четыре месяца назад его жена родила близнецов, Кирилла и Димку. Капитан их еще не видел. Прячет от ветра и солнца алый букет — подарок супруге. Довезет ли?

Лейтенант Игорь Иванов возвращается с двумя солдатами в свое подразделение. Лица у всех троих опалены солнцем и горными снегами, форма пропотела, выгорела. Усевшись на алюминиевую откидную скамеечку, солдаты задремали, прильнув друг к другу, а лейтенант рассказывает о горах, о том, что камнепады начинаются чаще к утру, когда растает накопившийся в расщелинах лед, о своем командире майоре Хабарове. «Он учит так — солдата нужно беречь, а не жалеть».

Я смотрю на его ладную, стройную фигуру, перетянутую ремнем и портупеей, на солдат, которые даже

во сне сжимают автоматы, — обычные парни, такие же, как миллионы их сверстников. Но эти загорели погуще, обветрились покрепче. Настоялись, видимо, в караулах, в секретах, нашагались в горах. Лучше других познали вес солдатской выкладки, цену глотка воды во фляге, надежность плеча товарища. И сейчас — усталые, пропыленные — красивы особой армейской статью бывалых воинов.

...Ночь мы провели в одном из авиационных подразделений. Крупные, почти не мерцающие звезды горели над палатками. Запах цветущего миндаля был перемешан с запахом бензина. Спускалась прохлада.

Именно для этого момента тишины и покоя приберег политработник Валерий Николаевич Корнеенко одно из привезенных сегодня писем. Другие письма уже давно розданы, давно по нескольку раз перечитаны, спрятаны в нагрудные карманы бледно-голубых комбинезонов. Но это письмо — особое.

«Дорогие наши мужчины! Вы далеко, но мы, жены летчиков, техников эскадрильи, собрались вместе и решили послать вам коллективное письмо. Каждая из нас понимает, что вы выполняете ответственное задание. Вы за нас не волнуйтесь. У нас все хорошо, работаем, воспитываем детей. Но чем бы ни были заняты, мы ни на секунду не забываем о вас, сердцем чувствуем, что вам порой бывает нелегко. И пусть наша любовь, наша верность помогут вам преодолеть все трудности...»

Было очень тихо. Легкий ветер перебирал язычки пламени. На усталых лицах летчиков играли алые блики. Ветер подхватывал слова письма, которое негромко читал Корнеенко, и уносил их на бетон аэродрома, за черную линию платанов, к прикрытым темнотою горам, а может быть, и еще дальше — ко всем брезентовым палаточным городкам ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Апрель — май, 1980 г.

* * *

I

Ровно два года я не был в Афганистане. В Кабуле воздух так же сух и пылен, так же катят по городу оранжевые такси, будто кто-то высыпал на площадь сумку апельсинов. Между машинами неспешно шагает верблюжий караван. На тротуаре мальчишка крошит на огромной терке лед, сверкают стеклянные банки с разноцветными прохладительными напитками.

Однако в облике Кабула даже с ходу, с движения можно различить некоторые перемены: новые кварталы крупнопанельных домов, медный купол новой мечети, красную ажурную башню на вершине горы Асамн — приемную станцию цветных телевизионных программ из Советского Союза. На торговых улицах кое-где строятся или уже открыты новые магазинчики-дуканы. Два года назад было наоборот — некоторые торговцы свои дуканы закрывали.

Шумит базар Чар-Чата. Кажется, что тысячи и тысячи людей, заполнивших этот лабиринт, все разом говорят, спорят, торгуются, воздевают руки к небу и прижимают их к сердцу. Только продавцы тканей — сикхи молча сидят, поджав ноги, рядом с цветастыми горами шелка, перебирают четки и лишь покачиванием тюрбанов принимают или отвергают цену за свой товар.

Притормозили у другого базара, где груды арбузов, сверкание влажной редиски, мешки риса... Оказалось, что мясо подорожало, а цены на хлеб, рис, растительное масло прежние.

Сообщаю об этих мимолетных наблюдениях потому, что задержаться в Кабуле не довелось. В министерстве

национальной обороны узнал, что началась панджшерская операция.

В недавних сообщениях западных телеграфных агентств Панджшер неоднократно назывался «валлей» — долина. Но можно сказать, что это ущелье. Ширина не достигает и двух километров, а местами сужается метров до трехсот.

Но военное значение Панджшера определяется не площадью. Узкий, длинный — почти на сотню километров — обрамленный неприступными горами, Панджшер тянется с востока на запад, как коридор, от границы с Пакистаном к перевалу Саланг, к зеленой зоне провинции Каписа, откуда и до Кабула рукой подать.

Крупное бандоформирование во главе с Ахмед Шахом, тридцатидвухлетним отпрыском семьи известных в Афганистане феодалов, пришло в Панджшер из Пакистана. Подавив сопротивление отрядов крестьянской самообороны и небольших подразделений царандоя — милиции, Ахмед Шах начал укрепляться в долине. Сюда из Пакистана потянулись караваны с оружием.

Как известно, между главарями многочисленных группировок афганской контрреволюции не утихает междоусобная грызня. Ахмед Шах поставил целью, опираясь на базу в Панджшере, сплотить вокруг себя все банды на севере страны, а затем и в других ее регионах. Его радиостанция ежедневно с 8 до 9 утра вела передачи на языках дари и пушту.

Вот документ на бланке «исламского общества Афганистана», подписанный Ахмед Шахом и адресованный главарям других бандгрупп и бандформирований: «Учитывая недоступность Панджшера, мы создали здесь крупную центральную базу для районов северного направления... Она может служить основой для отдыха отрядов, их пополнения, перевооружения и обучения. Мы можем оказывать помощь предоставлением военных инструкторов, советников, других военных специалистов... Мы желаем установить связи с Саманганом, Мазари-Шарифом, Бадахшаном, Кундузом...»

В апреле нынешнего года Ахмед Шах объявил, что командование вооруженными силами ДРА упустило время для проведения операции в Панджшере: открылись перевалы, легче будет получать оружие и боепри-

пасы из Пакистана, легче маневрировать. В начале мая он сам перешел к активным действиям, высылая подвижные отряды к перевалу Саланг, стремясь затруднить движение по основной автомагистрали, соединяющей юг и север страны, Афганистан с Советским Союзом.

Подготовка к панджшерской операции велась в секрете. Но, видимо, какие-то сведения все же просочились, потому что еще до ее начала банды, угрожая оружием, угнали население из кишлаков в горы, а подразделения афганских войск встретила многослойная, заранее подготовленная система огня.

Впрочем, о том, что схватка в Панджшере предстоит нелегкая, командование вооруженных сил ДРА знало и к этому готовилось.

...Повторяя изгибы ущелья, летим все дальше. Кое-где видны белые облачка разрывов, дымки пожаров. Левый пилот плавно сдвигает рукоятку. Вторя его движению, успокаивающе пощелкивает триммер: все в порядке, все в порядке...

В салоне вертолета ящики с патронами, пулеметные ленты, белые пачки листовок. Подполковник афганской армии Абдель Баки время от времени распечатывает очередную пачку, сдвигает дверь, в салон врывается прохладный ветер, и листовки летят вниз, туда, где пенится горная речка, где вьется возле нее дорога и, окруженные зелеными осколочками пшеничных полей, стоят пустынные кишлаки.

«Благородные жители Панджшера! — говорится в листовках. — В вашем районе активизировалась деятельность банд мятежников. Для освобождения населения от их гнета и притеснений правительство Демократической Республики Афганистан вынуждено направить в ваши уезды свои войска. Главная цель войск — обеспечение безопасности мирных жителей, создание условий для мирного труда. Оказывайте поддержку в деле выявления банд».

Ущелье чуть раздвинулось, показались зеленые кроны деревьев. Наш вертолет идет на посадку. Второй, охраняя, кружит в воздухе.

...Штаб одного из полков афганской армии расположился неподалеку от кишлака под чинарами на бере-

гу реки. Ее узенькие быстрые протоки почти лижут колеса штабных машин. Белеет брезент выгоревших на солнце палаток.

С начальником штаба подполковником Есин Ханом мы обнялись, расцеловались. А разговаривать ему некогда. Он снова склонился над расстеленной на раскладном столике картой, прижал к уху трубку рации.

— В лоб не ходить! Берегите людей, подтягивайте артиллерию. Орудия на вьюки и — вперед! Проводник есть? Действуйте!

Виски у него поседели, морщинок прибавилось. Последний раз мы виделись два года назад в деревушке Кяджа уезда Хугани неподалеку от пакистанской границы. Тогда завершилась операция против банды Адамхана, сам главарь был уже убит, его тело выставили для опознания в Сурхруде, мы переночевали в каком-то замке. Есин Хан был капитаном, начальником штаба батальона, только что вступил в партию, и его тогда легко ранило — осколок мины оцарапал лоб. А месяц был тот же — хамаль, и так же, как сегодня, рядом с опаленным сражением кишлаком зеленели поля, и если налетал ветер, то они отливали серебром.

Пока Есин Хан занят, мы вместе с подполковником Абдель Баки и выделенными для сопровождения двумя солдатами из взвода охраны штаба пошли в дом, где еще вчера размещался один из «военных комитетов» Ахмед Шаха. Дом просторный, двухэтажный, видимо, принадлежал кому-то из местных богатеев. Мягкие кресла, низкие столики. Тяжелые ставни, прикрывавшие арочные окна, сбиты взрывом. За окнами бурлит река. В углу одной из комнат сейф с распахнутыми дверцами. Пол усыпан бумагами.

Подполковник начал перебирать листочки.

— Наверняка ничего интересного, — сказал он, как бы готовя себя к предстоящему разочарованию. — Все важное унесли или уничтожили. Впрочем, глядите-ка...

Абдель Баки расправил листок.

«Тем, кто имеет радиоприемники! Исламский комитет еще раз доводит до сведения, чтобы знали, помнили и исполняли: слушать передачи из Кабула — великий грех. Впредь это деяние будет наказываться штрафом в 10 тысяч афганей или отсечением головы».

По военной специальности Абдель Баки связист. Командовал взводом связи, был начальником штаба батальона. Сейчас работает в отделе агитации и пропаганды политуправления. Невысок, худощав, по-юношески улыбчив. Только временами проглянет в глазах горечь и боль.

...Горы доносят эхо отдаленных взрывов. Где-то там, впереди, в одном из поперечных ущелий, закрепились бандиты, отбиваясь из пещер крупнокалиберными пулеметами. Операция развивается по плану. Высаженные вертолетами афганские подразделения движутся по отрогам и навстречу друг другу, окружая врага. По хребтам, чтобы прикрыть моторизованные колонны, идут пехотные подразделения.

— Не следует думать, что в бандах, даже в той,— Абдель Баки указал рукой туда, откуда доносилась стрельба,— все одинаковы. Очень даже разные. Столько их перевидел... Есть яростные враги, фанатики. Есть просто наемники. Им платят — они убивают. Есть запуганные. Есть темные, обманутые... В прошлом году в Чарикаре захватили мы банду, пятнадцать человек. Главарь с помощником бежали. А эти — местные. Неделю с ними разговаривал. Порой с утра до вечера. О земле, о воде, об исламе, про собственность, про налоги... Потом пошел к командованию: «Давайте отпустим. Думаю, не будут они больше против нас воевать. И старики ручаются». Начальство против: «Как так, отпустим? Пятнадцать бандитов? Ведь взяты с оружием!» А я говорю: «Ну и что ж — пятнадцать? Пятнадцать больше, пятьдесят меньше, какая разница? Нужно попробовать!» Уговорил. Год они в своем кишлаке крестьянствовали. А недавно попросили оружие, чтобы организовать отряд самообороны.

Бой угасал вместе с вечерней зарей. Взрывы доносились реже, потом прекратились совсем. Подъехали два запыленных афганских бронетранспортера. Один из них привез раненых. Кто-то из штабных офицеров вызвал по радио вертолеты, чтобы отправить раненых в тыл. Затем начал передавать итоги дня: свои потери, потери противника, количество пленных, взятое у бандитов оружие...

Запылали костры. Появились чайники. Возле одной из палаток я увидел кружок солдат. Они что-то повто-

рили хором гортанно и певуче, положив на колени белые книжечки.

— Молитва?

— Нет, — улыбнулся Абдель Баки.

Он взял у солдата книжечку. На обложке изображено солнце, солдат с автоматом, крестьянин с плугом. Крупный шрифт. Текста мало. В основном рисунки — то пулемет, то трактор, то плотина, то окоп...

— Букварь, — сказал подполковник. — Издан политуправлением. У нас там специальный отдел по ликвидации неграмотности. Возглавляет его подполковник Али Ахмад. Вам, пожалуй, стоит познакомиться с ним, когда будете в Кабуле. Мы считаем этот отдел одним из важнейших. Занятия по обучению солдат грамоте проводятся ежедневно. Даже в боевых условиях.

Подошел Есин Хан, усталый, еще отрешенный, словно перегоревший в напряжении дня.

— Помните Кяджу? Мы ведь тогда сразу попали в засаду, как только вы уехали в Джелалабад.

За чаем он повеселел, оживился.

— Перемен в армии много. Сами увидите. Офицеры научились воевать. Солдаты лучше владеют техникой. Роты стали полнокровнее.

Заговорили о Панджшере — долине Пяти львов: по преданиям, в давние времена жили в этой долине пять братьев, которые за одну ночь построили могучую плотину, чтобы напоить поля...

Население здесь небогатое, земли мало, очень многие отправлялись на заработки в Кабул, Кандагар, Газни. Из этой долины вышли знаменитые в Афганистане ученые, поэты...

Заря погасла. На какие-то мгновения разлилось ровное, бесцветное, чуть серебристое сияние, резко высветив силуэт гор. Потом разом навалилась тьма и прикрыла позиции афганских войск, пещеры бандитов, притихшие кишлаки, нашу палатку.

Есин Хан приказал гасить костры: снайперская пуля из дальнобойной винтовки легко разыщет любой огонек.

II

Не нужно быть военным человеком, чтобы понять, что в горах гораздо легче наладить оборону, чем вести наступление. Заняв выгодную позицию, даже несколько

человек могут задержать роту, а то и батальон. Но операция, которую части афганской армии ведут в ущелье Панджшер против бандитских формирований Ахмед Шаха, развивается успешно. Очаги сопротивления окружаются, банды — если не сложат оружия — ликвидируются.

Штабная машина генерала Мухамеда Авзара еще не прокалена солнцем, прибрана и даже нарядна. На маленьком столике поблескивает графин с напитком из верблюжьей колючки. На большом — расстелена свежая карта нового дня боевых действий.

Поступают донесения:

«Занято здание, которое бандиты использовали как тюрьму. Пленные показывают, что в ней содержалось более ста человек. По приказанию Ахмед Шаха они уведены в горы. Возможно, убиты. Начали преследование».

«Обнаружен склад боеприпасов...»

«Неподалеку от кишлака Астана найдена машина, в которой, как показывают пленные, ездил Ахмед Шах. Стекло пробито пулей. Следов крови нет...»

«Вступил в боевое соприкосновение с противником. Квадрат... Высота...»

Генерал Авзар берет командирскую линейку, острием карандаша находит на карте нужный пункт, отдает распоряжение.

Привезли захваченные у противника документы. Их сортируют разведчики и сотрудники ХАД — органов государственной безопасности ДРА. Среди груды бумаг, списков, бланков неожиданно проглянула акварель: горы, два вертолета в небе, красная точка в ущелье, линия и стрелки.

— Наглядное пособие, — пояснил разведчик. — Видите, первый вертолет они пропускают. Бьют по второму, на развороте, чтобы труднее было заметить, откуда ведется огонь. Такие рисуночки нам уже попадались.

Рассматриваю акварель-инструкцию с особым любопытством. Вспоминается, как недавно на паре вертолетов мы попытались сесть в одном из пунктов. Военный инженер Валентин Валентинович Келпш, с которым мы летели, уже разглядел лагерь наших воинов, зажелтели внизу сигнальные дымы, пилот уже наметил для посадки крошечный островок между двумя протоками, начал снижение и вдруг резко бросил машину вверх.

— Огневая точка противника,— сказал он.—Обстрелян второй вертолет.

...Ночью после полета мы лежали с Келпшем в палатке, долго не могли уснуть, разговаривали. Горы размыла тьма, но ощущение их близости, ощущение тесноты лишь усилилось. Казалось, что лежим на дне глубокой черной кастрюли, из которой время от времени, не разгоняя тьмы, поднимаются к небу гибкие стебельки ракет.

Валентину Валентиновичу сорок пять. Выглядит он моложе. Может, потому, что стрижет волосы ежиком и порой как-то озорно поблескивают его голубые глаза. Хотя человек он, без сомнения, весьма серьезный.

Его отец, зоотехник, охотник и рыболов, погиб в октябре 1941 года под Москвой. Валентин после войны работал комбайнером, затем окончил военно-инженерное училище. Долгое время был на политработе. Но все время рвался к своей специальности. После того как завершил — заочно — учебу в военно-инженерной академии, вернулся к саперной работе.

Два года назад здесь, в Афганистане, мы могли встретиться, были совсем рядом, но не получилось. Фамилия Келпш была тогда уже широко известна и в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане и в афганской армии. Особенно часто повторялась она в провинции Бадахшан. Вместе с советским инженерно-саперным подразделением Валентин Валентинович шел от Кишима к Файзабаду, восстанавливая подорванные мосты.

Столица Бадахшана — маленький, живописный Файзабад с огородиками на плоских крышах, обрамленный соснами и тополями, был отрезан: крупная банда Вазира блокировала город. Снабжение населения легло на плечи наших вертолетчиков.

Помню, как на крошечном аэродроме усаживались вокруг майора Вячеслава Гайнутдинова старики афганцы, держали совет: кого и что везти в первую очередь. Поодаль толпились жители с тюками, коваными сундуками, связками мотыг.

Файзабад и весь Бадахшан и даже Кабул с надеждой следили за продвижением саперов. Дорога пролегала по узкому ущелью реки Кокча через семь ее мостов.

Мосты — внизу. Бандиты — наверху, на окрестных вершинах. Грохот отбойных молотков часто сопровождался пулеметными очередями.

— Самым трудным был, пожалуй, третий мост. Ставили тяжелые, многотонные фермы. А банды наседали пуще прежнего... Зато видели бы вы, как встретили саперов в Файзабаде, какой был праздник!

Заснули мы под утро, твердо решив, что к саперам отправимся при первом же удобном случае.

...Три афганских БТР, раскачиваясь, грохоча, поднимая облака пыли, мчат по извивам горной дороги. Пыль скрипит на зубах, слепит глаза. Дульца пулеметов прикрыты от пыли целлофановыми мешочками. Лежащие на броне солдаты зацепились кто за что — тряска отчаянная. Дорога бросается вниз, взмывает вверх, от речных брызг к раскаленным скалам и снова — из жары в прохладу. С нашего БТР видно, как колеса головной машины повисают над обрывом, его бортовая броня царапает скалу. Через мгновение и мы ощущаем толчок, слышим скрежет. Но скорости не сбавляем.

— Красивое место, — говорю я подполковнику Афизуле Мушару, стараясь сбросить невольное напряжение.

— Плохое, — отвечает подполковник. — Удобно для засады.

Он сидит в левом люке, одной рукой держится за бронированную крышку, в другой зажал микрофон, монотонно повторяет: «Хазрат... хазрат шираз... хазрат...»

Радиосвязь со штабом работает нормально.

Валентин Валентинович едет на первом БТР, машет оттуда рукой, указывая на взорванные валуны, на свежий срез в горном склоне, на торчащие из-под насыпи стебли.

Дорога к саперам — это уже встреча с саперами.

Чтобы быстрее открыть путь, они работают здесь «перекатом». Первым идет инженерно-разведывательный дозор. Встретился завал или скала направленным взрывом обрушена на дорогу — стой! Выдвигается инженерная машина разграждения. Проделан проход для себя и вместе с дозором уходит дальше. Остальные продолжают работу. Слой за слоем снимают завал. Дробят взрывчаткой крупные осколки. Сваливают их в реку.

Нарезают на склоне продольные ступени. Потом выкладка: слой земли, слой стволов, веток и еще — для прочности — ящики из-под боезапаса, наполненные речной галькой. Исправлен поврежденный участок — снова все вперед, туда, где инженерно-разградительная машина уже пробилась через очередную преграду.

...Дорога пошла глаже, рывков поменьше, казалось — утихает шторм. Проехали по улице кишлака мимо сложенных из нетесаного камня домиков, спустились к реке. Механики-водители заглушили моторы, и мы услышали пение цикад, и стал различим запах клевера.

Лагерь расположился на поляне. Палатки, полевая кухня, штабель зеленых ящиков, маленький красный плакат: «Учиться военному делу настоящим образом!»

Возле арыка в тени шелковицы на брезентовом чехле спят четыре молоденьких наших солдата, раскинули руки. Видно, что крепкая усталость прижала их к земле.

Техника стоит ниже у самой реки под отвесной скалой между валунами. Машины запылены, помяты взрывами, лишь ослепительно сверкают отполированные работой огромные ножи-отвалы. Особенно лихой вид у танка-бульдозера. Его башня и лобовая броня обмотаны запасными стальными траками, и потому он похож на матроса с пулеметной лентой через плечо. Только что отремонтировали ИМР — инженерную машину разграждения. Теперь стальное чудище разминается перед работой. Берет клешней огромный валун, поднимает его над своей башней, бросает в реку; поводит стальным отвалом: ставит горизонтально, наклоняет, потом нож как бы складывается, превращаясь в форштевень... Сердито поблескивают узенькие прорези броневых стекол.

Поднялась крышка люка, и из машины вылез ее механик-водитель рядовой Николай Мельник, недавний десятиклассник из Ростовской области. Невысокого роста, худенький. Улыбнулся смущенно: дескать, извините, но этой громадой действительно управлять доверено мне...

Келпш собрал офицеров, заслушивает доклады, сверяет данные: подрывом сверху было завалено 80 метров дороги, второй завал — через 200 метров, высота 2,5 метра, третий — высота до 8 метров; обрушена скала — осколки диаметром до 10 метров. За первый день

прошли 2,5 километра. За второй — 15 километров... На участке протяжением 58 километров снято 196 мин и 18 фугасов. Видимо, в бандах есть иностранные инструкторы.

Устроившись на дувале, разговариваю с командиром саперного взвода старшим лейтенантом Владимиром Борисовичем Гладковым. Он секретарь партийной организации роты. Времени на беседу немного. Саперы скоро снова пойдут вперед.

Первые мины взвод встретил сразу при входе в ущелье. На дороге. Заграждение старое — установлено несколько месяцев назад. Свежие минные поля начали попадаться позже. На миноискатели здесь особенно надеяться нельзя. Порода неоднородная, частые вкрапления железной руды. Работали в основном щупами.

— Знаете, как он выглядит? Кушнеренко! Неси щуп!

В руках у старшего лейтенанта появилась длинная деревянная трость с тонким металлическим наконечником. Легкими, быстрыми ударами он несколько раз уколол грунт.

— Нужно чувствовать упругость породы, замечать изменение звука. Если придется двигаться ползком, металлический наконечник переставляют перпендикулярно... Мины в основном итальянские «ТС-6,5» и английские «М-К-7».

— Можно взглянуть?

— Земляницын! Неси мины.

Смотрю на Гладкова: молод, ну совсем еще молод! Но голос, взгляд, жест — вся повадка бывалого офицера подсказывает, что этот старший лейтенант повидал уже немало, уже взвесил свой фунт военного лиха, умеет командовать, не растеряется в сложной обстановке, уважает старших, но и себе цену знает. А еще чувствуется, что его любят.

Рядовой Сергей Земляницын аккуратненько выложил у наших ног две большие круглые коробки. Итальянская нарядна. Ее пластмассовый цвета кофе с молоком ребристый корпус напоминает крышку ультрасовременного пылесоса. Корпус английский — из металла, она скорее похожа на видавшую виды сковороду.

— Английские появились у банд с осени прошлого года. Может, и совпадение, но как раз вскоре после то-

го, как госпожа Тэтчер посетила Пакистан. Первую такую мину нашла собака Форд. В Кунаре. Как полагается, уселась рядом с миной, тявкнула и стала ждать награду.

— А сейчас собаки использовались?

— Зайцев! Веди Ольгерда.

Огромную поджарую овчарку привели на коротком поводке. Ольгерд уселся, укоризненно глянул на своего проводника и презрительно отвернулся от нас, оскорбленный недоверием.

— Хорошо работают. Правда, когда нет особой жары.

— Ольгерд и в жару работает, товарищ старший лейтенант,— возразил Зайцев.

— И когда грохота нет,— продолжал Гладков, не принимая возражения.

— Ольгерд и под огнем работает, товарищ старший лейтенант. Ну что вы сегодня, право...

Теперь и проводник и собака оба не смотрели на командира, разобиженные окончательно.

Сигнал—и эхо команд взметнуло лагерь. Быстро свертывались палатки, зашипели под струями воды костры, снизу от реки донесся гул моторов.

Прощаясь, старший лейтенант уточнил:

— Если будете про нас писать, не забудьте, пожалуйста; младший сержант Анатолий Зайцев. Храбрый и умелый боец. На днях принят в партию. Еще приняты рядовой Сергей Земляницын, Александр Кушнеренко, Ходжапес Ходжапесов... Младший сержант Сергей Шаповалов снял четыре мины, рядовой Маджид Абдурахимов—пять мин и два фугаса...

— Можно с ними потолковать?

Впервые за наш разговор Гладков отрицательно покачал головой.

— К сожалению... Хотя стоило бы. Но Шаповалов впереди—в дозоре, Абдурахимов позади—в медсанбате. Такое дело... Разрешите?

Он откозырял и пошел к своей уже строящейся роте, по-прежнему держа в руке саперный щуп, который похож разом на посох, на копье и на волшебную палочку.

III

Операция, которую подразделения афганской армии вели в этой долине, ликвидируя крупное бандитское формирование Ахмед Шаха, вступила в завершающую фазу. Кое-где еще продолжались бои, но мирная жизнь уже возвращалась в Панджшер. В кишлаках дымили трубы, покачивались на тростниках красные флажки, пестрели гирлянды вывешенного для просушки белья. Солдаты раздавали с грузовиков присланные из Кабула рис, соль, хозяйственное мыло, галоши...

Ахмед Шах, бросив свои отряды, бежал в Пакистан, давал интервью западным корреспондентам, приводя фантастические цифры урона, который якобы удалось нанести частям, принимавшим участие в операции. Было упомянуто и о том, что «убит один генерал».

Возможно, имелся в виду случай, когда наша бронеколонна — три БТР — попала в засаду в теснине неподалеку от городка Руха — административного центра Панджшера. Головной бронетранспортер был поврежден выстрелом из ручного гранатомета. Пока его чинили, пришлось занять круговую оборону. Вскоре подоспела подмога.

После этой теснины дорога слегка расширяется, освободив место полям и садам. Городок еще молчалив и пустынен. Пахнет гарью. Внизу над рекой видны развалины старинной крепости. По узенькой главной улице мимо деревянных навесов над магазинчиками мы проехали к школе, где временно разместилась прибывшая из Кабула группа партийцев, так называемое «оргядро». Их задача — помочь укреплению народной власти в Панджшере. Здесь же находятся губернатор провинции Парван товарищ Саид Бари и член ЦК НДПА товарищ Мир Сахеб Карваль.

Парты в школе сдвинуты к стенам. Лежат солдатские вещмешки, связки книг, рулоны плакатов. По углам стоит оружие. На полу расстелены серые суконные одеяла. Сидя на них, с десяток человек, молодежь и постарше, кто в форме, кто в пиджаках, рубашках, пьют чай. Из соседнего класса доносится неумелый, с заминками стук пишущей машинки.

— Завтра разъезжаемся по кишлакам, — говорит Карваль.

У него крепкая фигура, широкие плечи, руку жмет сильно.

— Нужно быстрее вернуть население с гор, обеспечить завершение сельскохозяйственных работ. Дело нелегкое. Люди запуганы бандами, терроризованы, — добавляет губернатор.

— Хотя вообще-то афганского крестьянина запугать не так просто. Может, имели возможность приметить? — В голосе Карваля звучит нотка гордости.

Что ж, мне действительно не раз доводилось восхищаться смелостью, достоинством и трудолюбием афганского крестьянина, видеть, как в просторной белой рубахе, налегая на рукоятки плуга, а то и деревянной сохи, не поворачивая голову на звуки выстрелов, на гул пролетавшего самолета, он идет за волами, и ровные, строка к строке, борозды ложатся на поле.

— Как бы ни была сложна сейчас обстановка, мы можем с уверенностью сказать, что крестьянин уже ощутил реальные блага, которые принесла революция, — говорит Карваль. — Примерно 300 тысяч крестьянских семей получили около 700 тысяч гектаров земли. О земельной реформе контрреволюция, ссылаясь на Коран, говорит: «Харам!» — «Не бери чужого!» Мы тоже можем опереться на Коран: «Если человек возделал землю, она принадлежит ему». В этом споре крестьянство становится на сторону революции...

По образованию Карваль — инженер. Долгое время читал курс гидравлики в Кабульском политехническом институте, в партии — с момента ее основания, сейчас — уполномоченный Центрального Комитета по зоне Центр, включающей ряд важнейших провинций страны.

— Распределенная по реформе земля обрабатывается, — говорит Карваль. — Мы проверяли. Теперь крестьянин помещикам ничего с урожая не платит. Он питается лучше. Он начинает чувствовать себя на земле хозяином. Видимо, и в этом тоже одна из причин определенной устойчивости экономики и укрепляющейся боеспособности армии. Сейчас мы уже можем увольнять в запас солдат, отслуживших срок. Части пополняются регулярно.

Разговаривать с Карвалем интересно. Речь суховата, формулировки отточены. Но порой сверкнет глазами и скажет что-то неожиданно поэтическое. «О, путник,

будь осторожен. На горной тропе ты — как слеза на кончике ресницы!» — это было произнесено протяжно, почти нараспев, когда нашу машину занесло у края пропасти на одном из поворотов по пути в кишлак Бурджаман. А вечером после митинга Карваль рассказал, как давным-давно — был тогда еще студентом — поразили его строчки Тютчева:

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду — чуткое молчанье.
Что это? Сон иль ожиданье?
И близок день или далек?

Кишлак Бурджаман только вчера освобожден от бандитов. Ступени чуть поникших без влаги пшеничных полей, дувалы, лестнички, переходы ведут все выше, выше к глинобитным домикам. Вдалеке, прямо с небес, почти с зенита, падает в ущелье по коричневой стене Гиндукуша белопенный поток.

Уполномоченного ЦК НДПА и губернатора провинции встретил командир подразделения афганских десантников-«коммандос» полковник Абдул Азим. Пока крестьяне собирались на митинг, мы пошли в ограду, куда несут и везут захваченное у врага оружие. Грудой лежит вороненый, разноплеменный металл «необъявленной войны».

Автоматы — навалом. Египетские, западногерманские... Из кучи выглядывает ребристый ствол пулемета «Кольт».

Английский миномет. Калибр — 81 миллиметр.

Крупнокалиберные пулеметы системы ДШК.

Американские автоматические винтовки с пластиковым цевьем и прикладом.

Чуть в сторонке штабелек серых брусочков. Это взрывчатка. Среди китайских иероглифов можно разобрать цифру «400». По-видимому, вес.

Гранаты для ручного гранатомета. «Сделано в США».

— Хотите опробовать что-нибудь? — с готовностью предложил капитан, ведающий приемкой трофеев.

— Нет, — покачал головой Карваль. — Стрельбы хватает.

С юго-востока, путаясь и дробясь о стены извилистого ущелья, долетали отзвуки отдаленного боя. Там,

в районе плотины, одна из банд продолжала держать оборону.

Крестьяне собрались в тени тутовых деревьев, сели полукругом возле пересохшего арыка. В основном пожилой, степенный народ. Старики время от времени достают из халатов круглые жестяные коробочки, бросают в рот щепотки жевательного табака. Отдельно, островком, сидят мальчишки, не шалят, посверкивают черными глазенками.

Круг становится шире, плотнее. Губернатор Саид Бари открывает митинг, приветствует благородных жителей Бурджамана от имени Революционного совета и правительства ДРА. Слушаю переводчика, смотрю на лица крестьян, торопливо записываю, не успеваю, ложатся лишь отдельные фразы.

Саид Барит: «Цель апрельской революции — благо народа. Наймиты американского империализма мешают нам строить новую, счастливую жизнь. Теперь в Панджшере они разгромлены. Пусть мир и покой вернутся на эти поля...»

Приложив руки к груди, чуть склонив голову, крестьяне выражают согласие с оратором.

Через просветы в деревьях видно, как вдалеке по расщелинам тянутся к кишлаку цепочки людей. То там, то тут мелькнет красный флажок.

Полковник Абдул Азим: «Война есть война. Она всегда бедствие. Но кто принес эту беду в долину? В бинокль я видел, как бандиты угоняли стариков в горы. Разве это наш обычай? Где ваши семьи? Нужно послать ходоков. Пусть идут домой. Народная власть будет стоять в Панджшере твердо...».

Пока он выступает, подошли еще несколько крестьян, выбрали местечко, начали было усаживаться, снова поднялись, заулыбались, обнимаются с одним из солдат-десантников. Наверное, родня.

Старик в зеленом рваном халате встал с земли, сказал несколько слов. Переводчик его не расслышал.

Абдул Азим: «Не пускают бандиты? Дадим провожатых! Я—старый солдат, старый командир. Я вижу среди вас тех, кто когда-то служил под моей командой. Постарели, отпустили бороды, надели чалмы, а узнать—узнаю. Неужели бывшие «коммандос» боятся каких-то наемников?»

Рябоватое крестьянское лицо полковника хмуро. Но как-то потеплели слушатели. Волна одобрительного говорка пробежала по рядам.

Совсем близкая дробь пулемета прервала оратора. Кто-то бьет зло, прицельно, короткими, быстро следующими одна за другой очередями. Обернулся полковник, скомандовал. Побежали к реке санитары с носилками. Рявкнула пушка, нащупывая огневую точку. Второй выстрел... Третий...

Выясняется, что один из бандитов, спрятавшись за камнями, обстрелял группу крестьян, возвращавшихся в родной кишлак. Слово берет Карваль:

«У нас тут возникла мысль. В кишлаке есть молодежь призывного возраста. А что, если их не возьмут в армию, а дадут оружие, чтобы организовать ваш отряд самообороны? И в работе подмога, и кишлаку защита!»

...Вечером, перелистывая блокнот, разбирая записи, я все никак не могу установить, кто именно что сказал, с какой фразы митинг превратился в беседу. Все чаще один за другим, а то и несколько человек разом поднимались крестьяне, задавали вопросы. Жестяные коробочки с жевательным табаком оставались нераскрытыми. В первый раз прозвучала брошенная кем-то шутка, и раздался смех. В первый раз все подняли ладони к небу, притронулись кончиками пальцев к вискам и, скрестив руки на груди, согласно склонили головы.

Крестьянин помоложе, не в чалме, а почему-то в старой солдатской шапке: «Нужна вода. Арыки пересохли. Еще пару дней, и погибнет урожай».

Сахеб Карваль: «Слышите, идет бой. Это там, где плотина, где питаются арыки. Там солдаты проливают кровь, чтобы дать вам воду».

Мне не видно лица Карваля. Только спина, широкие плечи, густые черные волосы, уже крепко тронутые сединой. Зато хорошо видны внимательные лица крестьян.

Карваль: «Поговорим о Коране. Когда пророка спросили, что ему дороже всего на свете, он ответил — мать! И второй раз спросили, он ответил то же, и третий... Наша общая мать — родина. Народная власть, партия сделают все, чтобы родина наша была свободной и процветающей...»

«Пятерица»: земля, вода, тягло, зерно для посадки, рабочие руки... У кого из вас, кроме рабочих рук, было все это? Сколько частей урожая должны были отдавать баю, помещику, тому самому Ахмед Шаху?»

«Поговорим о дороге. В Коране сказано: если новый путь упрется в мечеть, даже мечеть нужно перенести в другое место. Вот как относился пророк к дороге. По ней к вам придут товары — соль, спички, керосин, ситец, удобрения... По ней ваши дети поедут учиться, увидят свет. А что сделали с дорогой бандиты? И кто, рискуя жизнью, восстанавливал путь?»

Снова гул дружного одобрения прошел по рядам. Но неожиданно чалмы, тюбетейки, шапки — все, как по команде «Равняйсь!», повернулись в другую сторону. Карваль замолчал. И в наступившей тишине стал ясно различим надвигающийся шорох.

Один из мальчишек, сидевший рядом со мной, вскочил, схватил мотыгу и побежал вверх вдоль арыка. Навстречу ему по серой пыли ползла, извиваясь, черная змейка влаги. Прямо на глазах она набухала, превращаясь в поток. И это означало, что высоко в горах возле плотины десантники успешно завершили еще один бой.

Старики, сидевшие над арыком, опустили ладони в воду. Потоки мчались к полям.

Май — июнь, 1982 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Иона Ионович Андронов
ПО ВОЛЧЬЕМУ СЛЕДУ

•

Тимур Аркадьевич Гайдар
ПОД АФГАНСКИМ НЕБОМ

Редактор
Н. А. Преснова

Оформление художника
А. И. Неровного

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
А. И. Шагарина

Сдано в набор 26.10.83. Подписано к печати 28.11.83.
А 00757. Гарнитура «Новогазетная». Печать высокая.
Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1.
Усл. печ.л.15,96. Уч.-изд. л. 15,51. Тираж 400 000 экз.
(1-й завод: 1—200 000). Цена 1 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии ордена Ленина
комбината печати издательства «Радянська Україна»,
г. Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94.
Заказ № 0518.

1 руб.